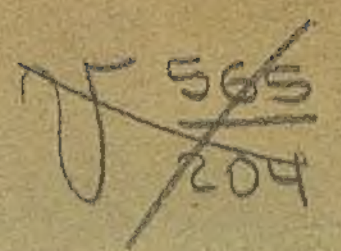

A 192/427
B.7 1908

Записки И. Д. Якушкина.

Полное изданіе съ двумя портретами.

Библіотека Декабристовъ.

Выпускъ седьмой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Русская Жизнь.

Цензурныя условія, въ которыхъ находились до послѣдняго времени даже научные труды и историческія изслѣдованія, совершенно не допускали касаться многихъ весьма важныхъ и весьма интересныхъ моментовъ русской жизни, а единственное направленіе, допускавшееся въ русской исторіографіи и нашедшее себѣ послѣдователей въ лицѣ иловайскихъ, совершенно исказило ея прошлое.

Издательство Русская Жизнь задалось цѣлью ознакомить читающую публику съ жизнью Россіи, съ наиболѣе выдающимися ея явленіями и фактами и дастъ рядъ изслѣдованій, составящихъ въ общемъ цѣльную картину русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ. При этомъ въ основу изданія кладется **серьезность и научность** изложенія событій.

Они будутъ представлены въ описаніяхъ, запискахъ и воспоминаніяхъ самихъ участниковъ или современниковъ и работахъ извѣстныхъ историковъ Россіи.

Въ первую серію намѣчено:

1) **Дѣло и смерть царевича Алексѣя Петровича**.

2) **Записки Екатерины II**.—Переводъ съ рукописи, находящейся въ Государственномъ архивѣ.

3) **О поврежденіи нравовъ въ Россіи**.—Кн. М. М. Щербатова.

4) **Дворцовый переворотъ 1762 года и смерть Петра III**.—Сочиненіе извѣстнаго французскаго историка-очевидца—Рюльера (ни разу не напечатано); письма Петра III изъ заключенія; письма Орлова объ «узникѣ» и другія статьи и матеріалы.

5) **Княжна Тараканова**.—Ненапечатанная рукопись и изслѣдованіе профессора Львовскаго Университета Ливинскаго по документамъ Государственнаго архива.

6) **Іоаннъ Антоновичъ и Мировичъ**.—Изслѣдованіе.

7) **Дворцовый переворотъ 11 марта и смерть Павла I**.—Записки участниковъ и современниковъ: графа Бенигсена, графа Ланжерона, кн. Паленъ, гр. Гейкинга, Саблукова и друг.

Записки И. Д. Якушкина.

ЗАПИСКИ

И. Д. Якушкина.

ПОЛНОЕ, БЕЗЪ ВЫПУСКОВЪ, ИЗДАНІЕ.

Библіотеки Декабристовъ.

МОСКВА
—
1908.

2007237424

И. Д. Якушкинъ.

(Съ портрета, рисован. карандашемъ въ 1823 г.).

*)

I.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторишихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпененіи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: «Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!» Въ рядахъ даже между солдатами не

---

*) Настоящее изданіе записокъ И. Д. Якушкина является первымъ полнымъ изданіемъ. Онѣ выдержали уже три изданія, но всѣ онѣ по независящимъ отъ издателей и досаднымъ для нихъ обстоятельствамъ не могли выйти въ полномъ видѣ. Хотя надо сказать, и теперь пришлось нѣсколько словъ замѣнить точками. Кромѣ упомянутыхъ изданій первыя двѣ части записокъ были напечатаны А. И. Герценомъ въ Лондонѣ въ 1862 г. и особо были еще перепечатаны въ 1874 и въ Лейпцигѣ; третья часть была помѣщена въ *Русскомъ Архивѣ* за 1870 годъ.

Текстъ записокъ въ настоящемъ изданіи перепечатывается съ разрѣшенія В. Е. Якушкина, съ третьяго изданія, напечатаннаго по подлинной рукописи. Пропуски же вставлены по Герценовскому изданію 1862 года: редакціи не удалось воспользоваться рукописью записокъ. *Ред.*

было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда послѣ не былъ онъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время, въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13-мъ году императоръ Александръ перестал быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14-мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставилъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для себя болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіями своего царственнаго питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской моло-

дежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.

Изъ Франціи, въ 14-мъ году, мы возвратились моремъ въ Россію. 1-ая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество. Я получилъ позволеніе уѣхать въ Петербургъ и ожидать тамъ полкъ. Остановившись у однополчанина Толстого (теперь сенатора), мы отправились вмѣстѣ съ нимъ во фракахъ взглянуть на 1-ую гвардейскую дивизію, вступающую въ столицу. Для ознаменованія великаго этого дня были выстроены на скорую руку у петергофскаго въѣзда ворота и на нихъ поставлены шесть алебастровыхъ лошадей, знаменующихъ шесть гвардейскихъ полковъ 1-ой дивизіи. Толстой и я, мы стояли недалеко отъ золотой кареты, въ которой сидѣла императрица Марія Θеодровна съ вел. княжной Анной Павловной. Наконецъ показался императоръ, предводительствующій гвардейской дивизіей, на славномъ рыжемъ конѣ, съ обнаженной шпагой, которую онъ уже готовъ былъ опустить передъ императрицей. Мы имъ любовались; но въ самую эту минуту, почти передъ его лошадью перебѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ; я невольно вспомнилъ о кошкѣ, обращенной въ красавицу, которая однакожъ не могла видѣть мыши, не бросившись на нее.

Въ 14-мъ году существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія

судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастію. Походъ этотъ отъ Петербурга до Вильны и обратно былъ для гвардіи прогулкой. Въ томъ же году мы возвратились въ Петербургъ. Въ Семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ,—такое времяпрепровожденіе было рѣшительно нововведеніе. Въ 11-мъ году, когда я вступилъ въ Семеновскій полкъ, офицеры, сходившись между собою, или играли въ карты, безъ зазрѣнія совѣсти надувая другъ-друга, или пили и кутили на пропалую. Полковой командиръ Семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ нашу артель и иногда обѣдалъ съ нами; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину прекратить артель въ Семеновскомъ полку, сказалъ, что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся. Императора однакоже все еще любили, помня, какъ онъ былъ прекрасенъ въ 13 и 14 годахъ, и потому ожидали его въ 15-мъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ появился флагъ на Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день велѣно всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ быть на выходѣ. Всѣхъ удивило, что при этомъ не было артиллерійскихъ офицеровъ; они пріѣзжали, но ихъ не пустили во дворецъ. Полковникъ Таубе донесъ госу-

дарю, что офицеры его бригады въ сношеніи съ нимъ позволили себѣ дерзость. Таубе былъ ненавидимъ и офицерами и солдатами; но вслѣдствіе его доноса два князя Горчакова (главнокамандующій на Дунаѣ и бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири) и еще пять отличныхъ офицеровъ были высланы въ армію. Происшествіе это произвело непріятное впечатлѣніе на всю армію. До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изреченія императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ, напр., при смотрѣ при Вертю, во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютантъ гр. Ожеровскій, родственникъ Сергѣя и Матвѣя Муравьеыхъ, возвратившись однажды изъ дворца, разсказалъ имъ, что императоръ, говоря объ русскихъ вообще, сказалъ, что каждый изъ нихъ или плутъ или дуракъ, и т. д.

По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяцъ отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ графу Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную свою силу.

Служба въ гвардіи стала для меня несносна. Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-ой егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Фонвизинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался

съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторга; повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ насъ занимавшихъ показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

Одинъ разъ Трубецкой и я—мы были у Муравьевыхъ. Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы съ предложеніемъ составить Тайное Общество, цѣль котораго, по словамъ Александра, должна была состоять въ противодѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизнѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ: но что если бы составилось Тайное Общество, членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ бы въ такое Общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы на предложеніе Александра отвѣчали почти то же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ блага Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе Тайному Обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безплодно для Россіи.

Было положено составить уставъ для Общества и въ началѣ принимать въ него членовъ не иначе, какъ

съ согласія всѣхъ шестерыхъ насъ. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-ой егерскій полкъ. Заѣхавъ по пути къ дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, я ему объявилъ, что желаю освободить своихъ крестьянъ. Въ это время я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ; онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума.

Пріѣхавъ въ Сосницы, гдѣ была штабъ-квартира 37-го егерскаго полка, я узналъ, что этотъ полкъ долженъ быть расформированъ и въ кадрахъ идти въ Москву. Фонвизинъ совѣтовалъ мнѣ не принимать роты и обошелся со мной не такъ, какъ полковой мой командиръ, но какъ самый любезный товарищъ. Мы были съ нимъ неразлучны цѣлый день и всякій день просиживали вмѣстѣ далеко за полночь; всѣ вопросы, занимавшіе насъ въ Петербургѣ, были столько же близки ему, какъ и намъ. Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать староверству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать, на мнѣніе молодежи; что для этого лучшимъ средствомъ учредить Тайное Общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ большею увѣренностью и рѣшимостью. Наконецъ Фонвизинъ сказалъ мнѣ, что если бы такое Общество существовало, состоя только изъ 5 человѣкъ, то онъ тотчасъ бы вступилъ въ него. При этомъ я не могъ воздержаться, чтобы не довѣрить ему осуществленіе Тайнаго Общества въ Петербургѣ и что я принадлежу къ

нему. Фонвизинъ тутъ же присоединился къ намъ. Съ первой почтой я извѣстилъ Никиту Муравьева о важномъ пріобрѣтеніи, какое я сдѣлалъ для нашего Общества въ лицѣ полковника Фонвизина, и надѣялся получить за это отъ нихъ отъ всѣхъ благодарность; но напротивъ получилъ строгій выговоръ за то, что поступилъ противъ условій между нами, въ силу которыхъ никто не имѣлъ права принимать никого въ Тайное Общество безъ предварительнаго на то согласія прочихъ членовъ; и я чувствовалъ, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужилъ такой выговоръ.

Въ началѣ 17-го года я пріѣхалъ въ Москву, и скоро послѣ того прибылъ въ кадрахъ 37-ой егерскій полкъ, котораго штабъ-квартира была назначена въ Дмитровѣ; не командуя ротой, я жилъ въ Москвѣ и ходилъ во фракѣ въ ожиданіи сентября, чтобы подать въ отставку. Фонвизинъ большую часть времени также проживалъ въ Москвѣ и также хотѣлъ оставить службу. Въ это время войска, бывшія во Франціи у графа Воронцова, возвращались въ Россію. Полки Апшеронскій и 38-ой егерскій, привезенные на судахъ, были на смотру у царя въ Петербургѣ. Онъ ужаснулся, увидѣвъ, какъ мало люди были выправлены, и прогналъ ихъ со смотра. 37-ой егерскій полкъ поступилъ въ 5-ый корпусъ. Командиръ этого корпуса графъ Толстой, дивизіонный командиръ кн. Хованскій и бригадный генералъ Полтарацкій (Константинъ Марковичъ), коротко знакомые съ Фонвизинымъ, уговорили его принять 38-ой егерскій полкъ, и его назначили командиромъ этого полка. Прощаясь съ 37-мъ егерскимъ полкомъ, Фонвизинъ прослезился, и офицеры и солдаты также плакали. Въ этомъ полку палка была уже выведена изъ употребленія. Принявъ 38-ой егерскій полкъ, задача для Фонвизина состояла, кромѣ обмундировки, выправка людей настолько, чтобы полкъ могъ пройти передъ царемъ въ парадѣ, не сбившись съ ноги. Фонвизинъ началъ съ

того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей; вообще въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., зато въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-ой егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ Фонвизину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ концѣ 17-го года вся царская фамилія переѣхала въ Москву и прожила тутъ мѣсяцевь 9 или 10. Еще въ августѣ прибылъ въ Москву отдѣльный гвардейскій корпусъ, состоящій изъ первыхъ батальоновъ всѣхъ пѣшихъ и первыхъ эскадроновъ всѣхъ конныхъ полковъ. При корпусѣ была также артиллерія. Командовалъ этимъ отрядомъ генералъ Розенъ, а начальникомъ штаба былъ Александръ Муравьевъ. Вмѣстѣ съ отрядомъ прибыли Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы. Михайло Муравьевъ, вступившій уже въ Общество, пріѣхалъ также въ Москву. Въ мое отсутствіе Общество очень распространилось; въ Петербургѣ было принято много членовъ, въ числѣ которыхъ былъ Бурцевъ (послѣ уже генералъ-маіоромъ убитый на Кавказѣ) и Пестель, адъютанты гр. Витгенштейна. Пестель составилъ первый уставъ для нашего Тайнаго Общества. Замѣчательно было въ этомъ уставѣ, во-первыхъ, то, что на вступающихъ въ Тайное Общество возлагалась обязанность ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы современемъ всѣ служебныя значительныя мѣста по военной и гражданской части были бы въ распоряженіи Тайнаго Общества; во-вторыхъ, было сказано, что если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія.

По прибытіи въ Москву Муравьевы, особенно Михайло, находили уставъ, написанный въ Петербургѣ.

неудобнымъ для первоначальныхъ дѣйствій Тайнаго Общества. Было положено приступить къ сочиненію новаго устава и при этомъ руководствоваться печатнымъ нѣмецкимъ уставомъ, привезеннымъ княземъ Ильей Долгорукимъ изъ-за границы и служившимъ пруссакамъ для тайнаго соединенія противъ французовъ. Пока изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, было учреждено временное Тайное Общество подъ названіемъ Военнаго. Цѣль его была только распространеніе Общества и соединеніе единомыслящихъ людей. У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому немудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ, или поступили въ Военное Общество или по единомыслію сочувствовали членамъ его. Обыкновенно собирались или у Фонвизина, съ которымъ я тогда жилъ, или въ Хамовникахъ, у Александра Муравьева, въ домѣ, въ которомъ жилъ также начальникъ гвардейскаго отряда генералъ Розенъ. Собранія эти все болѣе и болѣе становились многолюдны, на этихъ совѣщаніяхъ бывали между прочими оба Перовскіе (министръ удѣловъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ), толковали о тѣхъ же предметахъ, важность которыхъ насъ всѣхъ занимала. Къ прежде бывшимъ присоединилось еще новое зло для Россіи: императоръ Александръ, давно замышлявшій военныя поселенія, приступилъ теперь къ ихъ учрежденію. Графу Аракчееву было поручено привести въ исполненіе предначертанія, составленныя самимъ царемъ для устройства военныхъ поселеній. Графъ Аракчеевъ, во всѣхъ случаяхъ гордившійся тѣмъ, что онъ только неизмѣнное орудіе самодержавія, и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ. Въ Новгородской губерніи казенные крестьяне тѣхъ волостей, которыя были назначены подъ первыя военныя поселенія, чуя чутьемъ русскаго человѣка для себя

бѣду—возмутились. Гр. Аракчеевъ привелъ противъ нихъ кавалерію и артиллерію; по нимъ стрѣляли, ихъ рубили, многихъ прогнали сквозь строй, и бѣдные люди должны были покориться. Послѣ чего было объявлено крестьянамъ, что домы и все имущество болѣе имъ не принадлежатъ, что всѣ они поступаютъ въ солдаты, дѣти ихъ въ кантонисты, что они будутъ исполнять нѣкоторыя обязанности по службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ работать въ полѣ, но не для себя собственно, а въ пользу всего полка, къ которому будутъ приписаны. Имъ тотчасъ же обрили бороды, надѣли военныя шинели и расписали по ротамъ и капральствамъ. Извѣстія о новгородскихъ происшествіяхъ привели всѣхъ въ ужасъ. Императоръ Александръ, въ Европѣ покровитель и почти корифей либераловъ, въ Россіи былъ не только жестокимъ, но что хуже того—безсмысленнымъ д . . . . мъ.

Разводы, парады и военные смотры были почти его единственныя занятія, заботились же только о военныхъ поселеніяхъ и устройствѣ большихъ дорогъ по всей Россіи, причемъ онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни пота, ни крови своихъ подданныхъ. Никогда никто изъ приближенныхъ къ царю, ни даже самъ онъ не могли дать удовлетворительнаго объясненія, что такое военныя поселенія. Такъ, напримѣръ, въ Тульчинѣ за обѣдомъ и бывши въ веселомъ расположеніи духа послѣ очень удачнаго военнаго смотра, императоръ обратился къ генералу Киселеву съ вопросомъ, примиряется ли онъ, наконецъ, съ военными поселеніями. Киселевъ отвѣчалъ, что его обязанность вѣрить, что военныя поселенія принесутъ пользу, потому что его императорскому величеству это угодно, но что самъ онъ тутъ рѣшительно ничего не понимаетъ.—«Какъ же ты не понимаешь,—возразилъ императоръ Александръ,—что при теперешнемъ порядкѣ всякій разъ, что объявляется рекрутскій наборъ, вся Россія плачетъ и рыдаетъ; когда же окончательно устроятся военныя поселенія—

не будетъ рекрутскихъ наборовъ». Графъ Аракчеевъ, когда у него спрашивали о цѣли военныхъ поселеній всякій разъ отвѣчалъ, что это не его дѣло и что онъ только исполнитель высочайшей воли. Извѣстно, что военныя поселенія со временемъ должны были составить посередь Россіи полосу съ сѣвера на югъ и совмѣстить въ себѣ штабъ-квартиры всѣхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственными средствами продовольствовать войска, посреди ихъ квартирующія: ужъ это одно было, вѣроятно, предположеніе несбыточное. При окончательномъ устройствѣ военныхъ поселеній они неминуемо должны были образоваться въ военную касту съ оружіемъ въ рукахъ и не имѣющую ничего общаго съ остальнымъ народонаселеніемъ Россіи. Они уничтожены и подверглись общей участи всякой безсмыслицы, даже затѣянной человѣкомъ облеченнымъ огромнымъ могуществомъ.

Въ 17-мъ году была напечатана по-французски конституція Польши. Въ послѣднихъ пунктахъ этой конституціи было сказано, что никакая земля не могла быть отторгнута отъ Царства Польскаго, но что по усмотрѣнію и волѣ высшей власти могли быть присоединены къ Польшѣ земли, отторгнутыя отъ Россіи, изъ чего слѣдовало заключить, что, по волѣ императора, часть Россіи могла сдѣлаться Польшей. Все это поселяло ненависть къ императору Александру въ людяхъ, готовыхъ жертвовать собой для блага Россіи.

Въ концѣ 17 го года вся царская фамилія была уже въ Москвѣ, и скоро ожидали прибытія императора. Однажды Александръ Муравьевъ, заѣхавъ въ одинъ домъ, гдѣ я обѣдалъ и въ которомъ онъ не былъ знакомъ, велѣлъ меня вызвать и сказалъ съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему вечеромъ. Я явился въ назначенный часъ. Совѣщаніе это было не многолюдно; тутъ были, кромѣ самаго хозяина, Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы, Фонвизинъ, князь Шаховской и я. Александръ Муравьевъ прочелъ

намъ только-что полученное письмо отъ Трубецкаго, въ которомъ онъ извѣщалъ всѣхъ насъ о петербургскихъ слухахъ; во-первыхъ, что царь влюбленъ въ Польшу, и это было всѣмъ извѣстно; на Польшу, которой онъ только-что далъ конституцію и которую почиталъ несравненно образованнѣе Россіи, онъ смотрѣлъ какъ на часть Европы; во-вторыхъ, что онъ ненавидитъ Россію, и это было вѣроятно послѣ всѣхъ его дѣйствій въ Россіи съ 15-го года; въ-третьихъ, что онъ намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ, и это было вѣроятно; наконецъ, что онъ, ненавидя и презирая Россію, намѣренъ перенести столицу свою въ Варшаву. Это могло показаться невѣроятнымъ, но послѣ всего невѣроятнаго, совершаемаго русскимъ царемъ въ Россіи, можно было повѣрить и послѣднему извѣстію, особенно при нашемъ въ эту минуту раздраженномъ воображеніи. Александръ Муравьевъ перечиталъ вслухъ еще разъ письмо Трубецкого, потомъ начались толки и сокрушенія о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Россія подъ управленіемъ императора Александра. Меня проникла дрожь; я ходилъ по комнатѣ и спросилъ у присутствующихъ, точно ли они вѣрятъ всему сказанному въ письмѣ Трубецкого и тому, что Россія не можетъ быть болѣе несчастна, какъ оставаясь подъ управленіемъ царствующаго императора; всѣ стали меня увѣрять, что то и другое несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, Тайному Обществу тутъ нечего дѣлать, и теперь каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать по собственной совѣсти и по собственному убѣжденію. На минуту всѣ замолчали. Наконецъ Александръ Муравьевъ сказалъ, что для отвращенія бѣдствій, угрожающихъ Россіи, необходимо прекратить царствованіе императора Александра и что онъ предлагаетъ бросить между нами жребій, чтобы узнать, кому достанется нанесть ударъ царю. На это я ему отвѣчалъ, что они опоздали, что я рѣшился безъ вся-

каго жребія принести себя въ жертву и никому не уступлю этой чести. Затѣмъ наступило опять молчаніе. Фонвизинъ подошелъ ко мнѣ и просилъ меня успокоиться, увѣряя, что я въ лихорадочномъ состояніи и не долженъ въ такомъ расположеніи духа брать на себя обѣтъ, который завтра же покажется мнѣ безразсуднымъ. Съ своей стороны я увѣрялъ Фонвизина, что я совершенно спокоенъ, въ доказательство чего предложилъ ему сыграть въ шахматы и обыгралъ его. Совѣщаніе прекратилось, и я съ Фонвизинымъ уѣхалъ домой. Почти цѣлую ночь онъ не далъ мнѣ спать, безбезпрестанно уговаривая меня отложить безразсудное мое предпріятіе и со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ не можетъ представить безъ ужаса ту минуту, когда меня выведутъ на эшафотъ. Я увѣрялъ, что не доставлю такого ужаснаго для него зрѣлища. Я рѣшился по прибытіи императора Александра отправиться съ двумя пистолетами къ Успенскому собору и, когда царь пойдетъ во дворецъ, изъ одного пистолета выстрѣлить въ него и изъ другого въ себя. Въ такомъ поступкѣ я видѣлъ не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ.

На другой день Фонвизинъ, видя, что всѣ его убѣжденія тщетны, отправился въ Хамовники и извѣстилъ живущихъ тамъ членовъ, что я никакъ не хочу отложить намѣреваемаго мной предпріятія. Вечеромъ собрались у Фонвизина тѣ же лица, которыя вчера были у Александра Муравьева; начались толки, но совершенно въ противномъ смыслѣ вчерашнимъ толкамъ. Увѣряли меня, что все сказанное въ письмѣ Трубецкаго можетъ быть и неправда, что смерть императора Александра въ настоящую минуту не можетъ быть ни на какую пользу для государства и что, наконецъ, своимъ упорствомъ я гублю не только всѣхъ ихъ, но и Тайное Общество при самомъ его началѣ и которое современемъ могло бы принести столько пользы для Россіи. Всѣ эти толки и переговоры длились почти

цѣлый вечеръ, наконецъ я далъ имъ обѣщаніе не приступать къ исполненію моего намѣренія и сказалъ имъ, что если все то, чему они такъ рѣшительно вѣрили вчера, не болѣе какъ вздоръ, то вчера они своимъ легкомысліемъ увлекли было меня къ совершенію самаго великаго преступленія; но что если въ самомъ дѣлѣ ни что не можетъ быть счастливѣе для Россіи, какъ прекращеніе царствованія, императора Александра, то сегодня своей нерѣшительностью и своими требованіями они отнимаютъ у меня возможность совершить самое прекрасное дѣло, и въ заключеніе объявилъ, что я болѣе не принадлежу къ ихъ Тайному Обществу.

Потомъ Фонвизинъ, Никита Муравьевъ и другіе очень уговаривали меня не покидать Общества, но я рѣшительно сказалъ имъ, что не буду ни на одномъ изъ ихъ совѣщаній. И въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, что собирались у Фонвизина, я куда нибудь уѣзжалъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи коротко знакомъ съ главными членами Общества, я всякій день съ ними видѣлся. Они свободно говорили при мнѣ о дѣлахъ своихъ, и я зналъ все, что у нихъ дѣлается. Уставъ Союза Благоденствія, извѣстный подъ названіемъ Зеленой Книги, я читалъ при самомъ его появленіи. Главными редакторами были Михайло и Никита Муравьевы; въ самомъ началѣ изложенія его было сказано, что члены Тайнаго Общества соединились съ цѣлью противодѣйствовать злонамѣренымъ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже наполовину ложь, потому что никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства. Въ это время число членовъ Тайнаго Общества значительно увеличилось, и многіе изъ нихъ стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы палка, крѣпостное состояніе и проч. Теперь покажется невѣроятнымъ, чтобы вопросы, давно уже порѣшенные между образован-

ными людьми, 38 лѣтъ тому назадъ были вопросами совершенно новыми даже для людей, почитаемыхъ тогда образованными, т.-е. для людей, которые говорили по-французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словестностью. Въ этомъ дѣлѣ мы рѣшительно были застрѣльщиками, или, какъ говорятъ французы, пропалыми ребятами (enfants perdus); на каждомъ шагу встрѣчались скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было не понятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ. Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государста. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины.

Въ началѣ 18-го года пріѣхалъ въ Москву полковникъ Лубенскаго полка Граббе и остановился у Фонвизина; они вмѣстѣ были адъютантами у Ермолова. Многіе изъ моихъ знакомыхъ выхваляли мнѣ Граббе, какъ человѣка отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ; этого уже было достаточно для меня, чтобы не спѣшить съ нимъ познакомиться; я полагалъ, что онъ, можетъ быть, человѣкъ, проникнутый чувствомъ высокихъ своихъ достоинствъ, а я такого рода отличныхъ людей не очень жаловалъ. Мы прожили съ нимъ нѣсколько дней подъ одной кровлей, не сходясь ни разу. Наконецъ, въ одно прекрасное утро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, когда я еще лежалъ въ постѣли, и сказалъ, протянувъ мнѣ руку: «Я вижу, что вы никакъ не хо-

тите со мной сойтись, такъ знайте же, что я непременно хочу познакомиться съ вами». Черезъ какой нибудь часъ мы уже хорошо познакомились другъ съ другомъ. Пока мы ходили, разговаривая, по комнатѣ, человѣкъ Граббе принесъ его долманъ и ментикъ. Я спросилъ его, куда онъ собирается въ такомъ облаченіи? Онъ отвѣчалъ, что ему необходимо явиться къ гр. Аракчееву. Между тѣмъ мы продолжали ходить, и разговоръ попалъ на древнихъ историковъ. Въ это время мы страстно любили древнихъ: Пулултархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе—были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами. Граббе тоже любилъ древнихъ. На столѣ у меня лежала книга, изъ которой я прочелъ Граббе нѣсколько писемъ Брута къ Цицерону, въ которыхъ первый, рѣшившійся первый дѣйствовать противъ Октавія, упрекаетъ послѣдняго въ малодушіи. При этомъ чтеніи Граббе видимо воспламенился и сказалъ своему человѣку, что онъ не поѣдитъ со двора, и мы съ нимъ обѣдали вмѣстѣ; потомъ онъ уже никогда не бывалъ у Аракчеева, не смотря на то, что до него доходили слухи чрезъ приближенныхъ Аракчеева, что графъ на него сердится и повторялъ нѣсколько разъ: Граббе этотъ видно возгордися, что ко мнѣ не ѣдетъ. Вскорѣ послѣ этого Фонвизинъ принялъ Граббе въ члены Тайнаго Общества.

Въ 18-мъ году, 6-го генваря, назначенъ былъ всему гвардейскому отряду парадъ въ Кремлѣ. Погода была прегадкая, унтеръ-офицеры на линіяхъ были невѣрно поставлены—парадъ не удался. Царъ взбѣсился и посадилъ начальника штаба Александра Муравьева подъ арестъ на главную гауптвахту. Послѣ чего Александръ Муравьевъ вышелъ въ оставку и женился. Жена его, бывши невѣстой, пѣла съ нимъ Марсельезу, но потомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сумѣла мужа своего, отчаяннаго либерала, обратить въ отчаяннаго мистика, вслѣдствіе чего онъ отказался отъ Тайнаго Общества и

написалъ къ прежнимъ своимъ товарищамъ то посланіе, о которомъ упоминается въ донесеніяхъ комитета; впрочемъ, это было уже въ 19-мъ году.

Во время пребыванія императора въ Москвѣ были слухи, что онъ хочетъ освободить крестьянъ, чему можно было вѣрить, тѣмъ болѣе, что онъ освободилъ крестьянъ трехъ остзейскихъ губерній, правда, па такихъ условіяхъ, при которыхъ положеніе освобожденныхъ стало несравненно хуже прежняго. Имераторъ Александръ стыдился передъ Европой, что болѣе 10 милліоновъ его подданныхъ рабы, но непослѣдовательнымъ своимъ поведеніемъ онъ смущалъ то́лько умы, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Однажды во время прогулки своей по набержной, онъ увидѣлъ нѣсколько крестьянъ на колѣняхъ и у одного изъ нихъ бумагу на головѣ. Онъ принялъ отъ нихъ просьбу, въ которой было сказано, что крестьяне Тульской губерніи, работая на фабрикѣ своего помѣщика, не всегда получаютъ заработанную плату. Тотчасъ отправленъ былъ фельдъегеръ къ тульскому губернатору Оленину привести это дѣло въ порядокъ. Оленина я зналъ, и онъ самъ разсказывалъ мнѣ про это происшествіе; онъ отправился въ имѣніе своего пріятеля, приказалъ управляющему расплотиться съ крестьянами, и оказалось, что недоимка за конторою была самая незначительная. Тульскій губернаторъ донесъ императору, что крестьяне удовлетворены; тѣмъ все и кончилось. Но происшествіе это ужасно смутило помѣщиковъ. Въ то же почти время безпрестанно доходили слухи объ экзекуціяхъ въ разныхъ губерніяхъ. Въ Костромской, въ имѣніи Грибоѣдовой, матери сочинителя «Горе отъ ума», крестьяне, выведенные изъ терпѣнія жестокостью управляющаго и поборами выше силъ ихъ, вышли изъ повиновенія. По именному повелѣнію, къ нимъ была поставлена военная экзекуція и предоставлено было костромскому дворянству опредѣлить количество оброка въ Костромской губерніи, который былъ бы не-

отяготителенъ для крестьянъ. Костромское дворянство, какъ и всякое другое, не будучи врагами самому себѣ, донесло, что въ ихъ губерніи 70 рублей съ души можно полагать оброкомъ самымъ умѣреннымъ. На ихъ донесеніе не было ни отъ кого возраженій, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что въ Костромской губерніи ни одно имѣніе не платило такого огромнаго оброка.

Еще въ 15-мъ году императоръ принялся съ страстью за устройство дорогъ и украшеніе городовъ и селеній, но дороги эти такъ были устроены, что въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія ни по одной изъ нихъ въ скверную погоду не было проѣзду. Въ 18-мъ году, уѣзжая изъ Москвы, онъ назначилъ князя Хованскаго витебскимъ генералъ-губернаторомъ и приказалъ ему отправиться въ Ярославль поучиться у тамошняго губернатора Безобразова, какъ устраивать большіе дороги. Императоръ остался очень доволенъ дорогой въ Ярославской губерніи, проѣхавши по ней въ самую сухую погоду; но Хованскому пришлось ѣхать по этой дорогѣ въ проливные дожди, вязнувъ во многихъ мѣстахъ, онъ едва дотащился до Ярославля и обратно, а между тѣмъ на устройство этой дороги пошло по 10 рублей съ ревизской души всей Ярославской губерніи. Главнокомандующій 1-ой арміи Сакенъ былъ принужденъ оставить свою коляску, не доѣхавъ нѣсколько верстъ до Москвы, и торжественно въѣхалъ въ столицу верхомъ на лошади своего форейтора. Персидскій посланникъ, проѣзжая Смоленской губерніей, увѣрялъ, что и въ самой Персіи не существуетъ такихъ скверныхъ дорогъ, какъ въ Россіи. Проѣзжая черезъ Черниговскую и Полтавскую губерніи и бывши недоволенъ большими дорогами въ этомъ краѣ, императоръ объявилъ строгій выговоръ генералъ-губернатору князю Рѣпину. Рѣпинъ извинился тѣмъ, что въ его губерніяхъ неурожай, и что онъ почелъ необходимымъ въ этомъ году дать льготу крестьянамъ, не высылая ихъ на большія дороги.—«Что они дома сосутъ, то могутъ и на

большихъ дорогахъ»,—былъ отвѣтъ императора. Онъ, очевидно, все болѣе и болѣе ожесточался противъ Россіи. Между тѣмъ устройство большихъ дорогъ, по которымъ не было проѣзда, было повсевмѣстно разорительно для крестьянъ; ихъ сгоняли и иногда очень издалека и на какой нибудь мѣсяцъ времени. Они должны были глубоко взрыть дорогу по бокамъ, взрытую землю переметать на середину и все утоптать; потомъ выкопать по сторонамъ дороги канавы, обложить ихъ дерномъ и окончательно посадить въ два ряда березки, которыя, впрочемъ, очень часто втыкали въ землю безъ корней передъ самымъ проѣздомъ царя. Украшеніе городовъ и селеній состояло въ томъ, что для пріѣзда царя въ городахъ заставляли хозяевъ съ уличной стороны обивать тесомъ свои лачуги и красили всѣ крыши какъ и чѣмъ попало. Въ селеніяхъ же городили палисадники изъ мелкаго тына передъ избами, а мѣстами, какъ я видѣлъ это въ Тульской губеніи, избы были вымазаны бѣлой глиной, и все это забавляло императора.

Съ отбытіемъ гвардіи въ 18-мъ году еще осталось въ Москвѣ человѣкъ 30, большею частію завербованныхъ Александромъ Муравьевымъ. Бывши въ отставкѣ, мнѣ было необходимо въ томъ же году побывать въ С.-Петербургѣ. Оба—Фонвизинъ и Михайло Муравьевъ дали мнѣ письмо къ Никитѣ Муравьеву и поручили переговорить съ нимъ и съ другими о дѣлахъ общества. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ Никита, который въ это время былъ въ отставкѣ и усердно занимался дѣлами Тайнаго Общества, познакомилъ меня съ Пестелемъ. При первомъ же знакомствѣ мы проспорили съ нимъ часа два. Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ -то и заключалась причина почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти, 10

лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ Тайнаго Общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что Тайное Общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе. На другой день моего пріѣзда въ Петербургъ Никита сталъ меня уговаривать, чтобы я присоединился опять къ Тайному обществу, доказывая мнѣ, что теперь не существуетъ болѣе причины, меня отъ нихъ удалившей, что въ уставѣ Союза Благоденствія совершенно опредѣленъ мѣрный ходъ Общества, прибавивъ, что Пестель и другіе находятъ очень страннымъ, что я привожу порученія отъ московскихъ членовъ и знаю все, что дѣлается въ Тайномъ Обществѣ, не принадлежа къ нему. Послѣ такихъ доводовъ мнѣ осталось только согласиться на предложеніе Никиты, и я подписалъ записку, не читая ее; я зналъ, что она будетъ сожжена. Послѣ этого я былъ приглашенъ на совѣщаніе. Князь Лопухинъ и многіе другіе собрались у Никиты. Сама формальность этого совѣщанія давала ему видъ плохой комедіи. Въ Москвѣ, когда собирались члены Военнаго Общества, они собирались для того, чтобы познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ; всякій говорилъ свободно о предметахъ, занимавшихъ всѣхъ и каждаго изъ нихъ. Тутъ же въ продолженіи всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ Союзъ Благоденствія и о томъ, какъ приносить самую присягу: надъ Евангеліемъ или надъ шпагой вступающіе должны присягать. Все это было до крайности смѣшно. Но Лопухинъ, Шаховскій и почти всѣ присутствующіе были ревностные массоны, они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ массонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія.

Менѣе нежели въ два года своего существованія Союзъ Благоденствія достигъ полнаго своего развитія,

и едва ли 18-й и 19-й годы не были самымъ цвѣтущимъ его временемъ. Число членовъ значительно увеличилось многіе изъ принадлежавшихъ Военному Обществу поступили въ Союзъ Благоденствія, въ томъ числѣ оба Перовскихъ; поступили въ него также Ил. Бибиковъ, теперешній литовскій генералъ-губернаторъ. Во всѣхъ полкахъ было много молодежи, принадлежащей къ Тайному Общестру. Бурцевъ, передъ отѣздомъ своимъ въ Тульчинъ, принялъ Пущина, Оболенскаго, Нарышкина, Лорера и многихъ другихъ. Въ это время главные члены Союза Благоденстія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины, они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно. Въ Семеновскомъ полку палка почти совсѣмъ уже была выведена изъ употребленія. Въ друхихъ полкахъ ротные командиры нашли возможность безъ нея обходиться. Про жестокости, какія бывали прежде, слышно было очень рѣдко. Прежде похода за границу въ Семеновскомъ полку, въ которомъ кругъ офицеровъ почитался тогда лучшимъ во всей гвардіи, когда собирались и нѣкоторыя изъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, между ними бывали пренія о томъ, какъ полѣзнѣе наказывать солдатъ: по немногу, но часто, или рѣдко, но мѣтко, и я очень помню, что командиръ 2-го баталіона баронъ Дамасъ, впослѣдствіи бывшій во Франціи при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ такого мнѣнія, что должно наказывать рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не давать солдату менѣе 200 палокъ, и надо замѣтить, что такія жестокія наказанія употреблялись не за одно дурное поведеніе, но иногда за самый ничтожный проступокъ по службѣ и даже за какой нибудь промахъ во фрунтѣ. Многія притеснителныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, черезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общест-

венное мнѣніе; ужъ не доволствовались, какъ прежде, разсказами о выходахъ во дворцѣ и разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что вокругъ ихъ дѣлалось.

Въ 19-мъ году, поѣхавъ изъ Москвы повидаться съ своими, я заѣхалъ въ смоленское свое имѣніе. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что такъ какъ я не служу и ничего не дѣлаю, то мнѣ бы пріѣхать пожить съ ними, и увѣряли, что я буду уже имъ тѣмъ полезенъ, что при мнѣ будутъ менѣе притѣснять ихъ. Я убѣдился, что въ ихъ словахъ много правды, и переѣхалъ на житье въ деревню. Сосѣди тотчасъ прислали поздравить съ пріѣздомъ, обѣщая каждый скоро посѣтить меня; но я черезъ посланныхъ ихъ просилъ передъ ними извиненія, что теперь никого изъ нихъ не могу принять. Меня оставили въ покоѣ, но, разумѣется, сморѣли на меня какъ на чудака. Первымъ моимъ распоряженіемъ было уменьшить на половину господскую запашку. Имѣніе было на барщинѣ, и крестьяне были далеко не въ удовлетворительномъ положеніи; многіе поборы, отяготительные для нихъ и приносившіе мало пользы помѣщику, были отмѣнены. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Жуково я пришелъ въ столкновеніе съ земской полиціей. Мнѣ пришли сказать, что въ рѣчкѣ, текущей по моей землѣ и очень вздувшейся отъ дождей, утонулъ человѣкъ. Я въ тотъ же день велѣлъ послать донесеніе о происшествіи въ вяземскій земскій судъ и приставить караулъ къ утопленнику. Прошло дня три или четыре, земскій судъ не сдѣлалъ никаго распоряженія по этому дѣлу. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы Фонвизинъ; мы пошли съ нимъ гулять вдоль рѣки и были поражены зрѣлищемъ истинно ужаснымъ. Утопшій, привязанный за ногу къ колу, вбитому въ берегъ, плавалъ на водѣ; кожа на его лицѣ и рукахъ походила на мокрую сыромятину. Это было въ іюнѣ, и смрадъ отъ мертваго тѣла далеко распространялся. Кромѣ караульнаго на

берегу сидѣли старикъ и молодая женщина. Старикъ былъ отецъ, женщина жена утопшаго; оба они горько, горко плакали и, увидѣвъ меня, бросились въ ноги, прося позволенія похоронить покойника. И Фонвизинъ и я, мы были сильно взволнованы. Я приказалъ вытащить усопшаго изъ воды и, взваливъ на телѣгу, отвезти къ его помѣщику Барышникову, живущему верстъ 10 отъ меня. Я написалъ къ нему, что послѣ моего донесенія въ земскій судъ о найденомъ утопленникѣ у меня въ рѣкѣ, не видя со стороны суда никакого распоряженія по этому дѣлу и опасаясь, чтобы мертвое тѣло, которое начало уже разлагаться, не причинило заразы, я рѣшился отправить его къ нему, съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ его похоронить. Барышиковъ, весьма богатый помѣщикъ, перепугался и первоначально безъ распоряженія земскаго суда не хотѣлъ принимать утопшаго своего крестьянина, даже хотѣлъ отослать его назадъ на мѣсто, гдѣ онъ былъ найденъ; но потомъ, опасаясь отвѣтственности, если мертвое тѣло, оставаясь долгое время не похороненнымъ, причинитъ заразу, какъ я писалъ ему, велѣлъ наконецъ похоронить его. Я извѣстилъ земскій судъ о моемъ распоряженіи въ его отсуствіи; написалъ о томъ смоленскому губернатору барону Ашу, пояснивъ ему, почему я такъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ. Баронъ Ашъ, не пропускавшій никакако случая, гдѣ можно было потеребить чиновниковъ, избираемыхъ дворянствомъ, написалъ строгій выговоръ въ вяземскій земскій судъ.

Чтобы сблизиться сколько возможно скорѣе съ моими крестьянами, я всѣхъ ихъ и во всякій часъ допускалъ до себя и, по возможности, удовлетворялъ ихъ требованія; скоро отучилъ я ихъ кланяться мнѣ въ ноги и стоять передо мной безъ шапки, когда я самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они не иначе наказывались, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ. Почва вообще въ Смоленской губеніи не плодотворна; при

недостаткѣ скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своихъ полей. Обыкновенно урожаи бывали очень скудны, такъ что собираемаго хлѣба едва доставало крестьянамъ на продовольствіе и посѣвъ. Единственные ихъ промыслы были зимою: извозъ и добываніе извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. Съ этими средствами они, конечно, не ходили по міру, но нельзя было надѣяться этими средствами улучшить ихъ состояніе, тѣмъ болѣе, что, привыкнувъ терпѣть нужды и не имѣя надежды когда-нибуть съ нею разстаться, они говорили, что всей работы никогда не переработаешь и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая силъ своихъ. Надо было придумать способъ возбудить въ нихъ дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость прилежно трудиться. Способъ этотъ по тогдашнимъ моимъ понятіямъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего поставить ихъ въ совершенно независимое положеніе отъ помѣщика, и я написалъ прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, Козодавлеву, въ которомъ изъявилъ желаніе освободить своихъ крестьянъ и изложилъ условія, на которыхъ желаю освободить ихъ. Я предоставлялъ въ совершенное и полное владѣніе моимъ крестьянамъ ихъ домы, скотъ, лошадей и все ихъ имущество. Усадбы и выгоны въ томъ самомъ видѣ, какъ они находились тогда, оставались принадлежностью тѣхъ же деревень. За все за это я не требовалъ отъ крестьянъ моихъ никакого возмездія. Остальную же всю землю я оставлялъ за собой, предполагая половину обработывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать въ наемъ своимъ крестьянамъ. Молодое же поколѣніе, мнѣ казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмыслить и потомъ доставить имъ болѣе вѣрныя средства добывать пропитаніе, нежели какія до сихъ поръ имѣли отцы ихъ. Для этого я на первый разъ взялъ къ себѣ 12 мальчиковъ и самъ сталъ учить ихъ грамотѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ раз-

дать ихъ въ Москву въ ученіе разнымъ мастерствамъ. Но наборъ мальчиковъ совершился не совсѣмъ съ добровольнаго согласія крестьянъ; они сперва были увѣрены что я беру ихъ дѣтей къ себѣ въ дворовые, и тѣмъ болѣе это могло имъ казаться вѣроятнымъ, что вся моя дворня состояла изъ одного человѣка, который былъ со мной въ походѣ, и наемнаго отставнаго унтеръ-офицера. Скоро однакожъ отцы и матери успокоились за своихъ дѣтей, видя, что они учатся грамотѣ, всегда веселые и ходятъ въ синихъ рубашкахъ. Въ это время заѣхалъ ко мнѣ мой сосѣдъ Лимохинъ, чтобы поговоритъ объ устройствѣ мельницы на рѣкѣ, раздѣляющей наши владѣнія. Не видя у меня никакой прислуги и замѣтя стоявшихъ вдали мальчиковъ, онъ спросилъ: «Что они тутъ дѣлаютъ?» Я отвѣтилъ, что они учатся у меня грамотѣ. «И прекрасно, возразилъ онъ, поучите ихъ пѣть и музыкѣ, и вы, продавши ихъ, выручуте хорошія деньги.» Такія понятія моего сосѣда, сами по себѣ отвратительныя, между тогдашними помѣщиками были не диковинка. Въ нашемъ семействѣ былъ тогда примѣръ. Покойный дядя мой, послѣ котораго досталось мнѣ Жуково, былъ моимъ опекуномъ; при небольшомъ состояніи были у него разныя полубарскія затѣи, въ томъ числѣ музыка и пѣвчіе. Въ то время, когда я былъ за-границей, сблизившись въ Орлѣ съ графомъ Каменскимъ, сыномъ фельдмаршала, онъ ему продалъ 20 музыкантовъ изъ своего оркестра за 40,000; въ числѣ этихъ музыкантовъ были два человѣка, принадлежавшіе мнѣ. Когда я былъ въ 14-мъ году въ Орлѣ и въ первый разъ увидѣлся съ Каменскимъ, графъ очень любезно сказалъ мнѣ, что онъ мой должникъ, что онъ заплатитъ мнѣ 4,000 за моихъ людей, и просилъ безъ замедленія совершить на нихъ купчую. Я отвѣчалъ его сіятельству, что онъ мнѣ ничего не долженъ, потому что людей моихъ ни за что и никому не продамъ. На другой день оба они получили отъ меня отпускную.

Мальчики мои понемногу начали читать и писать, что очень забавляло ихъ родителей. Желая привести въ совершенную извѣстность всю мою дачу, я каждый день съ моими учениками ходилъ на съемку: они таскали за мной всѣ нужныя для этого принадлежности; скоро научились они таскать цѣпь и ставить колья по прямому направленію. Я показывалъ имъ, какъ наводить діоптръ и насѣкать углы на планшетѣ: все это ихъ очень забавляло, и они съ каждымъ днемъ становились смышленѣй.

Наконецъ вяземскій дворянскій предводитель получилъ предписаніе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ потребовать отъ меня показаніе, на какихъ условіяхъ я хочу сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому изъ нихъ; потомъ допросить крестьянъ моихъ, согласны ли они поступить въ вольные хлѣпопашцы на предлагаемыхъ мною условіяхъ, словомъ, поступить совершенно по учрежденію для крестьянъ, поступающихъ въ вольные хлѣбопашцы, обнародованному въ 1805 году, февраля 20. Изъ этого было очевидно, что въ министерствѣ не обратили ни малѣйшаго вниманія па смыслъ моей просьбы. Оставалось только мнѣ ѣхать самому въ Петербургъ и изустно объясниться съ министромъ, но прежде мнѣ хотѣлось знать, оцѣнятъ ли мои крестьяне выгоду для себя условій, на которыхъ я предполагалъ освободить ихъ. Я собралъ ихъ и долго съ ними толковалъ; они слушали меня со вниманіемъ и, наконецъ, спросили: «Земля, которою мы теперь владѣемъ, будетъ принадлежать намъ или нѣтъ?» Я имъ отвѣчалъ, что земля будетъ принадлежать мнѣ, но что они будутъ властны ее нанимать у меня.—«Ну такъ, батюшка, оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша.» Напрасно я старался имъ объяснить всю выгоду независимости, которую имъ доставитъ освобожденіе. Русскій крестьянинъ не допускаетъ возможности, чтобъ у него не было хоть клока земли, которую онъ пахалъ

бы для себя собственно. Надѣясь, что мои крестьяне современемъ примирятся съ условіями, на которыхъ я предположилъ освободить ихъ, въ началѣ 20 года я отправился въ Петербургъ.

Въ два года моего отсутствія число членовъ Союза Благоденствія очень возросло; правда, что многіе изъ прежнихъ членовъ охладѣли, почти совсѣмъ отдалились отъ Общества; зато другіе жаловались, что Тайное Общество ничего не дѣлаетъ; по ихъ понятіямъ, создать въ Петербургѣ общественное мнѣніе и руководить имъ была вещь ничтожная; имъ хотѣлось бы отъ Общества теперь уже болѣе рѣшительныхъ приготовительныхъ мѣръ для будущихъ дѣйствій. Словомъ, Союзъ Благоденствія въ прежнемъ своемъ видѣ болѣе уже не существовалъ. По нѣсколько разъ въ недѣлю собирались члены Тайнаго Общества къ Никитѣ Муравьеву. Въ это время я познакомился со многими изъ нихъ; самые изъ нихъ значительные и ревностные по дѣлу Обществу, кромѣ Никиты и Николая Тургенева, Ѳ. Н. Глинка, два брата Шиповы (старшій впослѣдствіи командиръ Новосеменовскаго полка), графъ Толстой, извѣстный нашъ медальеръ, Ил. Долгорукій и многіе другіе. Вмѣстѣ съ Никитою мы заѣзжали къ Ил. Долгорукому, который былъ боленъ и не выходилъ изъ комнаты. Онъ былъ блюстителемъ Союза Благоденствія. Служа при Аркачеевѣ и имѣя возможность знать многія тайны распоряженія правительства и извѣщалъ о нихъ своихъ товарищей, онъ тѣмъ самымъ былъ полезенъ Тайному Обществу. Въ это время вообще онъ служилъ ему усердно. Во всѣхъ членахъ Союза Благоденствія проявилось какое-то ожесточеніе противъ царствующаго императора; и въ самомъ дѣлѣ онъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и все болѣе и болѣе отчуждался отъ Россіи. Графъ Аркачеевъ уже явно управлялъ государствомъ. Члены государственнаго совѣта и министры относились къ нему по повелѣнію императора въ большей части случаевъ, гдѣ

требовалось высочайшее разрѣшенie. Аркачеевъ жилъ иногда въ своемъ знаменитомъ Грузинѣ, въ Новгородской губернiи, и члены совѣта, и министры, и всѣ сановники отправились къ нему туда.

По дѣлу объ освобожденiи моихъ крестьянъ я обратился къ Николаю Тургеневу; онъ далъ мнѣ письмо къ Джуньковскому, директору департамента, въ которомъ было мое дѣло. Джуньковскiй принялъ меня въ департаментѣ и толковалъ со мной часа два, сначала было съ важностью пожилаго человѣка, который много видѣлъ и много знаетъ и потому имѣетъ право читать поученiе молодому, неопытному человѣку; но потомъ онъ изъ словъ моихъ убѣдился, что условiя, на которыхъ я предполагалъ освободить крестьянъ моихъ, не были мнѣ внушены какой-нибудь мимолетной мыслью, но было мной совершенно обдуманы. Я спросилъ у Джуньковскаго—много ли съ 1805 года освобождено крестьянъ по учрежденiю о вольныхъ хлѣбопашцахъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, 30,000, въ томъ числѣ 20,000 князя Голицына, извѣстнаго мота въ Москвѣ, проигравшаго жену свою графу Разумовскому. Крестьяне Голицына откупились, заплативъ долги его. Незначительное это число освободившихся крестьянъ, въ продолженiе какихъ-нибудь 15 лѣтъ, было лучшимъ доказательствомъ, что на существующее учрежденiе о вольныхъ хлѣбопашцахъ нельзя было разсчитывать какъ на средство для уничтоженiя крѣпостного состоянiя въ Россiи. Джуньковскiй бывалъ за-границей, имѣлъ воззрѣнiе человѣка европейскаго, и потому освобожденiе крестьянъ, которымъ не представлялось земли въ собственность, нисколько не возмущало его. Наконецъ онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что въ предлагаемомъ мной способѣ освобожденiя много есть дѣльнаго, но что теперешнiй министръ графъ Кочубей въ этомъ случаѣ не согласится отступить на волосъ отъ учрежденiй 1805 года, составленныхъ имъ самимъ во время перваго его министерства. Но я все-таки хотѣлъ увидѣться съ

министромъ, хотя и мало надѣялся, чтобъ чрезъ свиданіе съ нимъ дѣло мое кончилось успѣшно. Въ продолженіе цѣлой недѣли я ходилъ ежедневно къ министру и никакъ не могъ добиться его лицезрѣнія; наконецъ я забрался къ нему съ утра и рѣшился дожидаться, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета. Напрасно дежурный чиновникъ увѣрялъ меня, что сегодня графъ никого не принимаетъ; я остался неподвижнымъ на своемъ стулѣ. Въ этотъ день министръ занимался съ своими директорами проектомъ объ измѣненіи формы мундира для его министерства. Часа въ 3 пополудни дверь кабинета растворилась, и министръ, подошелъ ко мнѣ, сказалъ: «Что вамъ угодно?»—Я вкратцѣ объяснилъ ему мое дѣло. Между прочими выраженіями онъ сказалъ мнѣ: „Я ни сколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній; но если допустить способъ, вами предлагаемый, то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанности относительно своихъ крестьянъ“. На это я осмѣлился замѣтить его сіятельству, что это не совсѣмъ правдоподобно, по той причинѣ, что каждый помѣщикъ имѣетъ возможность очень выгодно избавиться отъ своихъ крестьянъ, продавши ихъ на выводъ. Окончательно министръ сказалъ мнѣ: „Впрочемъ дѣло ваше въ нашихъ рукахъ, и мы дадимъ ему надлежащій ходъ.“ Итакъ, хлопоты мои въ Петербургѣ по освобожденію крестьянъ кончились ничѣмъ. Въ это время вобще въ Петербургѣ много толковали о крѣпостномъ состояніи. Даже въ государственномъ совѣтѣ разсуждали о непристойности, съ какою продаются люди въ Россіи. Вслѣдствіе чего объявленія въ газетахъ о продажѣ людей замѣнились другими; прежде печаталось прямо: такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка продаются; теперь стали печатать: такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, что значило, что тотъ и другой продавались.

На возвратномъ пути я прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ съ Фонвизинымъ и Граббе; послѣдній былъ переведенъ съ своимъ Лубенскимъ полкомъ въ мое сосѣдство въ Дорогобужъ. Фонвизинъ былъ произведенъ въ генералы. Лѣтомъ въ 19-мъ году онъ перешелъ съ своимъ 38-мъ егерскимъ полкомъ во 2-ую армію, для того, чтобы № 38 соединить съ № 37-мъ. Въ этомъ году всѣ егерскіе полки были въ движеніи,

Фонвизинъ, ѣхавши во 2-ю армію сдавать полкъ, заѣхалъ ко мнѣ въ Жуково; отъ меня мы поѣхали къ Граббе въ Дорогобужъ и познакомились съ отставнымъ генераломъ Пассекомъ, который пригласилъ насъ въ свое имѣніе недалеко отъ Ельни. Онъ недавно возвратился изъ-за границы и жестоко порицалъ всѣ мерзости, встрѣчавшіяся на всякомъ шагу въ Россіи, въ томъ числѣ и крѣпостное состояніе. Имѣніе его было прекрасно устроено, и съ своими крестьянами онъ обходился человѣколюбиво, но ему все-таки хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать за-границу.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга существованіе мое въ Жуковѣ стало какъ-то мрачно. Я уже не имѣлъ надежды освободить моихъ крестьянъ на тѣхъ условіяхъ, которыя тогда казались мнѣ наиболѣе удобными для общаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. Впрочемъ вскорѣ потомъ я убѣдился, что освобождать крестьянъ, не предоставивъ въ ихъ владѣніе достаточнаго количества земли, было бы только въ половину обезпечить ихъ независимость. Распредѣленіе поземельной собственности между крестьянами и общинное владѣніе ею составляютъ у насъ основныя начала, изъ которыхъ современемъ должно развиться все гражданское устройство нашего государства. Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, либералы того времени болѣе всего желали уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, и при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ хотя и не имѣетъ

никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь, и потому возникшіе вопросы поэтому предмету уже впослѣдствіи—тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благонамѣренныхъ людей. Крѣпостное же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями. Безпрестанно доходили до меня слухи о неистовыхъ поступкахъ помѣщиковъ, моихъ сосѣдей. Ближайшій изъ нихъ—Жигаловъ, имѣвшій всего 60 душъ, разъѣзжалъ въ коляскѣ и имѣлъ огромную стаю гончихъ и борзыхъ собакъ; зато крестьяне его умирали почти съ голоду и часто, ушедши тайкомъ съ полевой работы, приходили ко мнѣ и моимъ крестьянамъ просить милостыню. Однажды къ этому Жигалову пріѣхалъ Лимохинъ и проигралъ ему въ карты свою коляску, четвертню лошадей и бывшихъ съ нимъ кучера, форрейтора и лакея; стали играть на горничную дѣвку, и Лимохинъ отыгрался. Въ имѣніи Анненкова, верстахъ въ 3-хъ отъ меня, управляющій придумывалъ ежегодно какой нибудь новый способъ вымогательства съ крестьянъ. Однажды онъ объявилъ имъ, что барыня ихъ, живущая въ курскомъ своемъ имѣніи, приказала прислать къ себѣ нѣсколько взрослыхъ дѣвокъ для обученія ихъ коверному искусству; разумѣется, крестьяне, чтобы откупиться отъ такого налога, заплатили все, что только могли заплатить. У богача Барышникова, при полевыхъ работахъ, разъѣзжали управитель, бурмистръ и старосты и поощряли народъ къ дѣятельности плетью. Проѣзжая однажды зимою по Рославльскому уѣзду, я заѣхалъ на постоялый дворъ. Изба была набита народомъ, совершенно оборваннымъ, иные даже не имѣли ни рукавицъ, ни шапки! Ихъ было болѣе 100 человѣкъ, и они шли на винокуренный заводъ, отстоящій верстъ 150 отъ мѣста ихъ жительства. Помѣщикъ, которому они принадлежали, Фонтонъ де Вараіонъ отдалъ ихъ на всю

зиму въ работу на заводъ и получилъ за это впередъ условленную плату. Сверхъ того, помѣщикъ, которому принадлежалъ заводъ, обязался прокормить крестьянъ Фонтона въ продолженіе зимы. Такого рода сдѣлки были очень обыкновенны. Во время построенія Нижегородской ярмарки принцъ Александръ Виртембергскій отправилъ туда въ работу изъ Витебской губерніи множество своихъ нищихъ крестьянъ, не платившихъ ему оброка. Партіи этихъ людей сотнями и въ самомъ жалкомъ положеніи проходили мимо Жукова. Все это вмѣстѣ было нисколько неутѣшительно. Къ тому же не было дня, въ которомъ я бы могъ быть увѣренъ, что у меня не случится столкновенія съ земской полиціей. Ежегодно требовались люди на большія дороги на какой нибудь мѣсяцъ, а иногда на два; они тамъ оставались въ совершенномъ распоряженіи засѣдателя, и всякій разъ надо было хлопотать, чтобы онъ не оставилъ тамъ людей долѣе, чѣмъ это было нужно. Очень часто требовались подводы подъ проходившія военныя команды. Въ первый разъ я приказалъ подводчикамъ не давать квитанціи засѣдателю, не получивъ отъ него слѣдуемыхъ прогоновъ: люди мои пробыли 5 дней въ отлучкѣ и возвратились, не получивъ ни копѣйки. Такъ какъ пригнано было подводъ несравненно болѣе, нежели требовалось, то засѣдатель, продержавъ людей моихъ 3 дня, отпустилъ ни съ чѣмъ. Требовались также иногда лошади на станціи большихъ дорогъ подъ проѣздъ значительныхъ лицъ. Ежели въ предписаніи министра велѣно выставить 20 лошадей, то въ предписаніи генералъ-губернатора требовалось 30, въ предписаніи губернатора 40, а земскій судъ требовалъ уже 60 лошадей. Кончилось тѣмъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я совсѣмъ не исполнялъ предписаній земской полиціи, очень зная, что тѣмъ самымъ на каждомъ шагу подвергался отвѣтственности передъ начальствомъ.

Фонвизинъ въ 20-мъ году, возвращаясь изъ Одессы въ Москву, извѣстилъ меня, что онъ заѣдетъ къ Лева-

шевымъ, верстъ за 200 отъ меня, и будетъ у нихъ меня дожидаться. Я пріѣхалъ въ назначенный срокъ къ Левашевымъ. Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ нарочный изъ Жукова съ извѣстіемъ, что тамъ полевыя работы прекращены и всѣ крестьяне въ ужасной тревогѣ. Во время моего отсутствія земскій засѣдатель, проѣзжая черезъ Жуково и узнавши отъ старосты, который говорилъ съ нимъ въ шляпѣ, что меня нѣтъ дома и что я нескоро возвращусь, бросился на старосту и избилъ его до полусмерти, потомъ отправился къ работавшимъ въ полѣ крестьянамъ и подъ предлогомъ, что за ними есть недоимочный рекрутъ, старался схватить кого нибудь изъ нихъ. Засѣдатель увязался за однимъ молодымъ парнемъ, схватилъ его и увезъ въ Вязьму. За мной не бывало никакой недоимки, и въ послѣдній наборъ я представилъ рекрутскую квитанцію за моихъ крестьянъ. Происшествіе въ Жуковѣ всѣхъ насъ чрезвычайно потревожило, и я тотчасъ же вмѣстѣ съ Фонвизинымъ отправился въ Смоленскъ. Фонвизинъ былъ знакомъ съ губернаторомъ, барономъ Ашемъ, объяснилъ ему все дѣло, и баронъ Ашъ приказалъ крестьянина моего отпустить домой, а засѣдателя, надѣлавшаго столько тревоги, отдать подъ судъ.

Фонвизинъ проводилъ меня до Жукова. Тутъ народъ былъ въ отчаянномъ положеніи и почти не работалъ. Все это вмѣстѣ меня ужасно смутило, и я совершенно растерялся. Чтобы за одинъ разъ прекратить всѣ безпорядки въ Россіи, я придумалъ средство, которое въ эту минуту казалось мнѣ вдохновеніемъ, а въ самой сущности оно было чистый сумбуръ. Ночью, пока Фонвизинъ спалъ, я написалъ адресъ къ императору, который должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія. Въ этомъ адресѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать Земскую Думу по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе

Фонвизину, и онъ, бывъ подъ однимъ настроенiемъ духа со мной, согласился подписать адресъ. Въ тотъ же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе. Къ счастью, Граббе былъ благоразумнѣе насъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адресъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этимъ поступкомъ за одинъ разъ уничтожалось Тайное общество и что это все вело насъ прямо въ крѣпость. Бумага, мной написанная, была уничтожена. Послѣ чего долго мы разсуждали о горестномъ положенiи Россiи и средствахъ, которыя бы могли спасти ее. Союзъ Благоденствiя, казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованiю, онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствiяхъ. Рѣшено было къ 1 января 21-го года пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщанiяхъ разсмотрѣли дѣла Тайнаго Общества и прiискали средства для большей его дѣятельности. Фонвизинъ съ братомъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, мнѣ же пришлось ѣхать въ Тульчинъ. Фонвизинъ, незадолго передъ тѣмъ бывши въ Тульчинѣ, познакомился со всѣми тамошними членами и далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Онъ мнѣ далъ также письмо въ Кишиневъ къ Михайлѣ Орлову. Въ Дорогобужѣ я добылъ себѣ кое какъ подорожную и пустился въ путь. Прiѣхавъ въ Тульчинъ, я тотчасъ явился къ Бурцеву; онъ отъ жида, у котораго я остановился, перетащилъ меня къ себѣ; въ тотъ же день я побывалъ у Пестеля и у Юшневскаго; послѣдняго Фонвизинъ превозносилъ какъ человѣка огромнаго ума. Тутъ случилось, какъ случается нерѣдко, что одни добрыя качества принимаютъ за другiя, Юшневскiй, генералъ-интендантъ 2-ой армiи, былъ отлично добрый человѣкъ и честности рѣдкой, но ума довольно ограниченнаго. Съ перваго раза онъ поразилъ меня своими пошлостями. Чтобы пребыванiемъ моимъ въ Тульчинѣ не подать подозрѣнiя властямъ, я ни у кого не бывалъ кромѣ Пестеля

съ которымъ былъ знакомъ прежде, и у Юшневскаго, къ которому привезъ письмо отъ Фонвизина; но я скоро познакомился съ тульчинской молодежью; во время моего пребыванія въ Тульчинѣ всѣ почти члены перебывали у Бурцева. Въ Тульчинѣ члены Тайнаго Общества, не опасаясь никакого особеннаго надъ собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тѣмъ самымъ не давали ослабѣвать другъ другу. Впрочемъ, было достаточно уже одного Пестеля, чтобы безпрестанно одушевлять всѣхъ тульчинскихъ членовъ, между которыми въ это время было что-то похоже на двѣ партіи: умѣренные, подъ вліяніемъ Бурцева, и, какъ говорили, крайніе, подъ руководскомъ Пестеля. Но эти партіи были только мнимыя. Бурцевъ, бывши увѣренъ въ превосходствѣ личныхъ своихъ достоинствъ, не могъ не чувствовать на каждомъ шагу превосходства Пестеля надъ собой и потому всѣми силами старался составить противъ него оппозицію. Однако, это не мѣшало ему по наружности оставаться въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Пестелемъ. Киселевъ, какъ умный человѣкъ и умѣющій цѣнить людей, не могъ не уважать всю эту молодежь и многихъ изъ нихъ любилъ, какъ людей приближенныхъ къ себѣ. Всѣхъ ихъ онъ принималъ у себя очень ласково и, кромѣ какъ по службѣ, никогда не былъ съ ними начальникомъ. Иногда у него за обѣдомъ при общемъ разговорѣ возникали политическіе вопросы, и если при этомъ Киселевъ понималъ что нибудь криво, ему со всѣхъ сторонъ возражали дѣльно, и онъ всякій разъ принужденъ былъ согласиться съ своими собесѣдниками. Послѣ этого нетрудно себѣ представить, какое вліяніе имѣли тульчинскіе члены во всей 2-ой арміи. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Киселевъ зналъ о существованіи Тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Впослѣдствіи, когда попалъ подъ судъ капитанъ Раевскій, завѣдывавшій школой взаимнаго обученія въ дивизіи Михайлы Орлова,

и генералъ Сабанѣевъ отправилъ, при донесенiи, найденный у Раевскаго списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ, они ожидали очень дурныхъ для себя послѣдствiй по этому дѣлу. Киселевъ призвалъ къ себѣ Бурцева, который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ тотчасъ же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ очень былъ удивленъ, нашедши между листами данной бумаги ему списокъ тульчинскихъ членовъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанѣевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ кончилось дѣло.

Въ это время Пестель замышлялъ республику въ Россiи, писалъ свою Русскую Правду. Онъ мнѣ читалъ изъ нея отрывокъ и, сколько помнится, объ устройствѣ волостей и селенiй. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ Русской Правдѣ будущую конституцiю Россiи. Своимъ сочиненiемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ Земской думѣ и знать, когда придется, что о чемъ говорить. Нѣкоторые отрывки изъ Русской Правды онъ читалъ Киселеву, который ему однажды замѣтилъ, что царю своему онъ предоставляетъ уже слишкомъ много власти. Подъ словомъ царя Пестель разумѣлъ исполнительную власть.

Наконецъ было назначено совѣщанiе у Пестеля, на которомъ я долженъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ о причинѣ моего прибытiя въ Тульчинъ. Бурцевъ увѣрялъ меня, что если Пестель поѣдетъ въ Москву, то онъ своими рѣзкими мнѣнiями и своимъ упорствомъ испортитъ тамъ все дѣло, и просилъ меня никакъ не приглашать Пестеля въ Москву. На совѣщанiи я предложилъ тульчинскимъ членамъ послать отъ себя довѣренныхъ въ Москву, которые тамъ занялись бы вмѣстѣ съ другими опредѣленiемъ всѣхъ нужныхъ измѣненiй въ уставѣ Союза Благоденствiя, а можетъ-быть и въ устройствѣ самаго Общества. Бурцевъ и Комаровъ просились въ отпускъ и по соб-

ственнымъ дѣламъ своимъ должны были пробыть нѣкоторое время въ Москвѣ. Пестелю очень хотѣлось пріѣхать на съѣздъ въ Москву, но многіе увѣряли его, что такъ какъ два депутата ихъ уже будутъ на этомъ съѣздѣ, то его присуствіе тамъ не необходимо, и что, просившись въ отпускъ въ Москву, гдѣ—всѣ знаютъ, что у него нѣтъ ни родныхъ и никакого особеннаго дѣла, онъ можетъ навлечь подозрѣніе тульчинскаго начальства, а можетъ-быть и подозрѣніе московской полиціи. Пестель согласился не ѣхать въ Москву.

Въ Тульчинѣ полковникъ Абрамовъ далъ мнѣ изъ дежурства подорожную по казенной надобности, и я съ ней пустился въ Кишиневъ къ Орлову съ письмомъ отъ Фонвизина съ порученіемъ пригласить его на съѣздъ въ Москву. Я никогда не видалъ Орлова, но многіе изъ моихъ знакомыхъ превозносили его какъ человѣка высшаго разряда по своимъ умственнымъ способностямъ и другимъ превосходнымъ качествамъ. Когда-то императоръ Александръ былъ высокаго о немъ мнѣнія и пробовалъ употребить его по дипломатической части. Въ 15-мъ году, при отчужденіи Норвегіи отъ Даніи, Орловъ былъ посланъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить норвежцевъ совершенно присоединиться къ Швеціи и имѣть съ ней вмѣстѣ одинъ сеймъ. Но Орловъ сблизился съ тамошними либералами и дѣйствовалъ не согласно съ данными ему предписаніями. Норвегія, присоединенная къ Швеціи, но имѣя свое собственное представительство, осталось во многихъ отношеніяхъ землею отъ нея отдѣльною. Когда сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе императора Александра образовать отдѣльный литовскій корпусъ и, одѣвши его въ польскій мундиръ, дать ему литовскія знамена—намѣреніе это возмутило многихъ нашихъ генераловъ, и они согласились между собой подать письменное представленіе императору, въ которомъ они излагали весь вредъ, могущій произойти отъ образованія отдѣльнаго литовскаго корпуса, и умоляли императора не приво-

дить въ исполненіе своего намѣренія, столь пагубнаго для Россіи. Въ числѣ генераловъ, согласившихся подписать это представленіе, былъ генералъ-адьютантъ Васильчиковъ, въ послѣдствіи начальникъ гвардейскаго корпуса. Онъ испугался собственной своей смѣлости и, пришедши къ императору, съ раскаяніемъ просилъ у него прощенія въ томъ, что задумалъ противъ него недоброе, назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и разсказалъ все дѣло, въ которомъ главнымъ побудителемъ былъ Орловъ, написавшій самое представленіе. Государь потребовалъ къ себѣ Орлова, напомнилъ прежнее къ нему благоволеніе и спросилъ—какъ могъ онъ рѣшиться дѣйствовать противъ него. Орловъ сталъ увѣрять императора въ своей къ нему преданности. Тутъ императоръ разсказалъ подробно все дѣло, замышляемое генералами, и приказалъ Орлову принести къ нему представленіе, писанное имъ отъ имени генераловъ. Орловъ отъ всего отрекся, послѣ чего императоръ разстался навсегда съ прежнимъ любимцемъ. Свиданіе это съ императоромъ разказывалъ мнѣ самъ Орловъ. Скоро послѣ того онъ получилъ мѣсто начальника штаба при генералѣ Раевскомъ, командующимъ 4-мъ корпусомъ. Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ. Въ Библейскомъ Обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ, и вообще пріобрѣлъ себѣ въ это время еще большую извѣстность, нежели какой пользовался прежде. Какимъ-то случаемъ онъ потерялъ мѣсто начальника штаба, но вскорѣ потомъ Киселевъ, который былъ съ нимъ друженъ, выпросилъ для него у императора дивизію во 2-ой арміи. Командуя этой дивизіей, онъ жилъ въ Кишиневѣ, гдѣ опять завелъ очень полезныя училища для солдатъ и поручилъ ихъ надзору капитана Раевскаго, члена Тайнаго Общества и совершенно ему преданнаго. Къ несчастью Раевскій, въ надеждѣ на покровительство Орлова, слишкомъ рѣшительно

дѣйствовалъ и впослѣдствіи попалъ подъ судъ. Самъ же Орловъ безпрестанно отдавалъ самые либеральные приказы по дивизіи.

Я съ любопытсвомъ ожидалъ свиданія съ Орловымъ и встрѣтился съ нимъ, не доѣхавъ до Кишинева. Съ нимъ былъ адъютантъ его Охотниковъ, славный малый и совершенно преданный Тайному Обществу; я давно былъ знакомъ съ нимъ. Прочитавши письмо Фонвизина, Орловъ обошелся со мной какъ съ старымъ знакомымъ и тутъ же предложилъ сѣсть къ себѣ въ дормезъ, а Охотниковъ сѣлъ на мою перекладную тележку; потомъ мы съ нимъ черезъ станцію мѣнялись мѣстами въ дормезѣ. Орловъ съ перваго раза весь высказался передо мной. Наружности онъ былъ прекрасной и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ образованный, отмѣнно добрый и кроткій; обхожденіе его было истинно увлекательное, и потому онъ познакомившись съ нимъ, не было возможности не полюбить его; но бывши человѣкомъ неглупымъ—въ сужденіяхъ своихъ ему рѣдко удавалось попасть на истину. Онъ почти всегда становился къ ней бокомъ, вслѣдствіе чего въ разговорахъ, въ которыхъ обсуживался какой-нибудь не совсѣмъ пошлый предметъ, онъ почти никогда не подвизался съ успѣхомъ; зато по своей добротѣ и кротости никогда не обижался даже и самыми колкими противъ себя возраженіями. На убѣжденія мои пріѣхать въ Москву онъ отвѣчалъ, что пока навѣрное обѣщать не можетъ, и съ своей стороны приглашалъ меня ѣхать съ нимъ къ Давыдову въ Кіевскую губернію. Узнавши, что у Давыдова, съ которымъ я не былъ знакомъ, соберется много гостей къ 24 ноября, на именины его матери, и избѣгавши гостиныхъ во всю мою жизнь, такое приглашеніе было не совсѣмъ пріятно для меня; но когда мы на станціи сошлись съ Охотниковымъ, онъ взялъ меня въ сторону и просилъ меня убѣдительно ѣхать съ ними вмѣстѣ, увѣряя меня, что въ это время мнѣ удастся уговорить Орлова безъ

чего было мало надежды, чтобы онъ прiѣхалъ въ Москву. Я рѣшился ѣхать въ Каменку къ Давыдову.

Проѣзжая черезъ Новый Миргородъ, мы заѣхали къ полковнику Гревсу. Орловъ былъ знакомъ съ нимъ, когда они еще вмѣстѣ служили въ кавалергардахъ. Гревсъ командовалъ однимъ изъ полковъ бугскаго поселенiя. За обѣдомъ онъ сказалъ съ нѣкоторою гордостью, что, командуя своимъ полкомъ, онъ то же, что помѣщикъ, у котораго 18,000 душъ. Вездѣ происходили неимовѣрныя грабительства въ военныхъ поселенiяхъ. А Аракчееву на устройство ихъ отпускались ежегодно десятки миллiоновъ; теперь, по наружности и бугскiя и чугуевскiя поселенiя были приведены въ нѣкоторый порядокъ. Сперва казаки, опираясь на свои права, означенныя въ граматахъ, дарованныхъ имъ прежними государями, не соглашались поступить въ военныя поселенiя. Аракчеевъ изъ Харькова распорядился этимъ дѣломъ. Посланный имъ генералъ Саловъ наиболѣе непокорныхъ загналъ до смерти сквозь строй, а остальные смирились.

Прiѣхавъ въ Каменку, я полагалъ, что никого тамъ не знаю, и былъ прiятно удивленъ, когда случившiйся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятiями. Я познамился съ нимъ въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ у Петра Чаадаева, съ которымъ онъ былъ друженъ и къ которому имѣлъ большое довѣрiе. Василiй Львовичъ Давыдовъ, ревностный членъ Тайнаго Общества, узнавши кто я, отъ Орлова, принялъ меня болѣе чѣмъ радушно. Онъ представилъ меня своей матери и своему брату генералу Раевскому, какъ давнишняго короткаго своего прiятеля. Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскiй. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я—мы пробыли у Давыдова цѣлую недѣлю. Пушкинъ, прiѣхавшiй изъ Кишинева, гдѣ въ это время онъ былъ въ изгнанiи, и полковникъ Раевскiй прогостили тутъ столько же. Мы

всякій день обѣдали внизу у старушки-матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостиной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена Ал. Львовича Давыдова, котораго Пушкинъ такъ удачно назвалъ «рогоносецъ величавый», урожденная графиня Грамонъ, впослѣдствіи вышедшая замужъ въ Парижѣ за генерала Себестіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она, бѣдная, не знала, что дѣлать, и готова была заплакать; мнѣ стало ее жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: «Посмотрите, что вы дѣлаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя». «Я хочу наказать кокетку», отвѣчалъ онъ; «прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня». Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было для него ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ Селѣ; при этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то очень пошло. Зато заходилъ ли разговоръ о чемъ нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ - то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но и въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать кра-

соты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ его Noël; «Ура! въ Россію скачетъ», и онъ очень удивился, какъ я его знаю, а между тѣмъ всѣ его напечатанныя сочиненія: *Деревня, Кинжалъ, Четырехстишіе къ Аракчееву, Посланіе къ Петру Чаадаеву* и много другихъ, были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ ихъ наизусть. Вообще Пушкинъ былъ отголосокъ своего поколѣнія, со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи.

Всѣ вечера мы проводили на половинѣ у Василья Львовича, и вечернія бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Раевскій, не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ него. Онъ не вѣрилъ, чтобъ я случайно заѣхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобы сбить съ толку Раевскаго насчетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полушутливымъ и съ полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія, и т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: насколько было бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? Самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. Л. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую бы могло при-

нести Тайное Общество Россіи. Тутъ, испросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: «Мнѣ нетрудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились бы?»—«Напротивъ, навѣрное бы присоединился», отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ давайте руку,—сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказалъ Раевскому:—Разумѣется, все это только одна шутка.—Другіе также смѣялись, кромѣ А. Л., рогоносца величаваго, который дремалъ и Пушкина, который былъ очень взволнованъ; онъ передъ этимъ увѣрился, что Тайное Общество или существуетъ, или тутъ же получитъ свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка, онъ всталъ, раскраснѣвшись, и сказалъ со слезой на глазахъ: «Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка». Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ. Въ 27-мъ году, когда онъ пришелъ проститься съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое Общество; я не стоилъ этой чести».

При прощаніи Орловъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно пріѣхать въ Москву. Въ первыхъ числахъ января 21-го года Граббе, Бурцевъ и я жили вмѣстѣ у Фонвизиныхъ. Скоро потомъ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга Николай Тургеневъ и Ѳедоръ Глинка, а потомъ изъ Кіева Михайло Орловъ съ Охотниковымъ. Было рѣшено Комарова не принимать на наши совѣщанія; ему

уже тогда не очень довѣряли. На первомъ изъ этихъ совѣщаній были Орловъ, Охотниковъ, Н. Тургеневъ, Ѳедоръ Глинка, два брата Фонвизины, Граббе, Бурцевъ и я. Орловъ привезъ писанныя условія, на которыхъ онъ соглашался присоединиться къ Тайному Обществу; въ этомъ сочиненіи, послѣ многихъ фразъ, онъ старался доказать, что Тайное Общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и для достиженія своей цѣли даже прибѣгнуть къ средствамъ, которыя даже могутъ казаться преступными; во-первыхъ, онъ предлагалъ завести тайную типографію или литографію, посредствомъ которой можно бы было печатать разныя статьи противъ правительства и потомъ въ большомъ количествѣ разсылать по всей Россіи. Второе его предложеніе состояло въ томъ, чтобы завести фабрику фальшивыхъ ассигнацій, чрезъ что, по его мнѣнію, Тайное Общество съ перваго раза пріобрѣло бы огромныя средства и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывался бы кредитъ правительства. Когда онъ кончилъ чтеніе, всѣ смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ. Я, наконецъ, сказалъ ему, что онъ вѣроятно шутитъ, предлагая такія неистовыя мѣры; но ему того-то и нужно было. Помолвленный на Раевской—въ угодность ея роднымъ—онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами Тайнаго Общества; на возраженія наши онъ сказалъ, что если мы не принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему Тайному Обществу. Послѣ чего онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался и только, уѣзжая изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ заѣхалъ проститься съ Фонвизинымъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: «Этотъ человѣкъ никогда мнѣ не проститъ». Въ отвѣтъ я пародировалъ нѣсколько строкъ изъ письма Брута къ Цицерону и сказалъ ему: «Если мы успѣемъ, Михайло Ѳедоровичъ, мы порадуемся вмѣстѣ съ вами; если же не успѣемъ, то безъ васъ порадуемся одни». Послѣ чего онъ бросился меня обнимать.

На слѣдующихъ совѣщаніяхъ собрались тѣ же члены, кромѣ Орлова. Для большаго порядка выбранъ былъ предсѣдателемъ Н. Тургеневъ. Прежде всего было признано нужнымъ измѣнить не только уставъ Союза Благоденствія, но и самое устройство и самый составъ Общества. Рѣшено было объявить повсемѣстно, во всѣхъ управахъ, что такъ какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ малѣйшею неосторожностью можно было возбудить подозрѣніе правительства, то Союзъ Благоденствія прекращаетъ свои дѣйствія навсегда. Этой мѣрой ненадежныхъ членовъ удалили изъ Общества. Въ новомъ уставѣ цѣль и средства для достиженія ея должны были опредѣлиться съ большею точностью, нежели они были опредѣлены въ уставѣ Союза Благоденствія, и потому можно было надѣяться, что члены, въ ревностномъ содѣйствіи которыхъ нельзя было сомнѣваться, соединившись вмѣстѣ, составятъ одно цѣлое, и, дѣйствуя единодушно, придадутъ новыя силы Тайному Обществу. Затѣмъ приступили къ сочиненію новаго устава; онъ раздѣлялся на двѣ части: въ первой для вступающихъ предлагались тѣ же филантропическія цѣли, какъ и въ Зеленой Книгѣ. Редакціей этой части занялся Бурцевъ. Вторую часть написалъ Н. Тургеневъ для членовъ высшаго разряда. Въ этой второй части устава уже прямо было сказано, что цѣль Общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсть для этого средства, признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай. На первый разъ положено было учредить 4 главныя думы: одну въ Петербургѣ подъ руководствомъ Н. Тургенева; другую въ Москвѣ, которую поручали Ив. Алекс. Фонвизину; третью я долженъ былъ образовать въ Смоленской губерніи; четвертую брался Бурцевъ привести въ порядокъ въ Тульчинѣ. Онъ увѣрялъ, что по пріѣздѣ въ Тульчинъ онъ первоначально объявитъ объ уничтоженіи Союза Благоденствія, но

что вслѣдъ затѣмъ извѣститъ всѣхъ членовъ, кромѣ приверженцевъ Пестеля, о существованіи новаго устава, и что они всѣ къ нему присоединятся подъ его руководствомъ. Уставъ былъ подписанъ всѣми присутствующими членами на совѣщаніяхъ и Мих. Муравьевымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже къ самому концу нашихъ засѣданій. Обѣ части новаго устава были переписаны въ 4-хъ экземплярахъ: одинъ для Тургенева, другой для И. А. Фонвизина, третій для меня, четвертый для Бурцева. Но еще при самыхъ первыхъ нашихъ совѣщаніяхъ были приглашены на одно изъ нихъ всѣ члены, бывшіе тогда въ Москвѣ. На этомъ общемъ совѣщаніи были князь Сергѣй Волконскій, Комаровъ, Петръ Колошинъ и многіе другіе. Тургеневъ, какъ нашъ президентъ, объявилъ всѣмъ присутствующимъ; что Союзъ Благоденствія болѣе не существуетъ, и изложилъ передъ ними причины его уничтоженія.

Тургеневъ, пріѣхавши въ Петербургъ, объявилъ, что члены, бывшіе на съѣздѣ въ Москвѣ, нашли необходимымъ прекратить дѣйствія Союза Благоденствія, и потомъ одному только Никитѣ Муравьеву прочелъ новый уставъ Общества, послѣ чего изъ предосторожности онъ положилъ его въ бутылку и засыпалъ табакомъ. Изъ петербургскихъ членовъ, дѣятельностью Никиты Муравьева, образовалось новое Общество. Скоро потомъ труды по Обществу раздѣлили съ Никитою полковникъ князь Трубецкой и адъютантъ Бистрома, князь Оболенскій; Николай же Тургеневъ первое время по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ мало принималъ участія въ дѣлахъ новаго Тайнаго Общества, хотя и не прекращалъ сношеній со многими изъ членовъ. Непонятно, какъ въ своемъ сочиненіи о Россіи онъ могъ рѣшиться отвергать существованіе Тайнаго Общества и потомъ отрекаться отъ участія, которое онъ принималъ въ немъ, какъ дѣйствительный членъ, на съѣздѣ въ Москвѣ и послѣ на многихъ совѣщаніяхъ въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ, когда разъѣхались прiѣзжiе члены, остались только два брата Фонвизины; въ Смоленской губернiи я былъ одинъ, если не считать Граббе, который съ своимъ полкомъ могъ быть всегда переведенъ оттуда. Правда, мнѣ поручено было принять Пассека и Петра Чаадаева, при первомъ свиданiи съ ними. Когда Чаадаевъ прiѣхалъ въ Москву, я предложилъ ему вступить въ наше Общество; онъ на это согласился, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде, тогда онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который, очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествiя на престолъ старшаго брата.

Бурцевъ, по прiѣздѣ своемъ въ Тульчинъ, объявилъ на общемъ совѣщанiи о несуществованiи Тайнаго Общества. Всѣ присутствующiе члены напали на него и на членовъ, бывшихъ на съѣздѣ въ Москвѣ, доказывая очень справедливо, что 8 человѣкъ не имѣли никакого права уничтожить цѣлое Тайное Общество. Они тутъ же дали другъ другу обѣщанiе никакъ не прекращать своихъ дѣйствiй. Бурцевъ остался одинъ и совершенно въ сторонѣ; онъ даже никому не показалъ новаго устава и съ тѣхъ поръ прекратилъ всѣ свои сношенiя съ товарищами по Обществу. Изъ тульчинскихъ членовъ, подъ руководствомъ Пестеля, образовалось новое Общество, котораго уже явная цѣль была измѣненiе образа правленiя въ Россiи, и съ этого времени они назывались Южными, въ отличiе отъ петербургскихъ, которые назывались Сѣверными.

Въ 20-мъ году въ Смоленской губернiи былъ повсемѣстный неурожай, и въ началѣ 21-го года вездѣ нуждались, а въ Рославльскомъ уѣздѣ вмѣсто хлѣба ѣли сосновую кору и положительно умирали съ голоду. Михайло Муравьевъ, рославльскiй помѣщикъ, бывши

свидѣтелемъ крайней нужды, претерпѣваемой въ его уѣздѣ, хлопоталъ въ Москвѣ о средствахъ помочь бѣднымъ людямъ. Теща его, Н. Н. Шереметева, собрала ему въ нѣсколько дней пожертвованій отъ разныхъ лицъ до 15.000. Дмитрій Давыдовъ, первый нашъ сахароваръ, принимавшій участіе во всѣхъ увеселеніяхъ Москвы, на одномъ балѣ возбудилъ состраданіе къ умирающимъ отъ голоду знакомыхъ ему дамъ; каждая изъ нихъ тутъ же отдала ему въ пользу бѣдныхъ или турецкую свою шаль (Вяземская), или браслетъ, или серьги и т. д. Разумѣется, что мужья ихъ откупили вещи, пожертвованныя ихъ женами, и внесли за нихъ деньги, которыхъ набралось около 6.000; потомъ при другихъ еще пожертвованіяхъ составилось около 30.000 для вспомоществованія бѣднымъ въ Рославльскомъ уѣздѣ. И. А. Фонвизинъ, коротко знакомый съ княземъ Голицынымъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ, и много имъ уважаемый, отправился къ нему и разсказалъ о бѣдствіяхъ въ Рославльскомъ уѣздѣ и о бездѣйствіи тамошняго начальства. Голицынъ ничего про это не зналъ. Бывши самъ человѣкъ очень добрый, онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и обѣщалъ отъ себя донести правительству, но совѣтовалъ Фонвизину прежде съѣздить въ Рославль и привезти ему оттуда подробныя свѣдѣнія, на которыхъ онъ могъ бы основаться въ своемъ донесеніи. Фонвизинъ и я, мы отправились въ Рославль; М. Муравьевъ былъ уже тамъ. При въѣздѣ нашемъ въ этотъ уѣздъ безпрестанно попадались намъ люди совершенно изнеможенные, и что многіе изъ нихъ умирали отъ нужды, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Нищіе со всѣхъ сторонъ шли въ городъ; каждый изъ нихъ надѣялся получить отъ городскихъ жителей хоть небольшой кусокъ хлѣба. Чтобы опредѣлить имена помѣщиковъ, между крестьянами которыхъ наиболѣе было нищихъ, Фонвизинъ и я, мы расположились на постояломъ дворѣ съ цѣлымъ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ. Всѣ нищіе входили къ намъ сво-

бодно; каждому изъ нихъ я давалъ пятакъ и спрашивалъ его имя, названіе его деревни и какому помѣщику онъ принадлежитъ; Фонвизинъ все это записывалъ. Такимъ образомъ составился списокъ, изъ котораго уже можно было видѣть приблизительно, въ какихъ селеніяхъ и чьихъ помѣщиковъ крестьяне наиболѣе нуждались. Потомъ мы поѣхали къ М. Муравьеву и нашли у него Левашевыхъ и дядю его Тютчева. Ни Левашевъ, ни Тютчевъ не были членами Тайнаго Общества, но дѣйствовали совершенно въ его смыслѣ. Левашевы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьянскихъ мальчиковъ по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей, какъ Левашевы и Тютчевъ, дѣйствующихъ въ смыслѣ Тайнаго Общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи. Муравьевъ, Левашевы и Тютчевъ, зная своихъ сосѣдей и при помощи привезеннаго нами списка изъ Рославля, могли опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ наиболѣе нуждались въ пособіи. Они распорядились покупкою хлѣба на пожертвованныя въ Москвѣ деньги и раздачей его. Въ это время цѣны на хлѣбъ необычайно возвысились: четверть ржи стоила до 25 руб., и на 30.000, которыя были въ нашемъ распоряженіи, можно было купить не болѣе, какъ 1.300 четвертей—количество незначительное въ отношеніи съ количествомъ нуждающихся во всемъ уѣздѣ, и между тѣмъ не предвидѣлось никакихъ средствъ прокормить народъ до слѣдующей жатвы; но и будущая жатва не обѣщала ничего утѣшительнаго; за недостаткомъ зернового хлѣба большая часть крестьянскихъ полей остались не засѣянными. Въ этомъ случаѣ Михайло Муравьевъ предпринялъ рѣшительную мѣру. Онъ созвалъ въ Рославль своихъ знакомыхъ и многихъ незнакомыхъ помѣщиковъ и предложилъ имъ подписать бумагу къ министру вну-

треннихъ дѣлъ, въ которой рославльскіе дворяне доводили до свѣдѣнія его о бѣдственномъ положеніи сего края. Бумага эта за подписью нѣсколькихъ десятковъ рославльскихъ дворянъ пошла къ министру мимо уѣзднаго предводителя, который, изъ опасенія прогнѣвать начальство, не хотѣлъ подписаться и вмѣстѣ съ дворянами своего уѣзда, мимо губернскаго предводителя и мимо губернатора, зато она произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Тотчасъ былъ отправленъ въ Смоленскъ сенаторъ Мертваго, и въ его распоряженіе было назначено милліонъ рублей. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ московскихъ сенаторовъ, но въ Смоленскѣ онъ проводилъ время или во снѣ, или на обѣдахъ, или за картами, исподволь собирая свѣдѣнія о наиболѣе нуждающихся въ пособіи. Видѣть этого дремлющаго старика, когда все около него страдало, было отвратительно. Возвратясь въ Жуково, я заѣхалъ къ Пассеку и принялъ его въ члены нашего Тайнаго Общества. Онъ былъ этимъ чрезвычайно доволенъ; когда онъ бывалъ съ Граббе, Фонвизинымъ и со мной, онъ замѣчалъ, что у насъ есть какая-то отъ него тайна, и ему было очень неловко. Онъ всегда былъ добръ до своихъ крестьянъ, но съ этихъ поръ онъ посвятилъ имъ все свое существованіе, и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ „О правахъ и обязанностяхъ гражданина“, изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя въ тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, между прочими правами, предоставлено было

въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу. По воскресеньямъ избранные отъ міра старики собирались въ конторѣ и разбирали тяжбы между крестьянами. Однажды Пассекъ за грубость послалъ своего камердинера съ жалобой на него старикамъ, и они присудили его заплатить два рубля въ общественный сборъ. Камердинеръ же этотъ получалъ отъ своего барина 300 рублей въ годъ. Пассекъ въ этомъ случаѣ остался очень доволенъ и стариками и собой. Онъ вообще двадцатью годами предупредилъ нѣкоторыя учрежденія государственныхъ имуществъ. Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу, онъ употреблялъ усиленныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячъ, которыя онъ имѣлъ въ ломбардѣ; зато уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ, и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось. Но крѣпостное состояніе въ этомъ все испортило. Теперь это имѣніе принадлежитъ племянникамъ Пассека, и очень вѣроятно, что ни одно изъ благихъ его учрежденій уже болѣе не существуетъ.

Осенью въ 21-мъ году было въ Петербургѣ происшествіе Семеновскаго полка. Императоръ Александръ въ это время находился на съѣздѣ въ Лейбахѣ и узналъ отъ Меттерниха, что любимый его полкъ взбунтовался; извѣстіе его сильно поразило. Семеновскій полкъ былъ расформированъ, и нижніе чины были развезены по разнымъ крѣпостямъ Финляндіи, потомъ многіе изъ нихъ были прогнаны сквозь строй, другіе биты кнутомъ и сосланы въ каторжную работу, остальные посланы служить безъ отставки, первый баталіонъ въ сибирскіе гарнизоны, второй и третій размѣщены по разнымъ армейскимъ полкамъ. Офицеры же слѣдующими чинами всѣ были выписаны въ армію съ запрещеніемъ давать имъ отпуска и принимать отъ нихъ просьбу въ от-

ставку; запрещено было также представлять ихъ къ какой бы то ни было наградѣ. Четверо изъ нихъ: Вадковскій, Кошкаровъ, Ермолаевъ и князь Щербатовъ были отданы подъ судъ; при этомъ надѣялись узнать отъ нихъ что-нибудь положительное о существованіи Тайнаго Общества. На Щербатова падало болѣе подозрѣній, нежели на другихъ, по связи его со мной и короткому знакомству съ лицами, подозрѣваемыми правительствомъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ разжалованію въ солдаты; но ему обѣщали совершенное прощеніе, если онъ сообщитъ какія-нибудь свѣдѣнія о существованіи Тайнаго Общества. Самъ онъ не принадлежалъ къ нему; видаясь же безпрестанно со мной, онъ зналъ многое, но наша тайна была для него священна, и онъ рѣшился лучше быть невинной жертвой, нежели поступить предательски. На всѣ задаваемые ему вопросы о Тайномъ Обществѣ онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго императора приговоръ суда надъ Щербатовымъ былъ исполненъ, и онъ былъ посланъ на Кавказъ солдатомъ.

Послѣ семеновской исторіи императоръ Александръ поступилъ совершенно подъ вліяніе Меттерниха, перешелъ отъ народовъ, прежде усердно имъ защищаемыхъ, на сторону властей, и во всѣхъ случаяхъ почиталъ теперь своею обязанностью защищать священныя права царей. Тутъ прекратилось въ немъ раздвоеніе; и въ Европѣ и въ Россіи политическія его возрѣнія были одни и тѣ же. Въ 22-мъ году, по возвращеніи въ Петербургъ, первымъ распоряженіемъ правительства было закрыть масонскія ложи и запретить въ Россіи тайныя общества: со всѣхъ служащихъ были взяты расписки, что они не будутъ принадлежать къ тайнымъ обществамъ. Разумѣется, что такое распоряженіе поставило въ необходимость петербургскихъ членовъ быть очень осторожными, вслѣдствіе чего они рѣдко собирались между собой, и пріемъ новыхъ

членовъ почти совсѣмъ прекратился. У императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣетъ почти всегда только цѣль филантропическую, но что потомъ эта цѣль измѣняется скоро и переходитъ въ заговоръ противъ правительства. Съ этихъ поръ императоръ находился въ какомъ-то особенномъ опасеніи тайныхъ обществъ въ Россіи. Къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей. И странно, въ этомъ случаѣ не попался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. Это самое еще болѣе смущало императора. Онъ былъ увѣренъ, что устрашающее его Тайное Общество было чрезвычайно сильно, и сказалъ однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этотъ счетъ: «Ты ничего не понимаешь, эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства; въ прошломъ году, во время неурожая въ Смоленской губерніи, они кормили цѣлые уѣзды». И при этомъ назвалъ меня, Пассека, Фонвизина, Михаила Муравьева и Левашева. Все это передалъ мнѣ Павелъ Колошинъ, пріѣхавшій изъ Петербурга по порученію Н. Тургенева; я былъ тогда случайно одинъ въ Москвѣ. И. А. Фонвизинъ жилъ въ подмосковной, а М. А. уѣхалъ въ свою костромскую деревню. Тургеневъ заказывалъ намъ съ Колошинымъ быть какъ можно осторожнѣе послѣ того, что императоръ назвалъ нѣкоторыхъ изъ насъ.

Въ 22-мъ году, по сформированіи новаго Семеновскаго полка, вся гвардія выступила изъ Петербурга въ походъ, подъ предлогомъ предстоящей будто бы войны, а въ самомъ дѣлѣ потому, что опасались пребыванія гвардіи въ столицѣ. Васильчиковъ уже не командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Чтобы уменьшить свою от-

вѣтственность по случаю исторіи Семеновскаго полка, онъ увѣрялъ императора, что не въ одной гвардіи, но и въ арміи распространенъ духъ неповиновенія, и въ доказательство подалъ ему письмо своего брата, командира гусарской бригады, въ составъ которой входили полки Лубенскій и Гродненскій. Въ этомъ письмѣ Васильчиковъ жаловался старшему своему брату на Граббе, описывая всѣ случаи, въ которыхъ его подчиненный оказывалъ ему всѣ возможныя неуваженія. Меньшой этотъ Васильчиковъ былъ плохой человѣкъ. Дибичъ, бывши еще начальникомъ штаба 1-ой арміи и проѣзжая черезъ Дорогобужъ, просилъ убѣдительно Граббе, для пользы службы, во фрунтѣ вести себя пристойно съ бригаднымъ своимъ командиромъ, прибавивъ: въ комнатѣ, дѣло другое, и сдѣлалъ рукою движеніе, которое выражало: въ комнатѣ, пожалуй, можно его и поколотить. Письмо Васильчикова сильно подѣйствовало на императора. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Граббе съ своимъ полкомъ изъ Дорогобужа былъ переведенъ, не помню, въ какую губернію. Совершенно неожиданно получилъ онъ бумагу отъ начальника штаба его императорскаго величества съ надписью: отставному полковнику Граббе. Князь Волконскій писалъ къ нему, что поведеніе его съ бригаднымъ командиромъ заслуживаетъ примѣрнаго наказанія, но что государь императоръ, въ уваженіе прошедшей отличной его службы, приказалъ не подвергать его военному суду и повелѣлъ ему съ полученіемъ сего сдать полкъ старшему по себѣ и отправиться на жительство въ Ярославль, не заѣзжая ни въ одну столицу. Случившіеся тутъ офицеры были такъ поражены неожиданнымъ распоряженіемъ, что спросили у Граббе, что онъ прикажетъ имъ дѣлать. Онъ ихъ успокоилъ и, сдавши въ 24 часа полкъ подполковнику Курилову, отправился съ своимъ денщикомъ Иваномъ, едва имѣя съ чѣмъ доѣхать до Ярославля. Онъ командовалъ Лубенскимъ полкомъ почти 6 лѣтъ; въ это время на его

мѣстѣ всякій дошлый полковой командиръ составилъ бы себѣ огромное состояніе. Нѣкоторые изъ короткихъ пріятелей Граббе сложились и доставляли ему годовое содержаніе, безъ чего онъ рѣшительно не имѣлъ чѣмъ существовать въ Ярославлѣ.

Походъ гвардіи имѣлъ совершенно противныя послѣдствія, нежели какихъ отъ него ожидалъ императоръ. Офицеры всѣхъ полковъ, болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, и не подвергаясь такому строгому надзору, какъ въ столицѣ, часто сообщались между собою, и много новыхъ членовъ поступило въ Тайное Общество. Никита Муравьевъ въ Витебскѣ написалъ свою конституцію для Россіи; это былъ вкратцѣ снимокъ съ англійской конституціи. Въ 23-мъ году, по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Пущинъ принялъ Рылѣева, съ поступленіемъ котораго дѣятельность петербургскихъ членовъ очень увеличилась. Много новыхъ членовъ было принято.

Въ 23-мъ году генералъ Ермоловъ, вызванный съ Кавказа начальствовать надъ отрядомъ, назначеннымъ противъ возставшихъ неаполитанцевъ, прожилъ нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ и всякій день видался съ императоромъ. Неаполитанцы были уничтожены австрійцами прежде, нежели нашъ вспомогательный отрядъ двинулся съ мѣста, и Ермоловъ возвратился на Кавказъ. Въ Москвѣ, увидѣвъ пріѣхавшаго къ нему М. Фонвизина, который былъ у него адъютантомъ, онъ воскликнулъ: «Поди сюда, величайшій карбонари». Фонвизинъ не зналъ, какъ понимать такого рода привѣтствіе. Ермоловъ прибавилъ: «Я ничего не хочу знать, что у васъ дѣлается, но скажу тебѣ, что *онъ* васъ такъ боится, какъ бы я желалъ, чтобы онъ меня боялся». Болѣзненное воображеніе императора, конечно, преувеличивало средства и могущество Тайнаго Общества, и потому понятно, что, не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ даже насчетъ существованія этого Общества, ему трудно было приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ

противъ врага невидимаго. Члены Тайнаго Общества ничѣмъ рѣзко не отличались отъ другихъ. Въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ.

Императоръ, преслѣдуемый призракомъ Тайнаго Общества, все болѣе и болѣе становился недовѣрчивымъ, даже къ людямъ, въ преданности которыхъ онъ, казалось, не могъ сомнѣваться. Генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, начальникъ канцеляріи и главнаго штаба, подозрѣваемый императоромъ въ близкомъ сношеніи съ людьми, опасными для правительства, лишился своего мѣста. Князь П. М. Волконскій, начальникъ штаба его императорскаго величества, находившійся неотлучно при императорѣ съ самаго восшествія его на престолъ, лишился также своего мѣста и на нѣкоторое время удалился отъ двора. Причина такой немилости къ Волконскому заключалась въ томъ, что онъ никакъ не соглашался ѣхать въ Грузино на поклоненіе Аракчееву. Князь Алексанръ Николаевичъ Голицынъ, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, съ самой его молодости непрерывно пользовавшійся милостями и довѣріемъ императора, внезапно былъ отставленъ отъ своей должности. Въ это время Аракчеевъ сблизилъ монаха Фотія съ императоромъ. Фотій былъ человѣкъ не совсѣмъ пошлый; малообразованный, изувѣръ, съ пламеннымъ воображеніемъ, онъ сильно дѣйствовалъ, особенно на женщинъ, смѣлостью и неожиданностью своихъ выраженій. Скоро онъ овладѣлъ полнымъ довѣріемъ императора, доказавъ ему, что благочестіе и набожность свѣтскихъ людей, въ томъ числѣ и князя Голицына, суть не что иное, какъ отступничество отъ истиннаго православія, которое одно ведетъ къ вѣчному спасенію. Съ этихъ поръ императоръ сталъ усердно посѣщать монастыри, бесѣдовалъ со схимниками, посылалъ значительные вклады въ разныя

обители и началъ строго соблюдать всѣ обряды греко-россійской церкви. Многія книги, напечатанныя на счетъ правительства, были запрещены, въ томъ числѣ и Естественное право Куницына и книжка, сочиненная Филаретомъ, теперешнимъ митрополитомъ московскимъ. За эту книжку, напечатанную по именному повелѣнію, а потомъ у всѣхъ отобранную, и пострадалъ князь Голицынъ. Цензура сдѣлалась крайне стѣснительна. Въ университетахъ многія каѳедры уничтожены; во всѣхъ училищахъ запрещено учить миѳологіи древнихъ, такъ какъ во всѣхъ высшихъ заведеніяхъ преподавалась древняя словесность. Въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ сдѣлался почти нелюдимымъ. Въ путешествіяхъ своихъ онъ не заѣзжалъ ни въ одинъ губернскій городъ, и для него прокладывалась большая дорога и устраивалась по мѣстамъ дикимъ и по которымъ прежде не было никакого проѣзда.

Въ концѣ 22-го года я женился и весь 23-й годъ прожилъ очень уединенно въ подмосковной тещи моей Н. Н. Шереметевой. Оба Фонвизины были женаты и жили тоже въ своихъ подмосковныхъ, и я даже съ ними очень рѣдко видался. О томъ, что дѣлалось въ Тульчинѣ, ни они, ни я почти ничего не знали. Лѣтомъ въ 23-мъ году мнѣ случилось пріѣхать въ Москву ненадолго; тутъ, познакомившись съ полковникомъ Копыловымъ, перешедшимъ изъ гвардейской артиллеріи на Кавказъ къ Ермолову, и видя его готовность дѣйствовать въ смыслѣ Тайнаго Общества, я принялъ его въ наше Общество. Черезъ нѣсколько дней послѣ того заѣхалъ ко мнѣ Ив. Ал. Фонвизинъ и пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ опредѣленный часъ, въ который онъ назначилъ свиданіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ. Бестужевъ ему сказалъ, что онъ имѣетъ важное порученіе отъ Сергѣя Муравьева и другихъ южныхъ членовъ передать тѣмъ изъ насъ, которыхъ застанетъ въ Москвѣ. Я зналъ этого Бестужева взбалмошнымъ и совершенно безтолковымъ мальчикомъ.

Увидѣвъ меня, съ улыбкой на устахъ онъ повторилъ мнѣ то же, что говорилъ прежде Фонвизину. Я ему на это отвѣчалъ, что, зная его, я никакъ не повѣрю, чтобъ Сергѣй Муравьевъ далъ какое-нибудь важное порученіе къ намъ, и объявилъ ему, что мы не войдемъ съ нимъ ни въ какія сношенія. Онъ на это улыбнулся такъ же неразумно, какъ и въ первый разъ, и затѣмъ удалился. Послѣ оказалось, что онъ точно пріѣзжалъ отъ Сергѣя Муравьева съ предложеніемъ къ намъ вступить въ заговоръ, затѣваемый на Югѣ противъ императора. Странное существо былъ этотъ Бестужевъ-Рюминъ. Если про него нельзя было сказать, что онъ рѣшительно глупъ, то въ немъ безпрестанно проявлялось что-то похожее на недоумка. Въ обыкновенной жизни онъ безпрестанно говорилъ самыя невыносимыя пошлости и на каждомъ шагу дѣлалъ самые непозволительные промахи. Выписанный вмѣстѣ съ другими изъ стараго Семеновскаго полка, онъ попалъ въ Полтавскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Тизенгаузенъ. Въ Кіевѣ Раевскіе, сыновья генерала, и Сергѣй Муравьевъ часто подымали его на смѣхъ. Матвѣй Муравьевъ однажды сталъ упрекать брата своего за поведеніе его съ Бестужевымъ, доказывая ему, что дурачить Бестужева вмѣстѣ съ Раевскими непристойно. Сергѣй въ этомъ согласился, и чтобы загладить вину свою передъ юношей, прежнимъ своимъ сосуживцемъ, онъ особенно сталъ ласкать его. Бестужевъ привязался къ Сергѣю Муравьеву съ неограниченной преданностью; впослѣдствіи и Сергѣй Муравьевъ страстно полюбилъ его. Бестужевъ былъ принятъ на Югѣ въ Тайное Общество, въ которомъ въ это время происходило сильное броженье и требовались люди на все готовые. Тутъ Бестужевъ попалъ совершенно на свое мѣсто. Рѣшительный до безумія въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не ставилъ никогда въ расчетъ препятствій, какія могли встрѣтиться въ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ, и шелъ всегда впередъ безъ оглядки. Въ Кіевѣ на Контрактахъ

онъ нашелъ возможность первый войти въ сношеніе съ варшавскимъ Тайнымъ Обществомъ. Узнавши черезъ прежняго своего сослуживца Тютчева о существованіи Тайнаго Общества Соединенныхъ Славянъ, къ которому Тютчевъ принадлежалъ, и что начальникъ этого Тайнаго Общества артиллеріи поручикъ Петръ Борисовъ, Бестужевъ поспѣшилъ съ такимъ важнымъ открытіемъ къ Сергѣю Муравьеву, потомъ отправился въ 8-ю дивизію къ Борисову и уговорилъ его присоединиться съ своими Славянами къ Южному Тайному Обществу.

24-го и 25-го года я жилъ въ Жуковѣ, ни съ кѣмъ не видаясь, кромѣ Пассека, Мих. Муравьева и Левашевыхъ, и то довольно рѣдко, по дальности между нами разстоянія. Я пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ и часть моихъ полей уже обрабатывалъ наемными людьми. Я могъ надѣяться, что при улучшеніи состоянія моихъ крестьянъ они скоро найдутъ возможность платить мнѣ оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку той земли, какою они пользовались, и что современемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю. Въ концѣ 25-го года я отправился съ моимъ семействомъ въ Москву и прибылъ туда 8-го декабря. На пути я узналъ о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ и о приносимой вездѣ присягѣ цесаревичу Константину Павловичу. Извѣстіе это меня болѣе смутило, нежели этого можно было ожидать. Теперь съ горестнымъ чувствомъ я представилъ бѣдственное положеніе Россіи подъ управленіемъ новаго царя. Конечно, послѣдніе годы царствованія императора Александра были жалкіе годы для Россіи; но онъ имѣлъ хоть за себя прошедшее; по вступленіи на престолъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ усердно подвизался для блага своего отечества, и благія его усилія по всѣмъ частямъ двинули Россію далеко впередъ. Цесаревичъ же, славный наѣздникъ, первый фронтовикъ во всей имперіи, ничего

и никогда не хотѣлъ знать, кромѣ солдатиковъ. Всѣмъ былъ извѣстенъ его неистовый нравъ и дикій обычай. Чего же можно было отъ него ожидать добраго для Россіи? Въ Москвѣ, кромѣ Фонвизиныхъ и Алексѣя Шереметева, я нашелъ и много другихъ членовъ Тайнаго Общества: полковника Митькова, полковника Нарышкина, Семенова, служившаго въ канцеляріи князя Голицына, Нелединскаго, адъютанта цесаревича, и многихъ другихъ. Мы иногда собирались или у Фонвизиныхъ или у Митькова. На этихъ совѣщаніяхъ всѣ присутствующіе члены, казалось, были очень одушевлены и какъ будто ожидали чего-то торжественнаго и рѣшительнаго. Нарышкинъ, недавно пріѣхавшій съ Юга, увѣрялъ, что тамъ все готово къ возстанію и что южные члены имѣютъ за себя огромное число штыковъ. Митьковъ съ своей стороны также увѣрялъ, что петербургскіе члены могутъ въ случаѣ нужды разсчитывать на большую часть гвардейскихъ полковъ. 15 декабря я цѣлый день былъ дома и въ этотъ день никого не видалъ. Алексѣй Шереметевъ возвратился домой поздно ночью и сообщилъ мнѣ полученныя извѣстія объ отреченіи цесаревича, и что на мѣсто его взойдетъ на престолъ Николай Павловичъ; потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что Семеновъ получилъ письмо отъ 12-го, въ которомъ Пущинъ писалъ къ нему, что они въ Петербургѣ рѣшились сами не присягать и не допустить гвардейскіе полки до присяги; вмѣстѣ съ тѣмъ Пущинъ предлагалъ членамъ, находившимся тогда въ Москвѣ, содѣйствовать петербургскимъ членамъ, насколько это будетъ для нихъ возможно. Я очень удивился, что М. А. Фонвизинъ не сообщилъ мнѣ въ теченіе дня такихъ важныхъ извѣстій. Причина тому была дворянскіе выборы, на которыхъ онъ очень хлопоталъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Несмотря на то, что было уже за полночь, мы съ Алексѣемъ Шереметевымъ поѣхали къ Фонвизинымъ; я его разбудилъ и уговорилъ его вмѣстѣ съ нами ѣхать къ полковнику Митькову, который казался

мнѣ человѣкомъ весьма рѣшительнымъ; мы его также разбудили. Надо было опредѣлить, что мы могли сдѣлать въ Москвѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Я предложилъ Фонвизину ѣхать тотчасъ же домой, надѣть свой генеральскій мундиръ, потомъ отправиться въ Хамовническія казармы и поднять войска, въ нихъ квартирующія, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Митькову я предложилъ ѣхать вмѣстѣ со мной къ полковнику Гурко, начальнику штаба 5-го корпуса. Я съ нимъ былъ довольно хорошо знакомъ еще въ Семеновскомъ полку и зналъ, что онъ принадлежалъ къ Союзу Благоденствія. Можно было надѣяться уговорить Гурко дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Тогда при отрядѣ войскъ, выведенныхъ Фонвизинымъ, въ эту же ночь мы бы арестовали корпуснаго командира графа Толстого и градоначальника московскаго князя Голицына, а потомъ и другія лица, которыя могли бы противодѣйствовать возстанію. Алексѣй Шереметевъ, какъ адъютантъ Толстого, долженъ былъ ѣхать къ полкамъ, квартирующимъ въ окрестностяхъ Москвы, и приказать имъ именемъ корпуснаго командира идти въ Москву. На походѣ Шереметевъ, полковникъ Нарышкинъ и нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ старомъ Семеновскомъ полку, должны были приготовить войска къ возстанію, и можно было надѣяться, что, пришедши въ Москву, они присоединились бы къ войскамъ, уже возставшимъ. На другой день мы непремѣнно должны были получить извѣстіе о томъ, что совершилось въ Петербургѣ. Если бы предпріятіе петербургскихъ членовъ удалось, то мы нашимъ содѣйствіемъ въ Москвѣ дополнили бы ихъ успѣхъ; въ случаѣ же неудачи въ Петербургѣ мы нашей попыткой въ Москвѣ заключили бы наше поприще, исполнивъ свои обязанности до конца и къ Тайному Обществу и къ своимъ товарищамъ. Мы бесѣдовали у Митькова до четырехъ часовъ пополуночи, и мои собесѣдники единогласно заключили, что мы четверо не имѣемъ никакого права приступить къ такому важному

предпріятію. На завтрашній день вечеромъ назначено было всѣмъ съѣхаться у Митькова и пригласить на это совѣщаніе Михайлу Орлова.

На другой день утромъ я сидѣлъ у Фонвизина, когда вбѣжалъ къ нему человѣкъ съ извѣстіемъ, что великій князь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву въ открытыхъ саняхъ и прямо въѣхалъ въ домъ военнаго губернатора. Фонвизинъ былъ увѣренъ, что великій князь бѣжалъ изъ Петербурга, гдѣ все возстало противъ него. Оказалось, что прискакалъ въ открытыхъ саняхъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій съ приказаніемъ привести Москву къ присягѣ Николаю Павловичу. Новый императоръ собственноручно написалъ князю Голицыну: «мы здѣсь только-что потушили пожаръ, примите всѣ нужныя мѣры, чтобы у васъ не случилось чего-нибудь подобнаго». Въ тотъ же день, когда собрались для принесенія присяги въ Успенскій соборъ, преосвященный Филаретъ вынесъ изъ алтаря небольшой золотой ящикъ и сказалъ, что въ этомъ ковчегѣ заключается залогъ будущаго счастья Россіи; потомъ, открывъ ящикъ, онъ прочелъ духовное завѣщаніе покойнаго императора Александра Павловича, въ которомъ онъ назначилъ наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. При этомъ завѣщаніи было отреченіе цесаревича, Филаретъ его прочелъ. Послѣ чего всѣ бывшіе въ соборѣ принесли присягу императору Николаю Павловичу, а потомъ и вся Москва присягнула ему.

Поутру Фонвизинъ просилъ меня непремѣнно побывать у Орлова и привести его вечеромъ къ Митькову; я отправился къ нему подъ Донской. Всѣмъ уже были извѣстны происшествія 14 декабря въ Петербургѣ; знали также, что всѣ дѣйствующія лица въ этомъ происшествіи сидѣли въ крѣпости. Пріѣхавъ къ Орлову, я сказалъ ему: Eh bien, général, tout est fini.—Онъ протянулъ мнѣ руку и съ какой-то увѣренностью отвѣчалъ: Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin.

Тутъ его позвали наверхъ къ графини Орловой; онъ сказалъ, что воротится черезъ нѣсколько минутъ, и просилъ меня непремѣнно дождаться его. Во время его отсутствія взошелъ человѣкъ высокій, толстый, рыжій, въ изношенномъ адъютантскомъ мундирѣ безъ аксельбанта и вообще наружности непривлекательной. Я молчалъ, онъ также, Орловъ, возвратившись, сказалъ: «А! Мухановъ, здравствуй; вы не знакомы?...» и познакомилъ насъ. Пришлось протянуть руку рыжему человѣку. Ни Орловъ, ни я, мы никого не знали лично изъ членовъ, дѣйствовавшихъ 14 декабря. Мухановъ былъ со всѣми коротко знакомъ. Онъ намъ разсказывалъ подробности про каждаго изъ нихъ и наконецъ сказалъ: «Это ужасно лишиться такихъ товарищей; во что бы то ни стало, надо ихъ выручить: надо ѣхать въ Петербургъ и убить его». Орловъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и чмокнулъ его въ лобъ. Мнѣ казалось все это очень странно. Передъ приходомъ Муханова я уговаривалъ Орлова поѣхать къ Митькову, гдѣ всѣ его ожидали. На это предложеніе онъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ удовлетворить моему желанію, потому что онъ сказался больнымъ, чтобы не присягать сегодня; а между тѣмъ онъ былъ въ мундирѣ, звѣздѣ и лентѣ, и можно было подумалъ, что онъ возвратился отъ присяги. Видя, что съ нимъ не добиться никакого толку, я подошелъ къ нему и сказалъ, что такъ какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ сношенія мои съ нимъ могутъ подвергнуть его опасности, то, чтобы успокоить его, я обѣщаюсь никогда не посѣщать его. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и обнялъ меня, но, прежде чѣмъ мы разстались, онъ обратился къ Муханову и сказалъ: «Поѣзжай, Мухановъ, къ Митькову». Потомъ сказалъ мнѣ: «Везите его туда, имъ всѣ останутся довольны». Такое предложеніе меня ужасно удивило, и на этотъ разъ я совершенно потерялся. Вмѣсто того, чтобы сказать Орлову откровенно, что я не могу везти Муханова, котораго я со-

вершенно не знаю, къ Митькову, который его также не знаетъ, я вышелъ вмѣстѣ съ Мухановымъ, сѣлъ съ нимъ въ мои сани и повезъ его на совѣщаніе. Митьковъ принялъ его вѣжливо; Мухановъ почти никого не зналъ изъ присутствующихъ, но черезъ полчаса онъ уже разглагольствовалъ, какъ-будто былъ въ кругу самыхъ короткихъ своихъ пріятелей. Онъ былъ знакомъ съ Рылѣевымъ, Пущинымъ, Оболенскимъ, Ал. Бестужевымъ и многими другими петербургскими членами, принявшими участіе въ возстаніи. Всѣ слушали его со вниманіемъ; все это онъ опять заключилъ предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы выручить изъ крѣпости товарищей и убить царя. Для этого онъ находилъ удобнымъ сдѣлать въ эфесѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, выстрѣлить въ императора. Предложеніе самаго предпріятія и способъ привести его въ исполненіе были такъ безумны, что присутствующіе слушали Муханова молча и безъ малѣйшаго возраженія. Въ вечеръ этотъ у Митькова собрались въ послѣдній разъ на совѣщаніе нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, существовавшаго почти 10 лѣтъ. Въ это время въ Петербургѣ все уже было кончено, и въ Тульчинѣ начались аресты. Въ Москвѣ первый былъ арестованъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость М. Орловъ, потомъ полковникъ Митьковъ и многіе другіе. Меня арестовали не раньше 10-го генваря 1826 года.

II.

Послѣ 14-го декабря многіе изъ членовъ Тайнаго Общества были арестованы въ Петербургѣ; я оставался на свободѣ до 10-го генваря. Въ этотъ день вечеромъ я спокойно пилъ дома чай, вдругъ вызвалъ меня полицеймейстеръ Обрѣзковъ и объявилъ, что ему надобно переговорить со мной наединѣ. Я повелъ его къ себѣ въ комнату. Онъ требовалъ отъ меня моихъ

бумагъ. Я объявилъ ему, что у меня никакихъ бумагъ нѣтъ, а что если бы и были такія, которыя могли быть для него любопытны, то я бы имѣлъ все время ихъ сжечь. Я ожидалъ ареста и нарочно положилъ на столъ листокъ съ исчисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что этотъ листокъ возьмутъ вмѣстѣ со мной, что онъ, можетъ-быть, обратитъ на себя вниманіе правительства. Я предложилъ Обрѣзкову взять эти исчисленія, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти цифры ему нисколько не нужны. Послѣ этого онъ посовѣтовалъ мнѣ одѣться потеплѣе и пригласилъ ѣхать съ собой. Къ отъѣзду у меня было уже все приготовлено заранѣе. Я зашелъ въ сопровожденіи полицеймейстера проститься съ женой, сыномъ и тещей. Обрѣзковъ отвезъ меня къ оберъ-полицеймейстеру Дмитрію Ивановичу Шульгину, который встрѣтилъ меня словами: «Вы много повредили себѣ тѣмъ, что сожгли свои бумаги.» Я отвѣчалъ, что не жегъ никакихъ бумагъ, но что, ежели бы имѣлъ опасныя для себя бумаги, то, зная, что каждый день арестуются разныя лица, я имѣлъ бы все время сжечь ихъ. «Не можетъ быть, чтобъ у васъ не было какихъ *писменъ*» (sic), сказалъ мнѣ на это оберъ-полицеймейстеръ, «потому что васъ учили читать и писать; вы вѣрно получаете и какія - нибудь письма и отвѣчаете на нихъ».—У меня лежатъ на столѣ, сказалъ я ему, два письма, одно отъ сестры, другое изъ деревни отъ старосты. Шульгинъ съ радостью сказалъ мнѣ, что больше ничего и не нужно, и тотчасъ послалъ Обрѣзкова за этими письмами. Когда я остался вдвоемъ съ Шульгинымъ, мы разговорились съ нимъ, и онъ мнѣ признался, что ему необходимо было хоть одно письмо, потому что въ бумагѣ, при которой должны были меня отправить и которая была подписана княземъ Голицынымъ, было сказано, что со мной отправляются найденныя у меня бумаги. Вскорѣ Обрѣзковъ возвратился съ письмами и сочиненіемъ Теэра, которое онъ, будучи пьянъ, захватилъ у меня на столѣ.

Я былъ отправленъ въ Петербургъ съ частнымъ приставомъ, который и привезъ меня прямо въ главный штабъ. Тутъ какой-то адъютантъ повелъ меня къ Потапову. Потаповъ былъ очень вѣжливъ и отправилъ меня въ Зимній дворецъ къ с.-петербургскому коменданту Башуцкому. Башуцкій распорядился, и меня отвели въ одну изъ комнатъ нижняго этажа Зимняго дворца. У дверей и окна поставлено было по солдату съ обнаженными саблями. Здѣсь провелъ я ночь и другой день. Вечеромъ повели меня наверхъ, и къ крайнему моему удивленію я очутился въ Эрмитажѣ. Въ огромной залѣ, почти въ углу, на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Климента IX, стоялъ раскрытый ломберный столъ, и за нимъ сидѣлъ въ мундирѣ генералъ Левашевъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него и началъ вопросомъ: «Принадлежали ли вы къ Тайному Обществу?» Я отвѣчалъ утвердительно. Далѣе онъ спросилъ: «Какія вамъ извѣстны дѣйствія Тайнаго Общества, къ которому вы принадлежали?» Я отвѣчалъ, что собственно дѣйствій Тайнаго Общества я никакихъ не знаю.

— Милостивый государь,—сказалъ мнѣ тогда Левашевъ,—не думайте, чтобы намъ ничего не было извѣстно. Происшествіе 14-го числа было только преждевременною вспышкою, и вы должны были еще въ 1818 году нанести ударъ императору Александру.

Это заставило меня призадуматься; я не полагалъ, чтобы совѣщаніе, бывшее въ 18-мъ году въ Москвѣ, могло быть извѣстно.

— Я даже вамъ разскажу,—продолжалъ Левашевъ,—подробности намѣреваемаго вами цареубійства: изъ числа бывшихъ тогда на совѣщаніи вашихъ товарищей—на васъ палъ жребій.

— Ваше превосходительство, это не совсѣмъ справедливо: я вызвался самъ нанести ударъ императору и не хотѣлъ уступить этой чести никому изъ моихъ товарищей.

Левашевъ сталъ записывать мои слова.

— Теперь, милостивый государь, — продолжалъ онъ, — не угодно ли вамъ будетъ назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые были на этомъ совѣщанiи.

— Этого я никакъ не могу сдѣлать, потому что, вступая въ Тайное Общество, я далъ обѣщанiе никого не называть.

— Такъ васъ заставятъ назвать ихъ. Я приступаю къ обязанности судьи и скажу вамъ, что въ Россiи есть пытка.

— Очень благодаренъ вашему превосходительству за эту довѣренность; но долженъ вамъ сказать, что теперь еще болѣе, нежели прежде, я чувствую моею обязанностiю никого не называть.

— Pour cette fois, je ne vous parle pas comme votre juge, mais comme un gentilhomme votre égal, et je ne conçois pas, pourquoi vous voulez être martyr pour des gens, qui vous ont trahi et vous ont nommé.

— Je ne suis pas ici pour juger la conduite de mes camarades, et je ne dois penser qu'à remplir les engagements, que j'ai pris en entrant dans la Société!

— Всѣ ваши товарищи показываютъ, что цѣль Общества была замѣнить самодержавiе представительнымъ правленiемъ.

— Это можетъ быть,—отвѣчалъ я.

— Что вы знаете про конституцiю, которую предполагалось ввести въ Россiю?

— Про это я рѣшительно ничего не знаю.

Дѣйствительно, про конституцiю Никиты Муравьева я не зналъ ничего въ то время, и хотя, въ бытность мою въ Тульчинѣ, Пестель и читалъ мнѣ отрывки изъ Русской Правды, но, сколько могу припомнить, объ образованiи волостныхъ и сельскихъ обществъ.

— Но какiя же были ваши дѣйствiя по Обществу?— продолжалъ Левашевъ.

— Я всегда болѣе занимался отысканiемъ способа уничтожить крѣпостное состоянiе въ Россiи.

— Что же вы можете сказать объ этомъ?

— То, что это такой узелъ, который долженъ быть

развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія.

— Но что же тутъ можетъ сдѣлать правительство?

— Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ.

— Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами.

Затѣмъ послѣдовало опять приглашеніе назвать членовъ Тайнаго Общества, и послѣ отказа Левашевъ далъ мнѣ подписать измаранный имъ почтовый листокъ; я подписалъ его, не читая. Левашевъ пригласилъ меня выйти. Я вышелъ въ ту залу, въ которой висѣла картина Сальватора Розы «Блудный сынъ». При допросѣ Левашева мнѣ было довольно легко, и я во все время допроса любовался «Святою фамиліей» Доминикина; но когда я вышелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ меня фельдъегерь, и когда остался съ нимъ вдвоемъ, то угрозы пытки въ первый разъ смутили меня. Минутъ черезъ десять дверь отворилась, и Левашевъ сдѣлалъ мнѣ знакъ войти въ залу, въ которой былъ допросъ. Возлѣ ломбернаго стола стоялъ новый императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе, и началъ такимъ образомъ.

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ?—Проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно: если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ со свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству,—отвѣтилъ я, указывая на Левашева, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «Заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ».

Во время этого второго допроса я былъ спокоенъ; я боялся сначала, что царь уничтожитъ меня, говоря умѣренно и съ участіемъ, что онъ нападаетъ на слабыя и ребяческія стороны Общества, что онъ побѣдитъ великодушіемъ. Я былъ спокоенъ, потому что во время допроса былъ сильнѣе его; но когда по знаку Левашева я вышелъ къ фельдъегерю, и фельдъегерь повезъ меня въ крѣпость, то мнѣ еще болѣе прежняго стала приходить мысль о пыткѣ; я былъ увѣренъ, что новый императоръ не произнесъ слова «пытка» только потому, что считалъ это для себя непристойнымъ.

Фельдъегерь привезъ меня къ коменданту Сукину,—его и меня привели въ небольшую комнату, въ которой была устроена церковь. Воображеніе мое было сильно поражено; прислуга, по случаю траура одѣтая въ черное, предвѣщала что-то недоброе. Съ фельдъегеремъ просидѣлъ я съ полчаса, онъ по-временамъ зѣвалъ, закрывая ротъ рукою, а я молилъ объ одномъ—чтобы Богъ далъ мнѣ силы перенести пытку. Наконецъ въ ближнихъ комнатахъ послышался звукъ желѣза и приближеніе многихъ людей. Впереди всѣхъ появился комендантъ съ своей деревянной ногой; онъ подошелъ къ свѣчкѣ, поднесъ къ ней листокъ почтовой бумаги и сказалъ съ разстановкой: «Государь приказалъ заковать тебя». На меня кинулось нѣсколько человѣкъ, посадили меня на стулъ и стали надѣвать ручныя и ножныя желѣза. Радость моя была невыразима; я былъ убѣжденъ, что надо мной совершилось чудо: желѣза еще не совсѣмъ пытка. Меня передали плацъ-адъютанту Трусову; онъ связалъ вмѣстѣ два конца своего носового платка, надѣлъ его мнѣ на голову и повезъ въ

Алексѣевскій равелинъ. Переѣзжая подъемный мостъ, я вспомнилъ знаменитый стихъ: «Оставьте всякую надежду вы, которые сюда входите». Про этотъ равелинъ говорили, что въ него сажаютъ только «забытыхъ», и что изъ него никто никогда не выходилъ. Изъ саней меня вынули солдаты, принадлежащіе къ командѣ Алексѣевскаго равелина, и ввели меня въ 1-й нумеръ. Тутъ я увидѣлъ семидесятилѣтняго старика, главнаго начальника равелина, подчиненнаго непосредственно императору. Съ меня сняли желѣза, раздѣли, надѣли толстую рубашку въ лохмотьяхъ и такія же панталоны; потомъ комендантъ сталъ на колѣни, надѣлъ на меня снятыя желѣза, обернулъ наручники тряпкой и надѣлъ ихъ, спрашивая, могу ли я такъ писать. Я сказалъ, что могу. Послѣ этого комендантъ пожелалъ мнѣ доброй ночи, сказавъ: «Божья милость всѣхъ насъ спасетъ». Всѣ вышли, дверь затворилась и замокъ щелкнулъ два раза.

Комната, въ которую посадили меня, была 6 шаговъ длины и 4 ширины. Стѣны, послѣ наводненія 1824 года, были покрыты пятнами; стекла были выкрашены бѣлой краской, и внутри отъ нихъ была вдѣлана въ окно крѣпкая желѣзная рѣшетка. Около окна въ углу стояла кровать, на ней былъ тюфякъ и гошпитальное бумажное одѣяло. Возлѣ кровати стоялъ маленькій столикъ, на немъ кружка съ водою—на кружкѣ были вырѣзаны буквы «А. Р.». Въ другомъ углу, противъ кровати, была печь. Въ третьемъ углу, противъ печи, стольчакъ. Кромѣ того, было еще два стула и на одномъ изъ нихъ ночникъ. Когда я остался одинъ, я былъ совершенно счастливъ: пытка миновалась на этотъ разъ, я имѣлъ время собраться съ духомъ и даже спрашивалъ у себя, что они думали произвести надо мной надѣтыми на меня желѣзами, которыя, какъ я узналъ послѣ, вѣсили 22 фунта. Въ 9 часовъ принесли ужинъ, при чемъ солдатъ, исполнявшій должность дворецкаго, каждый разъ очень вѣжливо кланялся. Не ѣвши болѣе

двухъ сутокъ, я поѣлъ щей съ большимъ удовольствіемъ. Ходить по комнатѣ мнѣ было нельзя, потому что въ желѣзахъ это было неудобно, и я опасался, что звукъ желѣзъ произведетъ непріятное чувство въ сосѣдяхъ. Я легъ спать и спалъ бы очень спокойно, ежели бы порой не пробуждали меня наручники.

На другой день, по заведенному въ равелинѣ порядку, поутру явился комендантъ равелина въ сопровожденіи унтеръ-офицера и ефрейтора. Онъ спросилъ объ моемъ здоровьѣ и отправился далѣе по казематамъ. Все утро я не вставалъ съ постели; часовъ въ 12 услышалъ приближающіе къ двери шаги и сдѣланный почти шопотомъ вопросъ: «Кто здѣсь сидитъ?» На этотъ вопросъ отвѣчено: «Дмитріевъ». Дверь растворилась, и вошелъ рослый, старый и бѣлый какъ лунь протопопъ Петропавловскаго собора Стахій. Я съ ногами сидѣлъ на кровати. Онъ взялъ стулъ и, проговоривъ что-то насчетъ моего жалкаго положенія, сказалъ, что его прислалъ государь. Затѣмъ начался формальный допросъ и увѣщаніе:

— Всякій ли годъ бываете у исповѣди и святого причастія?

— Я не исповѣдывался и не причащался 15 лѣтъ.

— Конечно, это случилось потому, что вы были заняты обязанностями службы и не имѣли времени исполнить этого христіанскаго долга?

— Я уже восемь лѣтъ какъ въ отставкѣ, и не исповѣдывался и не причащался потому, что не хотѣлъ исполнять это какъ обрядъ, зная, что въ Россіи болѣе, нежели гдѣ-нибудь, оказываютъ терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ, словомъ, я не христіанинъ.

Стахій увѣщевалъ меня, какъ умѣлъ, и наконецъ напомнилъ о томъ, что ожидаетъ меня на томъ свѣтѣ.

— Если вы вѣрите въ Божественное милосердіе,— сказалъ я ему,—то вы должны быть увѣрены, что мы всѣ будемъ прощены: и вы, и я, и мои судьи.

Этотъ старикъ былъ добрый человѣкъ; онъ запла-

калъ и сказалъ мнѣ, что ему очень жалко, что онъ не можетъ быть мнѣ полезенъ. Тѣмъ наше свиданіе и кончилось. Стахій вышелъ. Воображеніе мое разыгрывалось болѣе и болѣе и по-временамъ доходило до какой-то восторженности; когда появился Стахій, онъ мнѣ напомнилъ собой инквизитора въ «Донъ-Карлосѣ», но послѣ разговора я узналъ въ немъ весьма простого русскаго попа. Послѣ его ухода, вмѣсто обѣда, ефрейторъ съ обыкновенною вѣжливостью принесъ кусокъ чернаго хлѣба, за который я его поблагодарилъ также вѣжливо. Этотъ день прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

На третій день поутру (16 генваря) взошелъ ко мнѣ съ обыкновенной свитой плацъ-адъютантъ Трусовъ. Кромѣ священника, всѣ должны были входить въ казематъ въ сопровожденіи ефрейтора и унтеръ-офицера. Трусовъ принесъ мнѣ трубку и табакъ. Узнавши отъ меня, что они не принадлежатъ мнѣ, онъ унесъ ихъ назадъ. Въ то время я никакъ не догадался, что это было что-то въ родѣ искушенья. Въ тотъ же день вечеромъ неожиданно распахнулись двери, и ко мнѣ вошелъ еще болѣе рослый, чѣмъ Стахій, протопопъ Казанскаго собора П. Н. Мысловскій. Пріемы его были совсѣмъ другіе; онъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня съ нѣжностью и просилъ, чтобы я переносилъ свое положеніе съ терпѣніемъ и чтобы я помнилъ, какъ страдали апостолы и первые отцы церкви.

— Батюшка,—спросилъ я его,—вы пришли ко мнѣ по порученію правительства?

Это его нѣсколько озадачило.

— Конечно, безъ позволенія правительства я не могъ бы посѣтить васъ,—отвѣчалъ онъ,—но въ вашемъ положеніи вы бы, вѣроятно, обрадовались, ежели бы какимъ-нибудь образомъ забѣжала къ вамъ даже собака, и потому я полагалъ, что мое посѣщеніе не можетъ быть излишне.

— Конечно, въ моемъ положеніи посѣщеніе человѣка, который бы пришелъ ко мнѣ побесѣдовать, могло

быть для меня очень пріятно; но вы священникъ и поэтому я почитаю своею обязанностью на первый разъ нашего знакомства объясниться съ вами откровенно. Какъ священникъ, вы не можете доставить мнѣ никакого утѣшенія, тогда какъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей посѣщенія ваши могутъ быть очень утѣшительны, и вы можете облегчить ихъ положеніе.

— Мнѣ нѣтъ дѣла,—отвѣчалъ Мысловскій,—какой вы вѣры; я знаю только, что вы страдаете, и очень буду счастливъ, ежели мои посѣщенія не какъ священника, а какъ человѣка могутъ быть для васъ хоть сколько-нибудь пріятны.

Послѣ такого объясненія я подалъ ему руку и поблагодарилъ его.

Онъ являлся ко мнѣ потомъ всякій день, и въ нашихъ разговорахъ не было и рѣчи о религіи. Велъ себя онъ со мной просто и безъ малѣйшихъ фразъ. Пройдя пѣшкомъ отъ Казанскаго ссбора до крѣпости и обойдя много казематовъ, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ ломоть рѣшетнаго хлѣба, запивая его славной невской водой, которую впослѣдствіи мы называли нашимъ шампанскимъ.

Кажется, на 7-й день моего пребыванія въ равелинѣ я услышалъ очень явственно шаги двухъ человѣкъ, подходившихъ къ моей двери. Въ двери было небольшое стеклянное окошко, изнутри загороженное желѣзной рѣшеткой, а снаружи закрытое зеленымъ фланелевымъ мѣшкомъ. Обыкновенно часовые подходили къ этому окну въ валеныхъ башмакахъ и едва раздвигали мѣшокъ, чтобы осмотрѣть казематъ, такъ что почти никогда нельзя было замѣтить ихъ приближенья и осмотра. На этотъ разъ весь мѣшокъ былъ поднятъ, и я могъ явственно видѣть усъ и часть лица Левашева, который сказалъ кому-то: „Celui-ci a les fers aux bras et aux pieds". Меня увѣряли впослѣдствіи, что другой былъ царь, что не совсѣмъ вѣроятно, но очень можетъ быть, что это былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ этотъ вечеръ черезъ три нумера отъ меня противъ обыкно-

венной тишины въ равелинѣ происходилъ довольно долго продолжавшійся шумъ. Я узналъ отъ Мысловскаго, что въ эту ночь вынесли изъ равелина несчастнаго Булатова полоумнаго и полуживого. Въ продолженіе 8 дней ни ласки, ни угрозы не могли заставить его съѣсть что-нибудь. Его отвезли въ сухопутный госпиталь, гдѣ онъ на другой или на третій день умеръ. Передъ смертію ему было дозволено свиданіе съ двумя малолѣтними дочерьми, страстно имъ любимыми. Дочери не узнали его и убѣжали отъ него съ ужасомъ.

На другой день вечеромъ, послѣ того, какъ всѣ двери были уже заперты, взошелъ ко мнѣ тихо ефрейторъ и подалъ мнѣ крупичатую булку; онъ просилъ меня отъ имени офицера непремѣнно съѣсть ее всю, потому что, если на другое утро найдутъ у меня хоть кусочекъ отъ этой булки, то офицеру можетъ быть за это худо. Я, со своей стороны, просилъ ефрейтора унести булку, но онъ оставилъ ее на столѣ и ушелъ. Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ съѣсть ее, хоть ѣсть мнѣ вовсе не хотѣлось. Послѣдствіемъ такой любезности со стороны офицера было то, что у меня сдѣлались жестокія спазмы въ желудкѣ; я простоналъ цѣлую ночь, и только утромъ меня облегчила сильная рвота.

При обыкновенномъ утреннемъ посѣщеніи явился ко мнѣ крѣпостной докторъ и спросилъ меня о моемъ здоровьѣ. Я сказалъ, что у меня были спазмы, но что мнѣ теперь лучше. Онъ совѣтовалъ мнѣ воздержаться отъ сухой пищи, на что я ему отвѣчалъ, что я всегда запиваю хлѣбъ водой. Часа черезъ два взошелъ ко мнѣ петропавловскій комендантъ Сукинъ; изъявивъ предварительно сожалѣнье о моемъ положеніи, онъ со слезами на глазахъ просилъ меня сжалиться надъ собой и назвать всѣхъ своихъ товарищей. Я отвѣчалъ ему, что назвать своихъ товарищей ни для него, ни для кого на свѣтѣ я не могу. Впрочемъ, я былъ тронутъ слезами старика, и мнѣ было жаль, что я не имѣлъ возможности сдѣлать ему пріятнаго. Онъ много распростра-

нялся о томъ, какой у насъ добрый царь, и назвалъ его даже ангеломъ. Я отвѣчалъ ему: дай Богъ, чтобы это было правда.

— Вы затѣяли пустое,—говорилъ онъ,—Россія обширный край, который можетъ управляться только самодержавнымъ царемъ. Если бы даже и удалось 14-е, то за нимъ послѣдовало бы столькобе зпорядковъ, что едва ли черезъ 10 лѣтъ все пришло бы въ порядокъ.

— Мы никогда и не предполагали, — отвѣчалъ я ему,—устроить все съ перваго разу.

Во все это время я сидѣлъ съ ногами на кровати, а старикъ стоялъ предо мною на своей деревянной ногѣ. Окончивъ свои разсужденія, онъ сказалъ: «Ну, несмотря на ваше упорство, я велю вамъ дать обѣдать. А такъ какъ вы давно не употребляли скоромной пищи, то я велю прежде напоить васъ чаемъ». Я увѣрялъ его, что это нисколько не нужно, но онъ, не слушая меня, повторилъ еще разъ, что велитъ напоить меня чаемъ и принести мнѣ обѣдать. Въ этотъ же день мнѣ дали очень жидкаго чаю и щей съ говядиной, которыхъ я почти не ѣлъ. Когда вечеромъ пришелъ ко мнѣ Мысловскій, я разсказалъ ему все бывшее между мной и комендантомъ и чистосердечно отозвался объ немъ, какъ о весьма добромъ человѣкѣ. На это Мысловскій замѣтилъ, что главная доброта коменданта состоитъ въ желаніи, чтобы я не умеръ отъ сухой ѣды, какъ умеръ Булатовъ отъ голоду, и что, вообще, члены слѣдственной комиссіи очень хлопочутъ о томъ, чтобы никто изъ насъ не умеръ до окончанія дѣла.

Я понялъ, что въ этихъ словахъ много правды.

На другой день зашелъ ко мнѣ Трусовъ и объявилъ мнѣ отъ имени коменданта, что я такъ упрямъ, что его превосходительство никогда болѣе не придетъ ко мнѣ.

Мнѣ часто приходили на умъ жена и сынъ, но такъ какъ такія мысли не были утѣшительны въ моемъ положеніи, то я отгонялъ ихъ отъ себя.

Въ первыхъ числахъ февраля Трусовъ принесъ мнѣ

письмо отъ жены, въ которомъ она извѣщала, что она благополучно родила сына и что она и дѣти здоровы. Прочтя это письмо, я чуть не сошелъ съ ума; я такъ былъ счастливъ, что бросился къ двери, стучалъ кулакомъ и требовалъ къ себѣ офицера. Намѣреніе мое было потребовать бумаги и перо и изъявить за мое счастье искреннюю благодарность къ царю, приславшему мнѣ письмо. Въ это время офицера не было въ равелинѣ, и письмо мое осталось не написаннымъ. Я былъ совершенно покоенъ, не имѣя болѣе надобности отгонять отъ себя мысли отъ семейства, и считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ во всемъ Петербургѣ. Послѣ ужина я долго не могъ уснуть и только что началъ дремать, дверь съ шумомъ растворилась, и Трусовъ вошелъ ко мнѣ съ обыкновенной свитой. Мнѣ принесли мое платье и шубу, сняли съ меня желѣза, и когда я одѣлся, то надѣли ихъ опять. Трусовъ взялъ у офицера 4 ключа отъ моихъ замковъ. По его совѣту я сдѣлалъ изъ носового платка подвязку, посредствомъ которой держалъ ножныя желѣза. Трусовъ накинулъ мнѣ на голову свой носовой платокъ и повезъ меня въ домъ къ коменданту. Тутъ изъ рукъ его кто-то принялъ меня и посадилъ за ширмы, несмотря на которыя и на платокъ, я могъ видѣть прислугу, носившую блюда въ боковую комнату. Около полуночи меня взяли за руку и повели въ тѣ комнаты, въ которыхъ передъ этимъ ужинали. Въ первой изъ этихъ комнатъ я ничего не могъ видѣть сквозь платокъ, кромѣ множества свѣчей и столовъ, за которыми сидѣли люди и писали. Изъ этой комнаты меня привели въ довольно большую залу, также очень ярко освѣщенную. Руку мою опустили, я остановился, и съ меня сняли платокъ. Я стоялъ посреди комнаты, шагахъ въ 10 отъ меня стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На крайнемъ концѣ его сидѣлъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи Татищевъ, рядомъ съ нимъ великій князь Михаилъ Павловичъ; сбоку отъ Татищева сидѣли князь

Голицынъ (Александръ Николаевичъ) и Дибичъ; 3-й стулъ былъ порожній (Левашева); 4-е мѣсто занималъ Чернышевъ. По другую сторону стола около великаго князя сидѣлъ Голенищевъ-Кутузовъ, потомъ Бенкендорфъ, Потаповъ и полковникъ флигель-адъютантъ Адлербергъ, который, не будучи членомъ комиссіи, записывалъ все сколько-нибудь важное, чтобы тотчасъ доставлять императору свѣдѣнія о ходѣ дѣла. Когда сняли съ меня платокъ, съ минуту во всей комнатѣ продолжалось молчаніе. Наконецъ Чернышевъ махнулъ мнѣ пальцемъ и весьма торжественнымъ голосомъ сказалъ: «Приблизьтесь». Подходя къ столу, я нарушилъ моими цѣпями тишину въ комнатѣ. Начался опять формальный допросъ.

Чернышевъ спросилъ у меня, всякій ли годъ я бываю на исповѣди и у св. причастія. Я отвѣчалъ ему то же, что Стахію.

— Присягали ли вы императору Николаю Павловичу?

— Нѣтъ, не присягалъ.

— Почему же вы не присягали?

— Я не присягалъ потому, что присяга происходитъ съ такими обрядами и съ такою клятвою, что я считалъ ее для себя неприличною, тѣмъ болѣе, что я нисколько не вѣрю святости такой клятвы.

Только при появленіи моемъ въ комитетъ я вполнѣ понялъ, что, доставивши мнѣ письмо отъ жены, меня хотѣли поймать въ ловушку; я смотрѣлъ на всѣхъ членовъ комиссіи съ какимъ-то омерзеніемъ.

Чернышевъ просилъ меня назвать членовъ Тайнаго Общества, но я отвѣчалъ ему то же, что и Левашеву.

— Что же можетъ васъ заставлять такъ сильно упорствовать въ этомъ случаѣ?—спросилъ Чернышевъ.

— Я уже сказалъ, что далъ слово не называть никого.

— Вы хотите спасти вашихъ товарищей, но это вамъ не удастся.

— Еслибъ я думалъ о спасеніи кого-нибудь, то, вѣроятно, постарался бы спасти себя и не разсказалъ бы того, что разсказалъ генералу Левашеву.

— Себя, милостивый государь, вы спасти не можете. Комитетъ долженъ вамъ объявить, что ежели онъ спрашиваетъ у васъ имена вашихъ товарищей, то единственно потому, что желаетъ доставить вамъ возможность облегчить свою судьбу. И такъ какъ вы упорствуете, то комитетъ назоветъ вамъ всѣхъ членовъ Тайнаго Общества, бывшихъ въ 1818 году на совѣщаніи, на которомъ рѣшено было убить покойнаго императора. Тутъ были: Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Лунинъ, Фонвизинъ и Шаховскій. Иные изъ вашихъ товарищей показываютъ, что на васъ палъ жребій нанести ударъ императору, а другіе—что вы сами вызвались на это.

— Послѣднее показаніе справедливо, и я точно вызвался самъ *).

— Какое ужасное положеніе,—сказалъ князь Голицынъ,—имѣть душу, обремененную такою грѣховностью! Былъ ли у васъ священникъ?

— Да, священникъ приходилъ ко мнѣ.

Въ это время дремавшій прежде Кутузовъ проснулся и, спросонья не разобравъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ: «Какъ, онъ и попа не хотѣлъ пустить къ себѣ»?

Голицынъ его успокоилъ, сказавши, что у меня былъ священникъ.

Когда я объявилъ на вопросъ одного изъ членовъ, что я совсѣмъ не православный христіанинъ, то Дибичъ (лютеранинъ) воскликнулъ: «Такъ, мы умнѣе нашихъ предковъ; гдѣ же намъ вѣрить и дѣйствовать, какъ вѣрили и дѣйствовали отцы наши».

— Сначала вы были,—продолжалъ допросъ Чернышевъ,—однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ; что же заставило васъ удалиться отъ Общества?

*) Въ донесеніи сказано, что я вызвался на покушеніе, бывши терзаемъ страстью несчастной любви. Я имѣю всѣ причины думать, что это—показаніе Никиты Муравьева, желавшаго такой сентиментальной фразой уменьшить мою виновность передъ комитетомъ. Послѣ, когда я у него спрашивалъ объ этомъ, онъ всякій разъ смѣялся и отшучивался вмѣсто отвѣта.

— По полученіи письма отъ Трубецкого, которое всѣхъ насъ такъ встревожило, и послѣ общаго мнѣнія, что Россія не можетъ быть болѣе несчастною, какъ подъ управленіемъ императора Александра, я объявилъ, что въ этомъ случаѣ каждый долженъ дѣйствовать отдѣльно по своей совѣсти, а не такъ, какъ членъ Тайнаго Общества,—и сказалъ, что я рѣшился убить императора. Въ тотъ вечеръ, въ который было это совѣщаніе, никто не сопротивлялся моему намѣренію; на другой день вечеромъ собрались всѣ тѣ же члены и умоляли меня не приводить въ исполненіе моего намѣренія; но я сказалъ имъ, что они не имѣютъ никакого права препятствовать мнѣ, что я буду дѣйствовать совершенно независимо отъ Тайнаго Общества и что никакъ не могу отказаться совершить то, что они вчера сами находили необходимымъ. Послѣ упорныхъ, нѣсколько разъ повторенныхъ просьбъ отложить намѣреніе, которое, по ихъ мнѣнію, могло погубить всѣхъ, я согласился и сказалъ, что не принадлежу болѣе къ ихъ Обществу, потому что они или возбудили меня вчера къ самому ужасному преступленію, или сегодня лишаютъ возможности совершить самое прекрасное дѣло, какое только возможно для человѣка истинно любящаго Россію.

— Не было ли кого,—спросилъ Чернышевъ,—кто бы при самомъ началѣ уговаривалъ васъ отказаться отъ вашего намѣренія?

— Точно; Михайло Фонвизинъ, съ которымъ я жилъ въ то время вмѣстѣ, уговаривалъ меня въ продолженіе всей ночи. Я назвалъ Фонвизина, думая, что мое показаніе можетъ быть ему полезно.

По окончаніи этого допроса мнѣ опять пришла мысль о пыткѣ, и я былъ почти убѣжденъ, что на этотъ разъ мнѣ ее не миновать; но, къ крайнему моему удивленію, Чернышевъ, очень грозно смотрѣвшій на меня во время допроса, взглянулъ, улыбаясь, на великаго князя Михаила Павловича и потомъ сказалъ мнѣ довольно крот-

ко, что мнѣ зададутся вопросы письменно, и что я долженъ буду отвѣчать также письменно.

Мнѣ надѣли на глаза платокъ и отвезли обратно въ равелинъ.

На другой день утромъ Трусовъ привезъ мнѣ письменные вопросы отъ комитета. Вопросы были тѣ же самые, которые мнѣ предлагались изустно наканунѣ. Тутъ опять былъ отдыхъ. Я хорошо зналъ, что, пока я буду писать отвѣты, меня оставятъ въ покоѣ. Мнѣ дали перо и чернильницу, и я писалъ отвѣты медленно—кажется дней 10. Въ продолженіе этого времени Трусовъ заходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, чтобы спросить, кончилъ ли я. На все я отвѣчалъ то же, что и въ комитетѣ; но когда мнѣ пришлось отвѣчать на вопросъ, кто извѣстенъ мнѣ изъ членовъ Тайнаго Общесчва, то меня взяло раздумье. Кромѣ тѣхъ лицъ, кото рыхъ мнѣ назвалъ комитетъ, мнѣ бы пришлось назвать очень немногихъ, и, назвавши этихъ немногихъ, я не подвергалъ бы ихъ почти никакой опасности, потому что одни изъ нихъ были за границей, другіе слишкомъ мало принимали участія въ дѣлахъ Общества. Тутъ мнѣ представилось, что я разыгрываю роль Донъ-Кихота, вышедшаго съ обнаженной шпагою противъ льва, который, увидавши его, зѣвнулъ, отвернулся и спокойно улегся. Тутъ мнѣ представилось мое семейство, соединеніе съ которымъ я дѣлалъ невозможнымъ и можетъ быть изъ пустого тщеславія. Въ это время Мысловскій по-прежнему посѣщалъ меня ежедневно; мы съ нимъ очень сблизились; онъ мнѣ приносилъ письма отъ моихъ. Подосланный правительствомъ, онъ совершенно перешелъ на нашу сторону. Сначала я рѣшительно не хотѣлъ читать принесенныхъ имъ писемъ, опасаясь, чтобы изъ этого не вышло бѣды для него; но онъ ужасно этимъ обидѣлся и сказалъ мнѣ, что онъ никогда не сочтетъ преступленіемъ служить ближнему, который находится въ такомъ положеніи, какъ я. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ такъ ловко и рѣшительно, что я наконецъ за него успокоился и

черезъ него переписывался со своими. Бывши въ раздумьи—назвать мнѣ или нѣтъ извѣстныхъ мнѣ членовъ Тайнаго Общества, я попросилъ совѣта у Мысловскаго. Можно было подумать, что онъ только и ждалъ этого вопроса. Онъ отвѣчалъ мнѣ и даже нѣсколько торжественно, что я веду себя не совсѣмъ благородно, и тогда какъ всѣ признались, я моимъ упорствомъ могу только замедлить ходъ дѣла въ комитетѣ. На что я могъ ему отвѣтить только: «Такъ и вы, батюшка, тоже противъ меня; я этого не ожидалъ отъ васъ». При этихъ словахъ онъ бросился меня обнимать и сказалъ: «Любезный другъ, поступайте по совѣсти и какъ Богъ вамъ внушитъ».

Я наконецъ отправилъ мои отвѣты, не назвавши никого; но я самъ чувствовалъ, что прежнее намѣреніе мое не называть никого слабѣло съ каждымъ часомъ. Тюрьма, желѣза и другого рода истязанья произвели свое дѣйствіе, они развратили меня. Отсюда начался цѣлый рядъ сдѣлокъ съ самимъ собою, цѣлый рядъ придуманныхъ мною же софизмовъ. Я старался себя увѣрить, что, назвавши извѣстныхъ мнѣ членовъ Тайнаго Общества, я никому не могу повредить, но многимъ могу быть полезенъ своими показаніями.

Отославши отвѣты, въ которыхъ я никого не назвалъ, на другой день я потребовалъ пера и бумаги и написалъ въ комитетъ, что я наконецъ убѣдился, что, не называя никого, я лишаю себя возможности быть полезнымъ для тѣхъ, которые бы сослались на меня для своего оправданія. Это былъ первый шагъ въ тюремномъ развратѣ.

Разумѣется, я тотчасъ же получилъ вопросные пункты, на которые я такъ долго отказывался отвѣчать. Я назвалъ тѣ лица, которыя самъ комитетъ назвалъ мнѣ, и еще два лица: генерала Пассека, принятаго мною въ Общество, и П. Чаадаева. Первый умеръ въ 1825 году, второй былъ въ это время за границей. Для обоихъ судъ былъ нестрашенъ.

Послѣ этого я оставался долго забытымъ.

Наступилъ Великій постъ; у меня спросили, что я буду ѣсть: постное или скоромное. Я отвѣчалъ, что мнѣ все равно, и меня цѣлый постъ кормили щами со снятками. Мысловскій по-прежнему навѣщалъ меня, но никогда не заводилъ со мной религіознаго разговора. Однажды мнѣ случилось сказать ему почему-то, что правительство наше не требуетъ ни отъ кого православнаго исповѣданія. Мысловскій отвѣчалъ, что правительство дѣйствительно ничего не требуетъ, но что многихъ людей, которые были крещены въ православной вѣрѣ и которые оказались впослѣдствіи неправославными, ссылали въ Соловки или въ другіе монастыри на заключеніе.

Этими словами Мысловскій отворилъ мнѣ еще одинъ выходъ къ соблазну. Я началъ разсуждать очень основательно, что ежели правительство требуетъ отъ православныхъ, чтобы они всегда оставались православными, то, слѣдовательно, оно требуетъ только одного соблюденія обрядовъ. На шестой недѣлѣ поста я прямо сказалъ Мысловскому, что я желаю исповѣдаться и причаститься. —«Любезный другъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ,— я самъ давно хотѣлъ предложить вамъ это, но, зная васъ, никакъ не смѣлъ».—Было положено, что онъ придетъ ко мнѣ въ Вербное воскресенье съ дарами, и въ самомъ дѣлѣ въ этотъ день онъ явился ко мнѣ въ эпитрахили. Онъ хотѣлъ было начать формальностью, но я прямо сказалъ, что онъ знаетъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Послѣ этого онъ только спросилъ у меня, вѣрю ли я Богу. Я отвѣчалъ утвердительно. Онъ пробормоталъ про себя какую-то молитву и причастилъ меня.

Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ день былъ для казанскаго протопопа днемъ великаго торжества. Въ моемъ казематѣ онъ велъ себя какъ самый простой, очень неглупый и весьма добрый человѣкъ, но зато внѣ стѣнъ крѣпости онъ велъ свои дѣла не совсѣмъ для себя безвыгодно. Онъ не могъ удержаться отъ искушенія и разсказалъ всѣмъ, что онъ обратилъ въ христіанство самаго упорнаго безбожника.

Въ Вербное воскресенье вечеромъ, когда я уже началъ засыпать, часовъ въ 10, взошелъ ко мнѣ обыкновеннымъ порядкомъ плацъ-майоръ Подушкинъ; онъ развернулъ бумагу и прочелъ при всѣхъ присутствующихъ, что государь императоръ приказалъ снять съ меня оковы. Съ меня сняли ножныя кандалы, послѣ чего Подушкинъ объявилъ, что ручныя останутся на мнѣ. Первое время мнѣ было неловко безъ ножныхъ оковъ; я былъ обезсиленъ долгимъ содержаніемъ, и наручники иногда совершенно перевѣшивали меня впередъ. Въ Свѣтлое воскресенье вечеромъ, также въ 10 часовъ, посѣщеніе Подушкина повторилось, и онъ опять по-прежнему произнесъ, что императоръ повелѣлъ снять съ меня наручники. Послѣ этого цѣлый мѣсяцъ меня не тревожили, время тянулось съ страшною медленностью, но не безъ радостныхъ минутъ. Когда я жилъ въ Москвѣ, теща моя Н. Н. Шереметева требовала отъ меня, чтобы я каждое воскресенье обѣдалъ у ея брата, И. Н. Тютчева, отца Ѳ. И. Тютчева и Д. И., вышедши за Сушкова. За этими обѣдами я проводилъ самыя скучныя минуты въ моей жизни, но отказаться отъ нихъ было невозможно: это было бы ужасное огорченье для Н. Н. Шереметевой. Когда въ воскресенье солдатъ приносилъ мнѣ крѣпостныхъ щей, я всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ, что не пойду обѣдать къ Тютчевымъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ я неожиданно получилъ новый вопросъ изъ комитета о томъ, въ чемъ состоялъ разговоръ полковника Митькова съ Мухановымъ по полученіи извѣстія о 14 декабря. Я совершенно пропалъ. Въ этомъ разговорѣ Мухановъ предлагалъ ѣхать въ Петербургъ и убить императора. Сказать, что я не былъ при этомъ разговорѣ, было невозможно. Мнѣ бы могли доказать, что я лгу, и потомъ можетъ-быть не повѣрили бы, если-бъ я сказалъ что-нибудь въ пользу Муханова. Я видѣлъ Муханова только одинъ разъ у Михайлы Орлова, онъ вызвался и у него убить импера-

тора. Услышавъ этотъ вызовъ, М. Орловъ взялъ его за ухо и поцѣловалъ за такое намѣреніе въ лобъ. Потомъ Орловъ просилъ меня отвезти Муханова къ Митькову.

Мнѣ показалась одна возможность спасти Муханова: описать мое свиданіе съ нимъ у Орлова и Митькова, не показывая, разумѣется, что Орловъ цѣловалъ его, но описать то, что по словамъ Муханова я былъ увѣренъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ Тайному Обществу, и потому въ моихъ показаніяхъ не назвалъ его, что многорѣчивый вызовъ его отправиться въ Петербургъ всѣ присутствующіе выслушали какъ пустую болтовню, и на нее никто не обратилъ вниманія. Отправивъ такой отзывъ въ комитетъ, я нисколько не успокоился, а чувствовалъ, что я былъ, хотя и невинной, причиной, можетъ быть, совершенной гибели Муханова. Положеніе мое было ужасное, это были минуты самыя тяжелыя изъ всѣхъ лѣтъ моего заточенія. Я рѣшился написать къ императору и разсказать въ письмѣ все, что уже отвѣчалъ въ комитетѣ, и объяснить ему какимъ образомъ Мухановъ черезъ меня попалъ къ Митькову. Я просилъ наложить на меня какое угодно наказаніе, но избавить Муханова отъ отвѣтственности въ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ одной болтовней *)

На другой день меня повезли въ комитетъ. За краснымъ столомъ сидѣлъ одинъ Чернышевъ. Онъ торжественно прочелъ мнѣ мое показаніе, написанное не моею рукою, и въ которомъ еще больше было сказано въ пользу Михайлы Орлова, чѣмъ сколько сказалъ я. Онъ спросилъ меня потомъ, готовъ ли я подтвердить мое показаніе. Я отвѣчалъ, что подтверждаю его.

— Ваша священная обязанность всегда говорить истину,—сказалъ онъ.

Послѣ этого меня вывели въ другую комнату, изъ которой я слышалъ разговоръ Чернышева съ Мухановымъ.

*) Не могу навѣрное утверждать, что это письмо имѣло хорошее послѣдствіе для Муханова. Но наказаніе для него, можетъ быть и независимо отъ моего письма, было значительно смягчено.

Это была страшная для меня минута. Я ожидалъ, какъ пытки, очной ставки съ Мухановымъ и вздохнулъ свободно только тогда, когда по прочтеніи моего показанія Мухановъ сказалъ: «Я не запираюсь, что я говорилъ вздоръ, но намѣренія совершить преступленье я никогда не имѣлъ».

Меня отвели въ равелинъ и съ этихъ поръ меня не тревожили до окончанія слѣдствія.

Когда слѣдственная комиссія поднесла свое донесеніе императору, все дѣло поступило въ верховный уголовный судъ.

Во время суда мнѣ дозволены были свиданія съ Н. Н. Шереметевой, а потомъ съ женою и сыновьями. Съ наступленіемъ лѣта всѣхъ содержащихся въ равелинѣ поочередно пускали гулять въ маленькій трехугольный садикъ, находящійся внутри равелина. Въ этомъ саду есть могила. Здѣсь, по крѣпостному преданію, похоронена княжна Тараканова, дочь императрицы Елизаветы Петровны и Разумовскаго, предательски увезенная графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ изъ Италіи. По прибытіи въ Россію княжна Тараканова была посажена въ равелинъ; она утонула въ казематѣ во время наводненія, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ.

Въ началѣ іюля меня повели въ домъ коменданта. Я уже зналъ черезъ Мысловскаго, что насъ позовутъ въ верховный уголовный судъ для свидѣтельства всѣхъ нашихъ показаній. Меня привели въ небольшую комнату, гдѣ за столомъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ бывшій министръ в. д., князь Ал. Бор. Куракинъ; направо и налѣво отъ него сидѣло еще человѣкъ 6 членовъ суда. Бенкендорфъ присутствовалъ какъ депутатъ отъ комитета.

Сенаторъ Барановъ очень вѣжливо предложилъ пересмотрѣть лежащія передъ нимъ бумаги и спросилъ, мои ли это показанія. Прочесть всѣ эти бумаги было невозможно въ короткое время, да и къ тому же я

очень понималъ, что меня не затѣмъ призвали, потому что 121 подсудимыхъ должны были въ одни или не болѣе какъ въ двое сутокъ повѣрить всѣ свои показанія и бумаги. Я перелистывалъ кое какъ бумаги, которыхъ Барановъ даже не выпускалъ во все время изъ рукъ, и видѣлъ на иныхъ листахъ свой подчеркъ, на другихъ—подчеркъ мнѣ совершенно незнакомый. Барановъ предложилъ мнѣ что-то подписать, и я подписалъ его листокъ, не читая. Въ этомъ случаѣ верховный уголовный судъ хотѣлъ сохранить ежели не самую форму, требуемую въ судебныхъ мѣстахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть тѣнь этой формы.

12 іюля, часу въ 1-мъ, меня опять повели въ домъ коменданта, и на этотъ разъ я очень былъ удивленъ, когда Трусовъ, приведя меня въ одну проходную комнату, исчезъ, и я очутился съ глазу на глазъ съ Никитой и Матвѣемъ Муравьевыми и Волконскимъ. Тутъ было еще два лица, мнѣ незнакомыя. Одно въ адъютантскомъ мундирѣ—это былъ Александръ Бестужевъ (Марлинскій); другое въ самомъ смѣшномъ нарядѣ, какой только можно себѣ представить,—это былъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ (издатель *Мнемозины*). Онъ былъ въ той же одеждѣ, въ которой его взяли при входѣ въ Варшаву,—въ изорванномъ тулупѣ и теплыхъ сапогахъ. Свиданіе съ Муравьевыми и, въ особенности, разговоръ съ Никитой были для меня истиннымъ наслажденіемъ. Матвѣй былъ мраченъ; онъ предчувствовалъ, что ожидало его брата. Кромѣ Матвѣя, никто не былъ мраченъ. О себѣ я не могъ судить—похудѣлъ ли я во время шестимѣсячнаго заключенія, но я былъ истинно пораженъ худобой не только присутствующихъ товарищей, но и всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ проводили черезъ нашу комнату. Вскорѣ явился Мысловскій, отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: «Вы услышите о смертномъ приговорѣ—не вѣрьте, чтобы совершилась казнь».

Нѣкоторое время мы оставались вшестеромъ въ на-

шей комнатѣ; потомъ Трусовъ провелъ насъ черезъ рядъ пустыхъ комнатъ, и мы прошли въ верховный уголовный судъ.

Митрополиты, архіереи, члены государственнаго совѣта и генералы сидѣли за краснымъ столомъ; за ними стоялъ сенатъ. Всѣ были обращены лицомъ къ подсудимымъ. Насъ шестерыхъ выстроили гуськомъ. Министръ юстиціи князь Лобановъ очень хлопоталъ, чтобы все происходило надлежащимъ образомъ.

Передъ столомъ стоялъ пюпитръ на одной ножкѣ; на немъ лежали бумаги.

Оберъ-секретарь, пресмѣшной наружности, первоначально сдѣлалъ намъ перекличку, и когда Кюхельбекеръ не скоро откликнулся на свое имя, то Лобановъ закричалъ повелительнымъ голосомъ: «Да отвѣчайте же, да отвѣчайте жъ!» Потомъ началось чтеніе приговора. Когда прочли мое имя въ числѣ приговоренныхъ къ смертной казни, мнѣ показалось это только смѣшнымъ фарсомъ—и въ самомъ дѣлѣ, намъ всѣмъ шестерымъ смертная казнь была замѣнена ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Послѣ этого меня отвели опять въ 1-й нумеръ равелина. Священникъ обѣщался зайти ко мнѣ и не зашелъ. Едва успѣли меня раздѣть, какъ явился крѣпостной докторъ — съ вопросомъ о моемъ здоровьѣ. Я сказалъ, что у меня немного зубъ болитъ; онъ удивился и ушелъ. Его посылали ко всѣмъ бывшимъ въ судѣ, чтобы подать помощь тѣмъ, которые занемогли, выслушавъ приговоръ.

Ужинъ подали немного ранѣе обыкновеннаго, и я тотчасъ же крѣпко заснулъ. Въ полночь меня разбудили, принесли платье, одѣли меня и вывели на мостъ, который идетъ отъ равелина къ крѣпости. Здѣсь я встрѣтилъ опять Никиту Муравьева и еще нѣсколькихъ знакомыхъ. Всѣхъ насъ повели въ крѣпость; изо всѣхъ концовъ, изо всѣхъ казематовъ вели приговоренныхъ. Когда всѣ собрались—насъ повели подъ конвоемъ отряда Павловскаго полка черезъ крѣпость въ Петровскія

ворота. Вышедши изъ крѣпости, мы увидѣли влѣво что-то странное и въ эту минуту никому не показавшееся похожимъ на висѣлицу. Это былъ помостъ, надъ которымъ возвышалось два столба; на столбахъ лежала перекладина, а на ней висѣли веревки. Я помню, что когда мы проходили, то за одну изъ этихъ веревокъ схватился и повисъ какой-то человѣкъ; но слова Мысловскаго увѣрили меня, что смертной казни не будетъ. Большая часть изъ насъ была въ той же увѣренности.

На кронверкѣ стояло нѣсколько десятковъ лицъ— большею частью это были лица, принадлежавшія къ иностраннымъ посольствамъ; они были, говорятъ, удивлены, что люди, которые черезъ полчаса будутъ лишены всего, чѣмъ обыкновенно такъ дорожатъ въ жизни, шли безъ малѣйшаго раздумья, съ торжествомъ и весело говоря между собою. Передъ воротами всѣхъ насъ (кромѣ носившихъ гвардейскіе и флотскіе мундиры) выстроили покоемъ спиной къ крѣпости, прочли общую сентенцію; военнымъ велѣли снять мундиры и поставили насъ на колѣни. Я стоялъ на правомъ флангѣ, и съ меня началась экзекуція. Шпага, которую должны были переломить надо мной, была плохо подпилена; фурлейтъ ударилъ меня ею со всего маху по головѣ, но она не переломилась: я упалъ. «Ежели ты повторишь еще разъ такой ударъ,—сказалъ я фурлейту,— такъ ты убьешь меня до смерти». Въ эту минуту я взглянулъ на Кутузова, который былъ на лошади въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и видѣлъ, что онъ смѣялся.

Всѣ военные мундиры и ордена были отнесены шаговъ на 100 впередъ и были брошены въ разведенные для этого костры.

Экзекуція кончилась такъ рано, что ее никто не видалъ; вообще, передъ крѣпостью не было народа. Послѣ экзекуціи насъ отвели опять въ крѣпость и меня опять въ 1-й нумеръ равелина. Ефрейторъ, который принесъ мнѣ обѣдать, былъ необыкновенно блѣденъ и шепнулъ мнѣ, что за крѣпостью совершился ужасъ,

что пятерыхъ изъ нашихъ повѣсили. Я улыбнулся, нисколько ему не вѣря, но ожидалъ Мысловскаго съ нетерпѣніемъ. Наконецъ вечеромъ онъ взошелъ ко мнѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Я бросился къ нему и спросилъ: правда ли, что была смертная казнь?—Онъ хотѣлъ было отвѣчать мнѣ шуткою, но я сказалъ, что теперь не время шутить. Тогда онъ сѣлъ на стулъ, судоржно сжалъ сосудъ зубами и зарыдалъ. Онъ разсказалъ мнѣ все печальное происшествіе.

Послѣ приговора Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Михайло Бестужевъ и Каховскій были отведены въ особые казематы. Сестра Сергѣя Муравьева Кат. Ив. Бибикова, узнавши, что братъ ея приговоренъ къ смертной казни, поскакала въ Царское Село и просила черезъ Дибича о дозволеніи имѣть свиданіе съ братомъ. Ей позволено увидѣться съ нимъ на одинъ часъ. Свиданіе ихъ происходило въ домѣ коменданта Сукина и въ его присутствіи. Сергѣй Муравьевъ былъ очень покоенъ и просилъ сестру не оставлять попеченіями ихъ брата Матвѣя. Разлука ихъ навсегда, по словамъ самого Сукина, была ужасна. Когда Сергѣй Муравьевъ возвратился въ казематъ, къ нему вошелъ съ печальнымъ видомъ плацъ-маіоръ Подушкинъ. Сергѣй Муравьевъ предупредилъ его: «Вы, конечно, пришли надѣть на меня оковы». Подушкинъ позвалъ людей; на ноги ему надѣли желѣза. То же было сдѣлано и съ 4-мя товарищами Сергѣя Муравьева. Всѣ смотрѣли совершенно покойно на приготовленіе казни, кромѣ Михайлы Бестужева: онъ былъ очень молодъ, и ему не хотѣлось умирать. Ночью пришелъ къ нимъ священникъ Мысловскій съ дарами. Кромѣ Пестеля, который былъ лютераниномъ, всѣ они причастились.—Когда послѣ экзекуціи насъ ввели въ казематы—ихъ вывели передъ соборъ. Былъ 2-й часъ ночи. Бестужевъ насилу могъ идти, и священникъ Мысловскій велъ его подъ руку. Сергѣй Муравьевъ, увидя его, просилъ у него прощенья въ томъ, что погубилъ его.—Когда ихъ при-

вели къ висѣлицѣ, Сергѣй Муравьевъ, просилъ позволенья помолиться: онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: „Боже, спаси Россію и царя"! Для многихъ такая молитва казалась непонятною, но Сергѣй Муравьевъ былъ съ глубокими христіанскими убѣжденіями и молилъ за царя, какъ молилъ Іисусъ на крестѣ за враговъ своихъ. Потомъ священникъ подошелъ къ каждому изъ нихъ съ крестомъ. Пестель сказалъ ему: „Я хоть не православный, но прошу васъ благословить меня въ дальній путь". Прощаясь въ послѣдній разъ, они всѣ пожали другъ другу руки. На нихъ надѣли бѣлыя рубашки, колпаки на лицо и завязали имъ руки. Сергѣй Муравьевъ и Пестель нашли и послѣ этого возможность еще разъ пожать другъ-другу руку. Наконецъ ихъ поставили на помостъ и каждому накинули петлю. Въ это время священникъ, сошедши по ступенямъ съ помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ висѣвшихъ Бестужева и Пестеля и троихъ, которые оборвались и упали на помостъ. Сергѣй Муравьевъ жестоко разбился; онъ переломилъ ногу и могъ только выговорить: „Бѣдная Россія! и повѣсить-то порядочно у насъ не умѣютъ!" Каховскій выругался по-русски. Рылѣевъ не сказалъ ни слова. Неудача казни произошла оттого, что за полчаса передъ тѣмъ шелъ небольшой дождь, веревки намокли, палачъ не притянулъ довольно петлю, и когда онъ опустилъ доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули съ ихъ шеи. Генералъ Чернышевъ, бывшій распорядителемъ казни, не потерялъ голову; онъ велѣлъ тотчасъ же поднять трехъ упавшихъ и вновь ихъ повѣсить. Казненные оставались недолго на висѣлицѣ; ихъ сняли и отнесли въ какой-то погребъ, куда едва пропустили Мысловскаго; онъ непремѣнно хотѣлъ прочесть надъ ними молитвы.

Еще нѣсколько словъ о Мысловскомъ. 15-го іюля на Петровской площади былъ назначенъ парадъ и очистительное молебствіе, которое долженъ былъ отслу-

жить митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ. Протоіерей Мысловскій отпустилъ образъ Казанской Божіей Матери на молебствіе съ другимъ священникомъ, а самъ въ то же время надѣлъ черную ризу и отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду по пяти усопшимъ. Бибикова зашла помолиться въ Казанскій соборъ и удивилась, увидавъ Мысловскаго въ черномъ облаченіи и услышавъ имена Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія.

III.

Дней черезъ десять послѣ казни изъ равелина перемѣстили всѣхъ въ крѣпость и меня перевели въ Невскую куртину.

Я неохотно разстался съ моимъ первымъ нумеромъ: тутъ конечно были минуты весьма тяжкія, но бывали и минуты, въ которыя обливало такимъ свѣтомъ, что внутренно все приходило въ порядокъ и стройность.— Въ первое время заключенія чувствуешь что то тяготѣющее надъ тобой, похожее на fatum древнихъ, чувствуешь свою ничтожность передъ этой могучей неизбѣжностью, но мало-по-малу возникаютъ внутреннія силы, начинаешь дышать свободнѣе и по временамъ забываешь и темницу, и затворы.—Полное и продолжительное уединеніе, подобно животному магнетизму, отрѣшая насъ на-время отъ внѣшнихъ впечатлѣній, сосредоточиваетъ все наше вниманіе на предметъ, на который въ эту минуту мы обращаемъ вниманіе. Сколько вопросовъ, задаваемыхъ мной себѣ на свободѣ, оставались для меня недоступными прежде, разрѣшались, и иногда совсѣмъ неожиданно, во время моего пребыванія въ равелинѣ! Бесѣда съ самимъ собой, особенно въ послѣднее время моего тутъ заключенія, рѣдко кѣмъ или чѣмъ нарушалась. Я сжился съ моимъ первымъ нумеромъ, и гнилыя пятна на его стѣнахъ, оставшіяся послѣ наводненія 1824 года, были для меня не пятна, а представляли собой разнаго рода изображенія.

Нумеръ, въ который меня перемѣстили, былъ на

И. Д. Якушкинъ.

(Съ портрета работы Мазера 1851 г.).

Неву. Тутъ образъ моего существованія совсѣмъ измѣнился: вмѣсто глубокой тишины, къ которой я привыкъ въ равелинѣ, я слышалъ почти безпрестанное движеніе въ коридорѣ, говоръ и возгласы въ нумерахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого только бревенчатой перегородкой. При появленіи плацъ-маіора Подушкина все затихло на короткое время.—Сидя цѣлый день у раскрытаго окна, я предавался наслажденію дышать чистымъ воздухомъ и любовался рѣкой, покрытой челноками, снующими отъ одного берега къ другому берегу. Пріятныя эти внѣшнія ощущенія не допускали меня предаваться надолго какой-нибудь мысли или какому-нибудь чувству,—и въ это время я жилъ до такой степени животной жизнью, что поглощалъ безъ остатка дурныя щи и жесткую говядину, которую приносили мнѣ къ обѣду и къ ужину; зато такъ пополнѣлъ въ нѣсколько дней моего тутъ пребыванія, что при первомъ свиданіи съ моими они не могли на меня налюбоваться.

По совершеніи казни тѣмъ изъ насъ, которые оставались въ крѣпости, дозволены были, одинъ разъ въ недѣлю, свиданія съ близкими родственниками. Каждый разъ свиданіе продолжалось два часа, въ присутствіи плацъ-адъютанта, причемъ запрещалось говорить иначе какъ по русски. Подъ предлогомъ свиданія первое время пріѣзжали родственники и неродственники, и всякій день крѣпость была наполнена экипажами.

Я недолго остался въ нумерѣ съ открытымъ окномъ на Неву. Неосторожность одного изъ моихъ сосѣдей, пустившагося въ громкій разговоръ съ своей женой, подъѣхавшей на яликѣ къ самой крѣпости, была причиной, что изъ нумеровъ съ окнами на Неву перемѣстили насъ въ нумера, въ которыхъ окна были обращены къ собору. Петръ Николаевичъ Мысловскій, нашъ духовникъ, посѣщалъ меня почти ежедневно съ такимъ же участіемъ, какъ и прежде. Онъ мнѣ признался, что, зная строгій надзоръ въ равелинѣ, ему тамъ

бывало не совсѣмъ ловко, но что въ самой крѣпости онъ былъ какъ дома. Въ новомъ нумерѣ, по вызову моего сосѣда, я взошелъ съ нимъ въ сношеніе, и оно было тѣмъ болѣе удобно, что стѣна, насъ раздѣлявшая, не препятствовала изустному разговору. Сосѣдъ мой былъ Сутгофъ, одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ 14-го. Прежде я не былъ съ нимъ знакомъ, но обстоятельства, въ которыхъ мы находились, тотчасъ насъ сблизили. Онъ, разсказавши мнѣ дѣло свое въ комитетѣ, требовалъ отъ меня такой же откровенности. Черезъ нѣсколько дней онъ отправленъ былъ въ Финляндію, и его замѣнилъ Александръ Муравьевъ, братъ Никиты. Этому юношѣ было не болѣе 20 лѣтъ, и я зналъ его прежде, когда онъ былъ еще почти ребенкомъ. Приговоренный на 12 лѣтъ въ работу, онъ утѣшалъ себя тѣмъ только, что раздѣлитъ участь брата и будетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Передъ обѣдомъ, 5 августа, зашелъ ко мнѣ священникъ съ извѣстіемъ, что я въ ту же ночь буду отправленъ въ Финляндію, и что онъ вмѣстѣ съ моими выѣдетъ проститься со мной на первую станцію. Передъ сумерками пришелъ плацъ-адъютантъ Трусовъ съ приказаніемъ изготовиться къ отъѣзду; а потомъ, когда совсѣмъ смерклось, онъ опять явился въ мой казематъ и, взявши меня съ собой, повелъ въ коменданту. Дорогой онъ давалъ мнѣ разнаго рода наставленія и между прочимъ совѣтовалъ остерегаться фельдъегеря и ни подъ какимъ видомъ не говорить при немъ по-французски, увѣряя меня, что за такой проступокъ фельдъегерь имѣлъ право меня оставить безъ обѣда. При этомъ невольно я вспомнилъ мое дѣтство, когда меня оставляли безъ обѣда за то, что я съ сестрами говорилъ по-русски.

Вскорѣ по приходѣ моемъ къ коменданту прибыли туда и мои спутники: Матвѣй Муравьевъ, Александръ Бестужевъ (Марлинскій), Арбузовъ и Тютчевъ. Съ Муравьевымъ я былъ коротко знакомъ, служа вмѣстѣ въ

Семеновскомъ полку (мы были почти неразлучны во время походовъ 12-го, 13-го и 14-го года); прочихъ я прежде не зналъ. Бестужевъ красовался въ венгеркѣ. Арбузовъ и Тютчевъ были въ куртахъ и шароварахъ изъ толстаго сѣраго сукна. Арбузовъ служилъ лейтенантомъ въ гвардейскомъ экипажѣ, а Тютчевъ изъ Семеновскаго полка въ 12-мъ году былъ переведенъ въ одинъ изъ полковъ 8-й дивизіи и принадлежалъ къ Обществу Славянъ. Оба они не имѣли родственниковъ въ Петербургѣ, и потому, когда ихъ мундиры были сожжены, ихъ снабдили казенной одеждой. Комендантъ Сукинъ объявилъ намъ высочайшее повелѣніе отправить насъ въ Финляндію и совѣтовалъ намъ во время пути вести себя кротко и во всемъ повиноваться фельдъегерю. При прощаньи Бестужевъ произнесъ благодарственную рѣчь коменданту за его поведеніе съ нами, на что комендантъ отвѣчалъ очень сухо, сказавъ, что его благодарить не за что, потому что онъ во всѣхъ случаяхъ относительно насъ не болѣе какъ исполнялъ только строго свою обязанность.

Когда мы вышли отъ коменданта, у подъѣзда стояли уже наши повозки и жандармы. По освѣщеннымъ улицамъ Петербурга мы еще ѣхали довольно скоро; но, проѣхавъ заставу, подвигались очень медленно. Въ это время около Петербурга горѣли лѣса, и днемъ солнце виднѣлось сквозь дымъ, покрывавшій городъ и его окрестности, какъ обгорѣлая головня; ночью же ни зги не было видно, и наши ямщики безпрестанно сбивались съ дороги, часто они шли пѣшкомъ и вели лошадей за поводья. До Парголова мы ѣхали часа три.

Станціонный домъ когда мы подъѣхали къ нему, былъ ярко освѣщенъ и наполненъ гостями. Тутъ были жена моя съ двумя малолѣтними сыновьями, мать ея, протоіерей Мысловскій и П. А. Фонвизинъ, пріѣхавшій со мной проститься. Катерина Ивановна Бибикова была тутъ также; она пріѣхала вмѣстѣ съ теткой Катериной Федоровной Муравьевой проводить брата своего Мат-

вѣя Муравьева.—Мы провели тутъ цѣлую ночь, говоря съ своими о нашихъ дѣлахъ; было положено, что жена моя съ дѣтьми послѣдуетъ за мной въ Сибирь, и матушка собиралась проводить ее. Послѣ всѣхъ тревогъ, нами пережитыхъ, такая будущность намъ улыбалась. Въ это время многіе были увѣрены, что при коронаціи мы будемъ избавлены отъ работъ, и что насъ поселятъ въ Сибири. Поутру я простился съ своими въ увѣренности, что мы скоро опять свидимся. При прощаньи мнѣ хотѣли дать 500 р. денегъ, и фельдъегерь нисколько не затруднился взять ихъ; но я этому воспротивился, опасаясь, чтобы ему не пришлось отвѣчать за меня. При отправленіи изъ Петербурга намъ было сказано, что мы не имѣемъ права имѣть болѣе ста рублей, и я, взявши отъ своихъ только сто рублей, передалъ ихъ фельдъегерю.

Переѣздъ отъ Петербурга до мѣста нашего заключенія былъ для насъ пріятной прогулкой. Послѣ долгаго заточенія мы наслаждались, дыша цѣлый день чистымъ воздухомъ и имѣя передъ глазами нѣсколько дикую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величественную природу Финляндіи. По пріѣздѣ на каждую станцію живой разговоръ между нами имѣлъ также свою увлекательностъ. Тутъ не было ни затворовъ, ни стѣнъ, насъ раздѣляющихъ, ни плацъ-маіора, ни плацъ-адъютанта, которые бы насъ подслушивали. Фельдъегерь нашъ Воробьевъ прекрасно велъ себя съ нами, и когда мы слишкомъ громко говорили между собой по-русски, онъ торжественно произносилъ: парле франсе, мусье,—опасаясь, чтобы насъ не подслушали и не донесли въ Петербургъ. На одной станціи, гдѣ мы обѣдали въ особенной комнатѣ, завязался очень живой разговоръ между мной и Бестужевымъ о нашемъ дѣлѣ; я старался доказать ему, что несостоятельность наша произошла отъ нашего нетерпѣнія, что истинное наше назначеніе состояло въ томъ, чтобы быть основаніемъ великаго зданія, основаніемъ подъ землею, никѣмъ не

замѣченнымъ; но что мы слишкомъ рано захотѣли быть на виду для всѣхъ, захотѣли быть карнизъ. „И потому упали внизъ",—сказалъ нашъ фельдъегерь, стоявшій сзади насъ, и о присутствіи котораго мы совершенно забыли. На это разъ его вмѣшательство было такъ кстати, что мы всѣ расхохотались.

По пріѣздѣ въ Роченсальмъ фельдъегерь сдалъ насъ коменданту полковнику Кульману, послѣ чего черезъ полчаса мы отправились къ берегу въ сопровожденіи коменданта и небольшого отряда солдатъ. Начальникъ этого отряда поручикъ Хоруженко былъ въ полной формѣ; у берега ожидалъ насъ шестивесельный катеръ, на которомъ мы и отправились въ море. Плаваніе наше продолжалось болѣе часа, и наконецъ мы увидали вдали огромную круглую башню, какъ-будто выросшую изъ воды, это была крѣпость „Фортъ-Слава", построенная фельдмаршаломъ Суворовымъ, и въ которой были приготовлены для насъ казематы. Видъ ея былъ мраченъ и не предвѣщалъ ничего добраго. Насъ размѣстили по-одиночкѣ въ казематы и заперли на замокъ. Въ каждомъ казематѣ, съ русскою печью, было два окошка, передъ которыми снаружи были поставлены щиты изъ теса, устроенные нарочно для насъ, по распоряженію инженернаго генерала Оппермана. По стѣнѣ стояла кровать съ соломой, стомъ и нѣсколько стульевъ довершали принадлежность каземата; жилье было и темно и сыро. Первое время насъ строго держали подъ замкомъ и выпускали только на короткое время, и то по-одиночкѣ, гулять по двору. Василій Герасимовичъ Хоруженко; гарнизонный артиллеріи поручикъ, начальствуя надъ отрядомъ, составлявшимъ нашу стражу, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ нашъ непосредственный начальникъ; онъ давалъ намъ это чувствовать всякій разъ, когда приходилъ навѣстить насъ; сперва онъ какъ-будто насъ опасался, но потомъ, убѣдившись, что мы народъ смирный, онъ сдѣлался ручнѣе. Иногда онъ собиралъ насъ всѣхъ вмѣстѣ и пилъ съ нами чай;

тутъ онъ разсказывалъ намъ разныя происшествія своей жизни. Отецъ его, казакъ, былъ сосланъ въ Архангельскъ, по бунту Пугачева, и самъ онъ причисленъ въ кантонисты и обучался въ Отдѣленіи; потомъ онъ поступилъ въ артиллерію. Будучу расторопенъ и довольно красивъ собой, онъ скоро попалъ въ фейерверкеры; самъ графъ Аракчеевъ, какъ утверждалъ онъ, зналъ его лично и произвелъ въ офицеры; при этомъ онъ говорилъ, что дворянство, доставшееся намъ даромъ, разумѣется для насъ нипочемъ, но что онъ цѣнилъ его дорого, потому что онъ добылъ его своей спиной, на которой поломано много палокъ. Онъ этимъ гордился и, можетъ быть, съ большимъ правомъ, нежели тѣ, которые гордятся своимъ выгоднымъ положеніемъ въ свѣтѣ, занимаемымъ ими потому только, что они взяли на себя трудъ родиться. Нами онъ распоряжался по своему произволу: то мы всѣ вмѣстѣ гуляли по двору, то онъ держалъ насъ цѣлый день подъ замкомъ, увѣряя что будто команда на него роптала за его снисходительное обращеніе съ нами. Добывая выгоду для себя изъ пятидесяти копѣекъ на ассигнаціи, отпускаемыхъ ежедневно на наше продовольствіе, кормилъ онъ насъ очень плохо. На несчастье наше тесть его, шкиперъ, подарилъ ему огромный запасъ испорченной солонины, которую съ корабля велѣно было выкинуть. Съ этой солониной варили намъ щи отвратительныя; хлѣбъ, покупаемый въ Роченсальмѣ, былъ также не всегда выпеченъ; а вода въ колодцѣ, устроенномъ посреди крѣпости, когда дулъ западный вѣтеръ, была до такой степени солона, что ее почти невозможно было пить. Вслѣдствіи всего этого вмѣстѣ, у Бестужева и Муравьева появились солитеры еще на Фортѣ-Славѣ, а у Арбузова нѣсколько послѣ. При такомъ содержаніи только мы двое, Тютчевъ и я, уцѣлѣли. Несмотря на то, что Хоруженко позьзовался крохами отъ нашего продовольствія и тѣшился, распоряжаясь нами по собственному своему хотѣнію, онъ былъ не

дурной человѣкъ. Случалось ли кому нибудь изъ насъ захворать, онъ тотчасъ собиралъ насъ къ больному, и самъ былъ съ нимъ любезенъ, насколько это было для него возможно. Будь на его мѣстѣ какой нибудь аккуратный нѣмецъ, хоть даже добрѣйшій Шиллеръ, тюремщикъ Пеллико, кормилъ бы онъ насъ конечно лучше, не зато, чтобы исполнить въ точности предписаніе начальства, онъ бы ни зачто не выпустилъ насъ изъ-подъ замка, и мы бы съ нимъ пропали.

Когда стало холоднѣе и стали топить печи, оказалось, что онѣ дымились, и послѣ того, что закрывали трубу, въ комнатѣ былъ несносный угаръ, и потому держать насъ цѣлый день подъ замкомъ не приходилось. Однажды ночью часовой услышалъ въ комнатѣ Бестужева необычайный шумъ, и, вѣря, что Бестужевъ былъ въ сношеніи съ нечистой силой, онъ въ испугѣ побѣжалъ и далъ знать унтеръ-офицеру о томъ, что на его часахъ не совсѣмъ ладно. Унтеръ-офицеръ въ свою очередь, донесъ объ этомъ офицеру офицеръ съ командой подступилъ въ казамату, въ которомъ былъ слышенъ шумъ. Нѣкоторое время никто не рѣшался отворить дверь; когда ее отворили, то увидали Бестужева, лежавшаго на полу безъ чувствъ: онъ угорѣлъ. Послѣ этого происшествія насъ почти никогда не запирали днемъ. Книгъ у насъ было очень мало. Муравьевъ привезъ съ собой французскую библію и Саллюстія съ французскимъ переводомъ; я имѣлъ возможность захватить съ собой только Монтеня, но къ счастью у Бестужева было два тома старинныхъ англійскихъ журналовъ, одинъ томъ Ромблера и одинъ томъ Гертнера. При помощи Бестужева Муравьевъ и я, мы стали учиться по-англійски. Библіотека нашего офицера состояла изъ одной части Четьи-минеи и „Мальчика у ручья"; онъ рѣшился дать намъ прочесть и то и другое, но никакъ не рѣшался добывать намъ книгъ изъ Роченсальма; а вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно для насъ неожиданно передалъ намъ тетрадку, писанную

прекраснымъ французскимъ почеркомъ, заключавшую въ себѣ послѣднюю часть „Чаильдъ-Гарольда". Тетрадку эту принесли намъ двѣ дамы, жившія въ Роченсальмѣ, г-жа Чебышева и сестра ея; такой поступокъ съ ихъ стороны глубоко насъ тронулъ, и мы вполнѣ его оцѣнили. Въ этомъ случаѣ только женщины, и женщины исполненныя истиннаго чувства, могли понять наше положеніе и найти возможность изъявить такъ прекрасно участіе, которое они принимали въ насъ.

Къ концу года запасы наши, чаю, сахару и табаку, истощились; денегъ отъ ста рублей оставалась у меня немного, да и тѣ надо было беречь на мытье бѣлья и другія необходимыя издержки. Въ это время насъ стали иногда запирать; въ крѣпости замѣтно было особенное движеніе, и офицеръ, собирая ежедневно команду, училъ ее. Мы узнали, что скоро ожидаютъ генералъ-губернатора Финляндіи Закревскаго. Недѣли за двѣ до новаго года онъ навѣстилъ насъ. Муравьеву онъ доставилъ самъ посылку отъ сестры его Бибиковой, Бестужеву привезъ отъ себя чаю, сахару и табаку, надо полагать, въ знакъ благодарности за „Полярную звѣзду", которую ему присылали Рылѣевъ и Бестужевъ, и мнѣ онъ самъ вручилъ медвѣжьи сапоги отъ моей тещи и, вообще со всѣми съ нами былъ очень любезенъ. Я узналъ только послѣ, что эти сапоги были мнѣ присланы какъ намекъ на то, что мы не останемся долго въ Фортѣ-Славѣ; а между тѣмъ мы остались тутъ еще почти одинадцать мѣсяцевъ послѣ того, что посѣтилъ насъ Закревскій въ первый разъ. Посѣщеніе его было для насъ во многихъ отношеніяхъ на пользу; видя его къ намъ вниманіе, и офицеръ нашъ и комендантъ Кульманъ стали къ намъ также нѣсколько внимательнѣе. Комендантъ былъ человѣкъ не злой, но совершенно ничтожный; по необходимости посѣщая насъ разъ или два въ мѣсяцъ, онъ не входилъ въ разсмотрѣніе того, какъ насъ содер-

жатъ, и такъ какъ мы иногда ему ни на что не жаловались, то онъ оставался нами доволенъ.

Въ посылкѣ, привезенной Закревскимъ Муравьеву, былъ курсъ Ларуа, и я пристально принялся за математику. За недостаткомъ книгъ и другихъ занятій, наука эта имѣла для меня прелесть casse-tête chinois *). Я занимался ею страшно. При этомъ занятіи главное неудобство состояло въ томъ, что у меня не было грифельной доски, и хотя я сохранилъ при себѣ карандашъ, но бумагу достать было очень трудно. Бестужевъ въ это время пытался писать на клочкахъ бумаги повѣсть въ стихахъ изъ временъ весьма древнихъ русской исторіи, „Андрей Переяславскій". Археологическія его познанія были необширны, слогъ его былъ вялъ, и повѣсть вообще не удалась. За критику его скороспѣлаго произведенія онъ не сердился, но впрочемъ защищалъ его усердно; вообще онъ былъ предобрый малый. Замѣчая, что Тютчевъ грустить, онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы развеселить его, и, не имѣя съ нимъ ничего почти общаго, онъ проводилъ съ меланхоликомъ по цѣлымъ днямъ глазъ на глазъ, уговоривъ офицера запирать ихъ двоихъ вмѣстѣ. Съ Арбузовымъ, котораго нравъ былъ нѣсколько крутъ, онъ умѣлъ также ладить, и вообще мы всѣ любили его. Въ нашемъ кругу онъ былъ очень простъ и пріятенъ, но съ офицеромъ, на котораго желалъ произвести впечатлѣніе, онъ по-временамъ становился на ходули и выкидывалъ передъ нимъ разнаго рода колѣнца. Муравьевъ и я, мы за это называли его mauvais genre; онъ и тутъ на насъ не сердился. Бывали съ нимъ мрачныя минуты, въ которыя онъ былъ увѣренъ, что мы никогда не съѣдемъ съ Форта-Славы, и что если бы мы даже и возвратились на свободу, то наше положеніе было бы незавидно, по той причинѣ, что на насъ всѣ смотрѣли бы съ не выгодной стороны; а я ему въ утѣшеніе говорилъ напротивъ, что мы долго не останемся на Фортѣ-

*) Китайская головоломная игра.

Славѣ, и что если бы мы когда нибудь возвратились на свободу, то намъ надо опасаться, чтобы на насъ не смотрѣли лучше, нежели мы того стоимъ. Не знаю, вспомнилъ ли онъ мое предсказаніе на Кавказѣ, когда его литературныя произведенія имѣли такой огромный успѣхъ, и которымъ онъ частью, конечно, былъ обязанъ положенію, въ которомъ находился.

Лѣтомъ въ 1827 году насъ опять посѣтилъ г-лъ Закревскій и поручилъ нашему офицеру узнать, не желаемъ ли мы остаться въ крѣпости на весь срокъ работы, къ которой мы были приговорены; никто изъ насъ не подумалъ воспользоваться такимъ предложеніемъ. Мы не знали, что ожидало насъ въ Сибири, но мы испытали всю горечь заключенія, и неизвѣстность въ будущемъ насъ нисколько не устрашала. Скоро послѣ посѣщенія Закревскаго Хоруженко былъ смѣненъ и получилъ другое назначеніе. Новый нашъ начальникъ былъ добрый простой человѣкъ и нисколько не умничалъ съ нами, онъ переѣхалъ на Фортъ-Славу съ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и не совсѣмъ взрослой дочери. При появленіи этой дѣвочки Бестужевъ, Арбузовъ и Тютчевъ выщипали себѣ, бороды, которыхъ намъ не брили. Бестужевъ въ этомъ случаѣ производился необыкновеннымъ образомъ и украсилъ себѣ голову краснымъ шарфомъ въ видѣ чалмы.

Послѣ 7-го октября прошелъ слухъ, что при рожденіи великаго князя Константина Николаевича насъ всѣхъ избавили отъ работы; слухъ этотъ былъ справедливъ только относительно Бестужева и Муравьева. Въ концѣ октября ихъ обоихъ увезли отъ насъ, сперва Бестужева, а черезъ недѣлю послѣ него и Муравьева. Проѣзжая черезъ Петербургъ, Бестужевъ имѣлъ свиданіе съ генераломъ Дибичемъ, который ему объявилъ, что онъ и другой его товарищъ, съ которымъ онъ отправился въ Сибирь, освобождены отъ работъ, и что ему даже позволено писать и печатать, съ условіемъ только не писать никакого вздору.

Наконецъ наступила наша очередь. Въ началѣ ноября, въ одинъ прекрасный вечеръ, насъ перевезли съ Форта-Славы въ Роченсальмъ, и когда мы прибыли туда, передъ комендантскимъ домомъ стояли двухъ-конныя телѣжки, жандармы и фельдъегерь. Комендантъ Кульманъ принялъ насъ очень учтиво и со слезами на глазахъ прочелъ намъ высочайшее повѣленіе: заковать насъ и отправить въ Сибирь; послѣ чего намъ надѣли на ноги желѣза, впрочемъ далеко не такія тяжелыя, какъ тѣ, которыя были на мнѣ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Фельдегерь нашъ Миллеръ сѣлъ со мной въ телѣжку и сообщилъ мнѣ пріятную вѣсть, что въ Ярославлѣ я увижусъ съ моими. Выѣзжая изъ Роченсальма, мы увидали двухъ дамъ, въ черной одеждѣ, которыя издали благословляли насъ въ дальній путь; я полагаю, что это были тѣ же добрыя двѣ души, которыя умѣли оказать намъ участіе, когда мы сидѣли въ Фортѣ-Славѣ.

Петербургъ мы проѣхали ночью. Въ Шлюссельбургѣ фельдъегерь принужденъ былъ остановиться съ нами на нѣсколько часовъ, потому что Арбузова такъ растрясло, что онъ едва могъ стоять на ногахъ. За одинъ переѣздъ до Ладоги, въ станціонномъ домѣ, насъ встрѣтили два барина; одинъ изъ нихъ былъ въ мундирномъ сюртукѣ, и фельдъегерь, принявши его за исправника, помѣстилъ насъ въ особенную комнату и къ дверямъ приставилъ жандарма; другой баринъ, оказалось, былъ родной братъ нашего Арбузова. Добрый Миллеръ склонился на наши просьбы и позволилъ свиданіе двумъ братьямъ; трогательно было видѣть взаимную ихъ нѣжность при этомъ свиданіи.

Помѣщикъ Арбузовъ привезъ съ собой пирожковъ, жареной дичи и нѣсколько бутылокъ вина. Послѣ обѣда онъ продолжалъ нѣжничать съ братомъ; но нѣжность его не опредѣлялась ничѣмъ существеннымъ, и я рѣшился, взявши его въ сторону, спросить его, привезъ ли онъ денегъ брату; онъ мнѣ отвѣчалъ, что не привезъ ничего, потому что у него не случилось де-

негъ; на это я нерѣшительно сказалъ, что если онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ брата, то долженъ съ нами поѣхать въ Ладогу, занять тамъ тысячи двѣ и снабдить ими своего брата. Онъ сталъ меня увѣрять, что непремѣнно догонитъ насъ въ Ладогѣ, но что прежде ему необходимо повидаться съ женой и посмотрѣть, не найдется ли у нихъ чего нибудь дома. Все это вмѣстѣ показалось мнѣ отвратительно. Этотъ человѣкъ владѣлъ имѣніемъ своего брата послѣ того, что братъ его былъ лишенъ верховнымъ уголовнымъ судомъ всѣхъ правъ и состоянія; онъ зналъ заблаговременно, что братъ его будетъ отправленъ въ Сибирь, и выѣхалъ къ нему на свиданіе съ одними только нѣжными обниманіями и послушной слезой. Въ Ладогу онъ не пріѣхалъ, въ продолженіе десяти лѣтъ не писалъ брату и не посылалъ ему никакого вспомоществованія, но потомъ сталъ писать нѣжныя письма и присылать ему порядочное содержаніе. Въ Ладогѣ мы пробыли часа два или три, поджидая Арбузова; въ это время вошелъ въ нашу комнату человѣкъ очень порядочной наружности. Фельдъегерь хотѣлъ-было не пускать его къ намъ, но вполнѣ смирился передъ нимъ, когда узналъ, что это былъ дѣйств. ст. совѣтн. Римскій-Корсаковъ. Бесѣда съ Корсаковымъ была для насъ очень пріятна и любопытна. Онъ сообщилъ намъ нѣкоторыя извѣстія о томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, и извѣстилъ насъ также о проѣздѣ Муравьева и Бестужева, съ которыми онъ видѣлся и которыхъ снабдилъ деньгами. Проѣхавъ Ладогу, мы не ночевали; фельдъегерь нашъ спѣшилъ убраться, какъ можно скорѣе, подалѣе отъ Петербурга, опасаясь соглядатаевъ и чтобы не донесли о какой-нибудь его неисправности. Онъ имѣлъ строгое предписаніе относительно насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было предписано беречь наше здоровье и кромѣ крайнихъ случаевъ обходиться съ нами учтиво.

11-го ноября мы прибыли въ Ярославль. Фельдъегерь представилъ меня губернатору, который объявилъ мнѣ,

что я имѣю позволеніе видѣться съ моимъ семействомъ. Отъ губернатора мы отправились на свиданіе. Увидавъ на мнѣ цѣпи, жена моя, матушка ея и всѣ съ ними присутствующіе встрѣтили меня со слезами, но я какой-то шуткой успѣлъ прервать ихъ плачевное расположеніе; плакать было некогда, и мы радостно обнялись послѣ долгой и тяжкой разлуки. Тутъ я узналъ, что жена моя съ дѣтьми и матушка ея годъ тому назадъ получили дозволеніе видѣться со мной въ Ярославлѣ, но имъ не было дано знать, когда повезутъ меня. Дежурный г-лъ Потаповъ зналъ всякій разъ, когда требовался фельдъегерь для перемѣщенія насъ изъ крѣпостей въ Сибирь, и всякій разъ извѣщалъ объ этомъ мою тещу; но кого именно повезутъ изъ насъ, онъ и самъ не зналъ. По этой причинѣ семейство нѣсколько разъ пріѣзжало изъ Москвы въ Ярославль; первоначально оно пробыло тутъ мѣсяцъ въ томительномъ ожиданіи меня; потомъ опять жена моя съ дѣтьми, въ сопровожденіи знакомой дамы и короткаго моего пріятеля Михаила Яковлевича Чаадаева, пріѣзжала въ Ярославль, и они въ продолженіе почти мѣсяца напрасно ожидали моего прибытія; наконецъ и въ этотъ послѣдній разъ меня ожидали здѣсь уже три недѣли.

Только что мы вошли въ комнату и усѣлись, пріѣхалъ губернаторъ и сказалъ женѣ моей, что я пробуду въ Ярославлѣ шесть часовъ, послѣ чего онъ былъ такъ любезенъ, что уѣхалъ и оставилъ насъ однихъ. Когда всѣ нѣсколько успокоились, я обратился къ матушкѣ съ вопросомъ, намѣрена ли она проводить жену мою и дѣтей въ Сибирь. Матушка залившись слезами, отвѣчала мнѣ, что на просьбу ея проводить дочь, она получила рѣшительный отказъ. Жена моя, также въ слезахъ, сказала мнѣ, что она сама непремѣнно за мной послѣдуетъ, но что ей не позволяютъ взять дѣтей съ собой. Все это вмѣстѣ такъ неожиданно меня поразило, что нѣсколько минутъ я не могъ выговорить ни слова; но время уходило, и я чувствовалъ, что надо было на

что нибудь рѣшиться. Что намъ вмѣстѣ, женѣ моей и мнѣ, всегда было бы прекрасно, я въ этомъ не могъ сомнѣваться; а также понималъ, что она, оставаясь безъ меня, даже посреди своихъ родныхъ, много ее любящихъ, становилась въ положенiи для нея неловкое и весьма затруднительное; но, съ другой стороны, для малолѣтнихъ нашихъ дѣтей попеченiе матери было необходимо. Къ тому же я былъ убѣжденъ, что, не смотря на молодость жены моей, только она одна могла дать истинное направленiе воспитанiю нашихъ сыновей, какъ я понималъ его, и я рѣшился просить ее ни въ какомъ случаѣ не разлучаться съ ними; она долго сопротивлялась моей просьбѣ, но наконецъ дала мнѣ слово исполнить мое желанiе. Мнѣ стало легче. Часы, назначенные для нашего свиданiя, скоро прошли, и фельдъегерь пришелъ сказать, что все готово къ отъѣзду. Жена моя съ дѣтьми и матушка рѣшили проводить меня до первой станцiи, и фельдъегерь этому не противился. Когда мы пустились въ путь, было уже совершенно темно, холодный ветеръ жестоко завывалъ и льдины неслись по Волгѣ, черезъ которую мы перебрались съ большими затрудненiями. Мы провели вмѣстѣ ночь на станцiи между Ярославлемъ и Костромой. Тутъ я узналъ о смерти моей матери и жена моя передала мнѣ нѣсколько ея писемъ, въ которыхъ она просила меня нисколько не безпокоиться объ ней, увѣряя меня, что ея здоровье несравненно лучше прежняго, и молила Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы нести крестъ мой. Наконецъ наступилъ часъ рѣшительной и вѣчной разлуки; простившись съ женой и дѣтьми, я плакалъ какъ дитя, у котораго отняли послѣднюю и любимую его игрушку.

Въ Костромѣ мы перемѣнили только лошадей и продолжали нашъ путь, проѣзжая въ сутки болѣе ста верстъ. Но въ Вяткѣ съ нами случилось что-то похожее на происшествiе. Около почтоваго дома, въ которомъ мы остановились, собралась большая толпа

народа, и всѣ усилія фельдъегеря разогнать ее остались безуспѣшны. Окончательно онъ велѣлъ запереть ворота, которыя растворились тогда только, когда мы усѣлись въ повозки; тутъ фельдъегерь приказалъ ямщикамъ ударить по лошадямъ, толпа разступилась, и мы быстро промчались мимо ея. Въ Перми мы только пообѣдали. При переѣздѣ черезъ Сылву ледъ подломился подъ моей повозкой, меня вытащили и спасли мой чемоданъ, плававшій въ водѣ; но намъ необходимо было остановиться въ Кунгурѣ, чтобы высушить вещи и книги, которыми я запасся въ Ярославлѣ. Въ Кунгурѣ мы пробыли почти цѣлыя сутки, и тутъ настигъ насъ слѣдовавшій за нами поѣздъ. Пущинъ, Поджіо и Мухановъ, въ сопровожденіи своего фельдъегеря Желдыбина и жандармовъ, прибыли въ Кунгуръ, когда мы укладывали уже вещи. Оба фельдъегеря согласились ѣхать вмѣстѣ. Прежде я не былъ знакомъ лично ни съ Пущинымъ, ни съ Поджіо; но у насъ было столько общаго, что мы встрѣтились, какъ самые близкіе знакомые, и намъ было что разсказать другъ-другу. Пущинъ содержался въ Шлюссельбургѣ, Поджіо въ Кексгольмѣ, а Мухановъ въ Выборгѣ. Въ Шлюссельбургѣ содержаніе заключенныхъ также почти строго, какъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ: никогда они не сообщаются между собой и никогда не выходятъ изъ своихъ казематовъ; зато помѣщеніе ихъ чисто и свѣтло, пища не роскошная, но и не совсѣмъ скудная, и вообще все происходитъ по заведенному порядку и мало зависитъ отъ личныхъ свойствъ коменданта. Въ Шлюссельбургѣ вмѣстѣ съ Пущинымъ содержались: Юшневскій, Николай и Михайло Бестужевы, Дивовъ и Пестовъ. Не имѣя никакого явнаго сообщенія между собой, каждый изъ нихъ сообщался съ своимъ сосѣдомъ, ударяя въ стѣну рукой: число ударовъ въ опредѣленномъ порядкѣ означало буквы, посредствомъ которыхъ, при нѣкоторой привычкѣ, можно было разговаривать довольно удобно. Тюремный этотъ телеграфъ выдумалъ и устроилъ Ни-

колай Бестужевъ. Поджіо содержался вмѣстѣ съ Вадковскимъ, Барятинскимъ, Горбачевскимъ и Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ, въ Кексгольмѣ, а Мухановъ имѣлъ товарищами въ Выборгѣ Лунина и Митькова. Въ Финляндіи тюрьмы для насъ были устроены на скорую руку и не представляли возможности для тюремщиковъ исполнять вполнѣ предписанія высшаго начальства, а потому и заключеніе наше въ Финляндіи не было такъ строго, какъ въ Шлюссельбургѣ, но зато содержимые въ крѣпостяхъ Финляндіи безпрестанно зависѣли отъ произвола мѣстныхъ начальниковъ.

Мы ѣхали всѣ шестеро вмѣстѣ около двухъ сутокъ; потомъ нашъ фельдъегерь, добрый Миллеръ, увезъ насъ троихъ впередъ: для него и для насъ было невыносимо неистовое поведеніе Желдыбина съ ямщиками; онъ ихъ билъ немилосердно, не платя почти нигдѣ и половины прогоновъ. Вообще, фельдъегери имѣли полную возможность обогатиться, перевозя государственныхъ преступниковъ въ Сибирь.

По пріѣздѣ въ Тобольскъ фельдъегерь доставилъ насъ къ губернатору Каменскому, который принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ довольно учтиво, спросилъ довольны ли мы своимъ фельдъегеремъ, и потомъ отправилъ насъ въ городовую полицію. Тутъ отвели намъ огромную холодную комнату, гдѣ мы жили двое сутокъ, зябнувъ и продовольствуясь, чѣмъ Богъ послалъ.

Изъ Тобольска, вмѣсто фельдъегеря, былъ отправленъ съ нами чиновникъ, надзиратель острога, добрый малый, но который находилъ необходимымъ на каждой станціи согрѣть себя водкой. Мы ѣхали на Тару, потомъ Барабой, гдѣ мѣстами мы не находили воды, которую можно было бы пить, и надо было таять снѣгъ. Въ Томскѣ мы пробыли сутки. Тутъ посѣтилъ насъ сенаторъ князь Куракинъ. Онъ въ это время вмѣстѣ съ сенаторомъ Безроднымъ ревизовалъ Сибирь. Вечеромъ при свѣчахъ меня оставили одного въ особенной комнатѣ, куда вскорѣ потомъ взошелъ мужчина лѣтъ сорока,

въ шляпѣ, раздушенный и распомаженный; онъ подошелъ къ зеркалу, снялъ шляпу, поправилъ прическу и, обернувшись, далъ знакъ рукой сопровождавшему его чиновнику полиціи, при чемъ чиновникъ исчезъ. Все это вмѣстѣ было очень похоже на сцену изъ какого-нибудь французскаго водевиля. Потомъ князь Куракинъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ объ обращеніи фельдъегеря съ нами и, изъявивъ соболѣзнованіе объ участи, насъ постигшей, утверждалъ очень увѣрительно, что происшествіе 14-го декабря не болѣе какъ слѣдствіе расформированія Семеновскаго полка. Я не пустился въ объясненіе съ его сіятельствомъ; онъ былъ одинъ изъ нашихъ судей, и потому, казалось, долженъ бы былъ вполнѣ понимать значеніе 14-го декабря и всего нашего дѣла. Пробывъ нѣсколько минутъ съ сенаторомъ, я вышелъ, и меня поочередно замѣнили мои товарищи Арбузовъ и Тютчевъ. Въ Красноярскѣ мы пробыли только нѣсколько часовъ. Въ то время городъ этотъ не имѣлъ еще такого значенія, какое онъ получилъ послѣ того, что въ его окрестностяхъ похоронили столько денегъ и потомъ добыли огромное количество золота. Отъ Красноярска до Иркутска, по гористой мѣстности, мы совершили нашъ путь частью на телѣгахъ, что при украшеніи, какое мы имѣли на ногахъ, было не совсѣмъ удобно.

Въ Иркутскъ мы прибыли 22 ноября. Подъѣзжая къ городу, мы увидали его сквозь густой туманъ, стлавшійся надъ рѣкой. Тамъ мы узнали, что въ этотъ день холодъ доходилъ до 32-хъ градусовъ; но Ангара еще не замерзла, и мы переѣхали ее на паромѣ. Насъ привезли прямо въ острогъ, гдѣ принялъ насъ частный приставъ Пирожковъ, исправлявшій должность полицеймейстера. Для насъ очистили огромную комнату, въ которой содержались прежде женщины. Въ Иркутскѣ мы въ первый разъ услышали о мѣстѣ нашего назначенія; Пирожковъ сообщилъ намъ, что насъ отправятъ за Байкалъ, въ Читу. Онъ хотѣлъ насъ увѣрить, что тамъ отберутъ

у насъ всѣ вещи, и что потому намъ не худо бы было распорядиться ими въ Иркутскѣ; мы ему не повѣрили и хорошо сдѣлали. Пока очищали для насъ комнату, прошелъ мимо насъ Юшневскій, въ сопровожденіи часового; онъ такъ похудѣлъ, что я едва его узналъ; мы съ нимъ нѣжно обнялись и вечеромъ намъ позволили пить вмѣстѣ чай. Тутъ онъ между прочимъ разсказалъ намъ, какъ его увѣряли, что у него отберутъ всѣ вещи, для избѣжанія чего многое онъ подарилъ своему фельдъегерю; товарищи Юшневскаго были: Спиридоновъ, Пестовъ и Андреевичъ; они были пріостановлены, чтобы начальство имѣло время распорядиться отправленіемъ ихъ вокругъ моря. Мы застали также въ Иркутскѣ Матвѣя Муравьева и Александра Бестужева, они оба были на свободѣ, въ ожиданіи своего отправленія по Ленѣ въ Якутскъ. Бестужевъ мнѣ прислалъ „Цыганъ". Это новое произведеніе Пушкина прочелъ я съ истиннымъ наслажденіемъ. Въ тотъ же вечеръ насъ повели въ баню, гдѣ прислуживали намъ очень ловко и вѣжливо люди въ цѣпяхъ: то были тяжкіе грѣшники съ клеймами на лицѣ и нѣкоторые безъ ноздрей, содержимые вмѣстѣ съ нами въ острогѣ; такое сближеніе съ ними было для меня не безъ пользы. Вмѣсто отвращенія, какое своими учрежденіями и всѣми своими предразсудками старается поселить общество къ тѣмъ, кого оно отвергло отъ себя, я не могъ воздержаться отъ нѣкотораго сочувствія къ бѣднымъ этимъ людямъ. Къ крайнему моему удивленію вошелъ въ баню Александръ Бестужевъ, весь въ мылѣ; я спрыгнулъ съ полка и обнялъ его; мы пробыли здѣсь вмѣстѣ, разумѣется, недолго и имѣли только время перемолвить нѣсколько словъ о „Цыганахъ" Пушкина. Бестужевъ нашелъ возможность придти въ острогъ и увидѣться съ своими братьями Николаемъ и Михаиломъ, которые на другой же день были отправлены въ Читу; въ Иркутскѣ я съ ними не видался. За ними скоро былъ отправленъ Юшневскій съ своими товарищами. Въ острогѣ мы оставались безъ

желѣзъ: съ насъ ихъ сняли, чтобы поправить и сдѣлать удобнѣе для ходьбы. На другой день нашего пріѣзда насъ посѣтилъ г-лъ-губернаторъ Лавинскій; передъ нимъ несли жаровню и курили; приблизясь къ намъ и спросивъ, не имѣемъ ли какихъ жалобъ на чиновника, насъ сопровождавшаго, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что коротко знакомъ съ моей тещей Надеждой Николаевной Шереметевой, которая желаетъ черезъ него имѣть обо мнѣ извѣстіе. Говоря со мной, онъ избѣгалъ *вы* и *ты*, и рѣчь его была такъ угловата, что ему самому видимо было неловко. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ Лавинскаго посѣтилъ насъ гражданскій губернаторъ Цейдлеръ; онъ былъ съ нами учтивъ и обѣщалъ извѣстить жену мою о томъ, что я прибылъ въ Иркутскъ и здоровъ. 24 ноября привезли Пущина, Поджіо и Муханова. Первоначально намъ не позволили видѣться, а потомъ соединили насъ въ одну комнату, и мы съ недѣлю прожили всѣ вмѣстѣ. Тутъ иногда стояли у насъ на часахъ бывшіе семеновскіе солдаты; не только ихъ товарищи, но и офицеры отзывались объ нихъ съ уваженіемъ.

Сильные морозы подавали надежду, что Байкалъ скоро станетъ, и полагали отправить насъ за море по льду; но потомъ наступила довольно мягкая погода, и потому Арбузовъ, Тютчевъ и я, мы были отправлены кругоморской дорогой, въ сопровожденіи казачьяго офицера и трехъ казаковъ. Въ тотъ же день мы прибыли въ Култукъ, небольшое селеніе на берегу Байкала, гдѣ мы и ночевали. Жители этого селенія, по большей части, занимаются рыбной ловлей и звѣриной охотой. Тутъ я въ первый разъ ѣлъ жареную кабаргу. Положеніе Култука прелестно; видъ Байкала, съ окаймляющими его горами, истинно прекрасенъ, и мнѣ думалось тогда, что быть поселеннымъ и тутъ жить, въ этомъ отдаленномъ уголкѣ, съ своимъ семействомъ было бы верхъ счастья. На другой день съ насъ снялъ офицеръ оковы, и мы отправились въ дальній путь верхами.

Офицеръ остался запасгись водкой, казаки также отъ насъ отстали, и мы въ продолженіе нѣкотораго времени были какъ-будто на свободѣ. Погода была нехолодная. Послѣ долгой неволи имѣть подъ собой лошадь, которою правишь по своему произволу, и не имѣть около себя соглядатаевъ возбуждаетъ какое-то особенно пріятное чувство. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на гору, видъ Байкала становился шире и удлинялся въ даль. Передъ сумерками мы пріѣхали на первую станцію отъ Култука, гдѣ бы, вѣроятно, и ночевали, если бы тутъ нашъ полупьяный офицеръ не заушилъ дворового человѣка Бурнашова, бывшаго начальника Нерчинскихъ заводовъ. Послѣ этого происшествія офицеръ нашъ велѣлъ сѣдлать лошадей, и мы отправились далѣе. Уже ночью мы переѣхали гольцы Хаманъ-Дабана и поздно, усталые, добрались до станціи. Арбузова внесли въ комнату на рукахъ: его такъ разломала верховая ѣзда, что онъ не могъ держаться на ногахъ. На другой день мы пустились въ путь не очень рано. Мы ѣхали верхомъ всего около 200 верстъ, и на всемъ этомъ протяженіи не было никакихъ селеній. Лошади, для которыхъ надо было привозить кормъ очень издалека, и провожатые буряты оставались на станціяхъ только на то время, пока не было сообщенія по льду черезъ Байкалъ. Дороги черезъ Хамаръ-Дабанъ и по всей этой горной безлюдной странѣ была замѣчательна своимъ устройствомъ. Вездѣ, гдѣ она проходила мимо обрывовъ, были поставлены надолбни; черезъ всѣ потоки и рѣчки были очень исправно построены мосты, даже нѣкоторыя крутизны были срыты: это былъ одинъ изъ памятниковъ самопроизвольнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда разумнаго управленія Трескина Послѣ верховой ѣзды на насъ опять надѣли цѣпи, и мы ѣхали на саняхъ, мѣстами почти совсѣмъ безъ снѣгу. Въ Ключахъ, старовѣрческомъ селеніи, насъ приняли очень радушно; пока мы пили чай и потомъ обѣдали, много мужчинъ и женщинъ приходили поглядѣть на насъ и потолковать о

томъ, что дѣлалось тогда на Руси. Въ тотъ же день мы ночевали въ Тарбагатаѣ, также старовѣрческомъ селеніи. Я прежде говорилъ офицеру, что мнѣ хотѣлось бы увидаться съ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, когда мы будемъ проѣзжать черезъ Верхнеудинскъ. Ночью въ Тарбагатаѣ офицеръ разбудилъ меня, снялъ съ меня желѣза и вывелъ изъ комнаты тайкомъ; потомъ сказалъ, что я увижусь съ Муравьевымъ, и повелъ меня къ Заиграеву, про котораго упоминаютъ многіе изъ путешественниковъ, описывавшихъ Забайкальскій край. Заиграевъ былъ неглупый и очень зажиточный крестьянинъ. У него въ гостиной была мебель краснаго дерева, въ углу стояли англійскіе столовые часы, и на столѣ, когда мы вошли, лежали московскія газеты; но вмѣсто Муравьева я нашелъ тутъ княжну Вар. Мих. Шаховскую. Она пріѣхала какъ-будто для того, чтобы пріискать кормилицу для сестры своей, и надѣялась встрѣтить тутъ Муханова, съ которымъ она была въ родствѣ и очень хорошо знакома. Я прежде ея почти не зналъ, но тутъ мы сошлись съ ней, какъ будто вѣкъ были знакомы. Она мнѣ разсказала многое, чего я не зналъ, о нашихъ. Александръ Муравьевъ, приговоренный верховнымъ уголовнымъ судомъ къ каторжной работѣ на 12 лѣтъ, былъ не только освобожденъ отъ работы, но сохранилъ званіе, чинъ и проч. Онъ былъ отправленъ на жительство въ Якутскъ; жена его, съ двумя дѣтьми и двумя своими сестрами за нимъ послѣдовала, и подъ какимъ-то предлогомъ они всѣ вмѣстѣ оставались нѣкоторое время въ Иркутскѣ; потомъ Муравьеву вышло позволеніе, вмѣсто Якутска, жить въ Верхнеудинскѣ, откуда онъ подалъ просьбу о дозволеніи ему вступить въ службу и былъ впослѣдствіи опредѣленъ полицеймейстеромъ въ Иркутскъ. Вскорѣ послѣ окончанія нашего дѣла Артамонъ Муравьевъ, Давыдовъ, Оболенскій и Якубовичъ были отправлены въ Сибирь; вслѣдъ за ними были также отправлены: Трубецкой, Волконскій и два Борисовыхъ. За

день до отъѣзда у Трубецкаго тарелками шла кровь горломъ, что, однако, не остановило его отправленія. По прибытіи въ Иркутскъ они были размѣщены по ближайшимъ заводамъ. Къ Трубецкому пріѣхала жена, и онъ, устроившись кой-какъ въ Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ, надѣялся, что ихъ тутъ оставятъ пока пожить вмѣстѣ; но они недолго оставались въ такомъ положеніи. Во время коронаціи Лавинскій прислалъ нарочнаго съ приказаніемъ, вслѣдствіе котораго всѣхъ осьмерыхъ нашихъ потребовали въ Иркутскъ, откуда тотчасъ же отправили ихъ за Байкалъ, въ Нерчинскіе рудники. Княгиню Трубецкую старались всячески задержать въ Иркутскѣ и уговаривали даже возвратиться въ Россію; но она, своей рѣшительностью преодолѣвъ всѣ препятствія, послѣдовала за мужемъ въ Благодатскій рудникъ, гдѣ она съ нимъ видѣлась, но они не жили уже вмѣстѣ. Бурнашовъ, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, обращался довольно грубо съ нашими и сожалѣлъ, что въ полученномъ предписаніи ему приказано было беречь здоровье государственныхъ преступниковъ: ихъ посылали ежедневно въ шахты добывать руду вмѣстѣ съ другими каторжниками. Горничная кн. Шаховской сварила кофе и моему офицеру подлили въ него рому; этотъ напитокъ подѣйствовалъ такъ благодѣтельно на казака, что онъ нѣсколько разъ безуспѣшно пытался встать со стула, что и доставило мнѣ возможность бесѣдовать цѣлую ночь съ кн. Шаховской.

Проѣзжая черезъ Верхнеудинскъ, я напрасно ожидалъ, что Александръ Муравьевъ выйдетъ къ намъ навстрѣчу. Изъ Верхнеудинска мы ѣхали и на саняхъ, и на колесахъ и прибыли, наконецъ, въ Читу 24-го декабря.

По прибытіи въ Читу насъ привезли въ малый казематъ: такъ называли небольшой домикъ, обнесенный высокимъ частоколомъ, служившій прежде острогомъ для пересылаемыхъ въ Нерчинскій заводъ, а потомъ

помѣщавшій въ себѣ государственныхъ преступниковъ. Насъ ввели въ особую комнату, принесли наши вещи и разложили ихъ на порогѣ; караульный офицеръ, составивъ опись нашимъ вещамъ, оставилъ намъ платье и бѣлье; книги взялъ для доставленія коменданту, который долженъ былъ ихъ разсмотрѣть; часы же, столовые приборы, даже щипцы, были у насъ отобраны, какъ предметы, которыми по тюремному положенію мы не могли пользоваться. Когда ушелъ офицеръ, дверь въ нашу комнату осталась свободной, и жильцы малаго каземата посѣтили насъ; тутъ были Юшневскій, Николай и Михайло Бестужевы, Горбачевскій, Артамонъ Муравьевъ и другіе. Въ сумерки плацъ-адъютантъ Куломзинъ тайно привелъ ко мнѣ Фонвизина. Послѣ продолжительной разлуки мы нѣжно обнялись съ нимъ. Онъ похудѣлъ; раненый въ ногу во время кампаніи 13-го года, оковы по-временамъ очень его безпокоили. Онъ часто получалъ письма отъ жены своей, которая собиралась скоро къ нему пріѣхать; разстался онъ съ ней еще въ началѣ 1827 года. Въ это время началось отправленіе изъ Петропавловской крѣпости въ Читу. До самаго отъѣзда содержавшіеся въ Петропавловской крѣпости имѣли дозволеніе ежедневно видѣться съ близкими своими родственниками. Вслѣдъ за отправленными послѣ казни въ каторжную работу были также отправлены всѣ разжалованные въ солдаты и присужденные на поселеніе. Положеніе послѣднихъ по назначенію мѣстъ для ихъ жительствъ было вообще незавидно, а нѣкоторыхъ даже ужасно дурно. Всѣ они были поселены въ самыхъ сѣверныхъ странахъ Сибири: Николай Бобрищевъ-Пушкинъ и Шаховской были отправлены въ Енисейскъ, гдѣ они оба сошли съ ума. Чижовъ былъ поселенъ въ Гижигѣ, а Назимовъ въ Среднеколымскѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ казачьихъ юртъ. Казаки, получивъ предписаніе держать Назимова подъ строгимъ надзоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ беречь его здоровье, не знали, что съ нимъ дѣлать;

они заперли его въ одну изъ своихъ юртъ, отправивъ гонца въ Якутскъ съ донесеніемъ, что Назимовъ боленъ, и что они не знаютъ, чѣмъ его кормить; сами они зимой питались вяленой рыбой. Черезъ нѣкоторое время вышло разрѣшеніе перевезти Назимова въ одно небольшое селеніе на Ленѣ, гдѣ ему было уже нѣсколько лучше; но въ Среднеколымскѣ онъ нажилъ жестокую ломоту въ рукахъ и ногахъ, отъ которой впослѣдствіи едва могъ избавиться. Чижовъ также былъ переведенъ изъ Гижиги въ другое мѣсто. Всѣ прочіе государственные преступники осьмого разряда были также поселены въ мѣстахъ, весьма неудобныхъ для жизни.

Послѣ коронаціи былъ учрежденъ комитетъ для составленія устава относительно нашего заключенія и содержанія. Въ комитетѣ этомъ засѣдали генералы Чернышевъ, Дибичъ, Бенкендорфъ и другіе. Мѣстомъ для нашего заключенія былъ назначенъ Акутай, серебряный рудникъ, въ странѣ глухой и отдаленной отъ всякаго жилья. Тутъ заложенъ былъ фундаментъ острога, не выходя изъ котораго во время нашего содержанія, мы спускались бы въ шахты для ежедневныхъ работъ. Но постройка этого острога могла кончиться не прежде, какъ года черезъ два или три, и потому временнымъ мѣстомъ нашей ссылки была назначена Чита. По учрежденію комитета былъ вызванъ въ Москву Лепарскій, только что произведенный въ генералъ-маіоры, и назначенъ комендантомъ Нерчинскихъ заводовъ. Передъ тѣмъ онъ командовалъ конно-егерскимъ Сѣверскимъ полкомъ, котораго шефомъ былъ великій князь Николай Павловичъ. Лепарскій былъ уже очень старъ. При Кагулѣ онъ былъ ординарцемъ у Румянцева; въ конфедератскую войну онъ былъ уже маіоромъ. Полякъ, онъ воспитывался въ Польшѣ у іезуитовъ. Несмотря на преклонность своихъ лѣтъ и на странность пріемовъ, онъ былъ человѣкъ очень неглупый, и умъ его еще былъ свѣжъ, а что и того лучше, сердце у него было совершенно на мѣстѣ и нисколько не стариковское.

Снабженный строгими предписаніями отъ комитета, онъ былъ отправленъ въ Читу, чтобы распорядиться тамъ помѣщеніемъ для насъ. Въ Иркутскѣ, по требованію Лепарскаго, была назначена команда, съ приличнымъ числомъ офицеровъ, для содержанія карауловъ въ Читѣ. Были также назначены для насъ и для читинской команды священникъ и врачъ.—Съ прибытіемъ коменданта въ Нерчинскъ положеніе содержавшихся въ Благодатскомъ рудникѣ измѣнилось не къ лучшему. На нихъ надѣли цѣпи, которыхъ они до того не носили, потомъ ихъ перевезли въ Читу. Первоприбывшихъ въ Читу, Никиту Муравьева, брата его, Анненкова, Фонвизина, Басаргина, Вольфа, Абрамова и др., помѣстили въ старомъ какомъ-то строеніи, очень низкомъ, темномъ и сыромъ, и сначала содержали ихъ очень строго. Съ наступленіемъ теплой погоды ихъ водили на нѣкоторыя земляныя работы. Въ это время приступили къ поправкѣ малаго и къ постройкѣ большого каземата.

День нашего прибытія въ Читу былъ канунъ Рождества, и вечеромъ повели всѣхъ насъ изъ малаго каземата, въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями и штыками, въ большой казематъ, гдѣ священникъ съ своимъ причтомъ служилъ для насъ всенощную. Тутъ я имѣлъ удовольствіе обнять многихъ старыхъ моихъ пріятелей и близкихъ мнѣ знакомыхъ. Въ большомъ казематѣ помѣщалось человѣкъ около шестидесяти. Всѣ были въ цѣпяхъ, которыя скидывались только, когда водили въ баню или къ причастію. Все двигалось, гремѣло, но только ни на комъ незамѣтно было унынія, и всѣ были какъ будто на какомъ-то торжественномъ пиршествѣ. Одинъ только Никита Муравьевъ былъ боленъ и жестоко страдалъ и тѣломъ и душой. Въ Москвѣ у матери онъ оставилъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ: мальчика и двухъ дѣвочекъ; недавно получивъ извѣстіе, что мальчикъ скончался, бѣдный Никита въ этомъ печальномъ положеніи, не имѣлъ даже возможности дѣлить горе съ своей женой, тотчасъ послѣдо-

вавшей за нимъ въ Сибирь. Когда я прiѣхалъ въ Читу, тамъ были уже княгиня Трубецкая, княгиня Волконская, Муравьева, Нарышкина, Ентальцева и Давыдова. Всѣ онѣ покинули родныхъ и всѣхъ своихъ близкихъ, а Муравьева и княгиня Волконская разстались съ малолѣтними дѣтьми своими, можетъ-быть, навсегда, и отправились въ Сибирь съ твердымъ желанiемъ дѣлить участь мужей своихъ и въ надеждѣ жить съ ними вмѣстѣ; но и эта скромная надежда для нихъ не сбылася. По прибытiи въ Читу онѣ имѣли только возможность видѣться съ своими мужьями два раза въ недѣлю, и всякiй разъ не болѣе какъ на нѣсколько часовъ. Всякiй день каждая изъ нихъ подходила украдкой къ частоколу, чтобы взглянуть на своего мужа и перемолвить съ нимъ нѣсколько словъ, но и это утѣшенiе не всегда имъ удавалось: часовые имѣли строгое приказанiе никого не допускать къ острогу, и нерѣдко случалось, что часовой, исполняя приказъ начальства, отгонялъ посѣтительницу прикладомъ.

На другой день нашего прiѣзда въ Читу посѣтилъ насъ комендантъ Лепарскiй. Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ въ подобныхъ случаяхъ, не имѣемъ ли какихъ жалобъ на офицера, насъ сопровождавшаго, Лепарскiй передалъ мнѣ поклонъ отъ Граббе, съ которымъ онъ былъ коротко знакомъ. Послѣ отставки и годовой ссылки въ Ярославль Граббе, принятый въ службу, былъ опредѣленъ младшимъ полковникомъ въ Сѣверскiй конно-егерскiй полкъ и отданъ подъ строгiй надзоръ Лепарскаго, который, не стѣсняясь данными ему предписанiями, всевозможнымъ вниманiемъ старался облегчить неловкое положенiе Граббе. Граббе не былъ судимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ; но за смѣлые отвѣты въ комитетѣ послѣ нашего приговора по волѣ высочайшей власти онъ содержался нѣкоторое время подъ арестомъ въ Динабургѣ и потомъ отправленъ въ свой полкъ. По прибытiи въ полкъ онъ остановился въ трактирѣ; Лепарскiй въ тотъ же день явил-

ся къ нему со строгимъ выговоромъ за то, что Граббе не остановился прямо у него. Граббе извинялся тѣмъ, что такимъ поступкомъ и въ обстоятельствахъ, въ какихъ находился, боялся повредить ему. Лепарскій, не взирая ни на что, перевезъ къ себѣ Граббе, сказавъ ему, что «такъ какъ самъ государь не нашелъ васъ виновнымъ, то мнѣ нечего васъ опасаться».

Черезъ три дня послѣ насъ прибыли въ Читу Пущинъ, Поджіо и Мухановъ и черезъ два дня послѣ ихъ прибытія фельдъегерь привезъ Вадковскаго. Всѣ четверо они были помѣщены въ одну съ нами комнату, и когда мы всѣ ложились ночевать на нары, не приходилось въ ширину по аршину на человѣка; но тогда все это было нипочемъ. Знали, что фельдъегерь, который привезъ Вадковскаго, долженъ былъ увезти кого-то изъ Читы, но кого именно и куда, въ продолженіе нѣсколькихъ дней было неизвѣстно; кончилось тѣмъ, что онъ увезъ Корниловича, какъ было слышно, въ Петропавловскую крѣпость, откуда потомъ Корниловичъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ онъ и умеръ.

Въ маломъ казематѣ мы обѣдали всѣ вмѣстѣ и поочередно дежурили; обязанность дежурнаго состояла въ томъ, чтобы приготовить все къ обѣду и къ ужину и потомъ все прибрать. Къ обѣду приносилъ сторожъ огромную латку артельныхъ щей и въ другой laткѣ накрошенную говядину; хлѣбъ приносили въ ломтяхъ; намъ не давали ни ножей, ни вилокъ; всякій имѣлъ свою ложку костяную, оловянную или деревянную; недостатокъ тарелокъ замѣняли чайными деревянными китайскими чашками. Послѣ каждой трапезы наступало для дежурнаго отвратительное положеніе: ему приходилось мыть посуду и приводить все въ порядокъ, а для исполненія этой обязанности не доставало средствъ: не было ни стирокъ, ни часто даже теплой воды для мытья посуды. Чай мы пили также всѣ вмѣстѣ, и тотъ, кто постоянно его разливалъ, избавлялся отъ обязанности поочередно дежурить съ другими. Мы жили въ

такой тѣснотѣ, что ничѣмъ пристально заниматься не было возможности: едва удавалось въ теченіе дня что нибудь прочесть. Игра въ шахматы и взаимные разсказы были главнымъ нашимъ занятіемъ и развлеченіемъ. Въ будни наряжались изъ всѣхъ казематовъ 16 человѣкъ на работы, куда мы отправлялись за конвоемъ вооруженныхъ солдатъ. Въ небольшомъ домикѣ были поставлены четыре ручныя мельницы, которыя помѣщались въ одной комнатѣ; работа продолжалась три часа поутру и три послѣ обѣда. Въ это время мы должны были всѣ вмѣстѣ перемолоть четыре пуда ржи, изъ числа которыхъ приходилось по десяти фунтовъ на каждаго человѣка; а такъ какъ у каждой изъ четырехъ мельницъ не могли работать болѣе двухъ человѣкъ, то мы въ продолженіе работы смѣнялись нѣсколько разъ. Работа, конечно, была не тяжелая; но нѣкоторые, не имѣя силъ исполнить сами свой урокъ, нанимали сторожа, который мололъ ихъ пай. Мука нашего издѣлія была, вообще, не отличнаго достоинства. Тѣ, которые не работали, въ другой комнатѣ курили, играли въ шахматы или занимались чтеніемъ и разговоромъ.

Въ февралѣ пріѣхала m-lle Поль, получившая позволеніе выйти замужъ за Анненкова. Послѣ вѣнчанья Анненкову было позволено остаться три дня съ молодой своей супругой, и на это время съ него сняли оковы. Наконецъ пріѣхала и Фонвизина. Разныя неблагопріятныя обстоятельства задерживали ее въ Москвѣ. Здоровье ея было очень ненадежно, и въ отсутствіи мужа она была нѣсколько разъ тяжко больна. Поѣхавъ въ Сибирь, ей приходилось покинуть двухъ малолѣтнихъ дѣтей, разстаться навсегда съ престарѣлыми родителями, которые, страстно любя единственную свою дочь, всячески старались удержать ее отъ поѣздки въ Сибирь, она же, преодолѣвъ всѣ нѣжныя чувства въ себѣ къ отцу, матери и дѣтямъ, отправилась къ мужу. Она ко многимъ изъ насъ, и ко мнѣ въ

томъ числѣ, привезла письма. Жена моя убѣдительно просила меня, чтобы я позволилъ ей пріѣхать, увѣряя, что она нисколько не чувствуетъ себя способной быть на пользу для дѣтей; но я былъ убѣжденъ въ противномъ.

Меня и нѣкоторыхъ другихъ перевели изъ малаго каземата въ большой. Въ комнатѣ, въ которой меня помѣстили, насъ было четырнадцать человѣкъ. По всѣмъ стѣнамъ стояли кровати; посреди комнаты стоялъ столъ, за которымъ мы обѣдали; по одну сторону его стояла скамейка, а по другую сторону стола оставалось не болѣе простора, сколько необходимо пройти одному вдоль комнаты, и потому по необходимости приходилось почти цѣлый день сидѣть, когда нельзя было гулять по двору. Большой казематъ былъ невообразимо дурно построенъ; окна съ желѣзными рѣшетками были вставлены прямо въ стѣну безъ колодъ, и стекла были всегда зимой покрыты толстымъ льдомъ. Въ комнатѣ нашей, вообще, было и холодно и темно. Всякій старался пристроиться на своей кровати такъ, чтобы ему можно было читать или заниматься чѣмъ другимъ. Всѣ, съ малымъ исключеніемъ, учились сами или учили другихъ, и такія постоянныя занятія въ нашемъ положеніи были примирительными средствами и истиннымъ для насъ спасеніемъ. Будучи въ безпрестанномъ столкновеніи другъ съ другомъ, болѣе праздная жизнь была бы для насъ губительна. Очень немногіе изъ славянъ знали иностранные языки, и почти всѣ они начали учиться по-французски; тѣ, которые не знали по-нѣмецки и по-англійски, при помощи другихъ учились этимъ языкамъ. Немногіе занимались даже древними языками. Тѣ, которые были знакомы съ математикой и естественными науками, имѣли также учениковъ. Въ книгахъ недостатка не было, журналовъ получалось также довольно, и всякій имѣлъ возможность читать лучшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Первое время безъ привычки очень трудно было чѣмъ нибудь пристально за-

ниматься, почти безпрестанно слышались звуки желѣзъ; случалось углубиться въ чтеніе, а иногда получивши письмо отъ своихъ унестись мыслью далеко отъ Читы, и вдругъ распахнется дверь, и молодежь съ топотомъ влетитъ въ комнату, танцуя мазурку и гремя цѣпями. Нѣкоторые упражнялись въ музыкѣ, рисованіи и живописи; другіе занимались ремеслами для пользы общей. Прежде всего образовались портные, въ которыхъ въ первое время пребыванія нашего въ Читѣ оказалась потребность; впослѣдствіи были между нами и столяры, и слесаря, и переплетчики. Николай Бестужевъ, въ молодости учившійся въ академіи художествъ, былъ нашъ портретистъ и нарисовалъ нашихъ дамъ и почти всѣхъ своихъ товарищей, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и нашимъ часовщикомъ, когда намъ позволено было имѣть при себѣ часы. По временамъ въ хорошую погоду на дворѣ играли въ городки и бары, хоть это было не совсѣмъ удобно при тѣхъ украшеніяхъ, какія мы имѣли на ногахъ. Въ разговорахъ очень часто рѣчь склонялась къ общему нашему дѣлу, и, слушая ежедневно разсказы, сличая эти разсказы и повѣряя ихъ одинъ другимъ, съ каждымъ днемъ становилось болѣе понятнымъ все то, что относилось до этого дѣла, все болѣе и болѣе пояснялось значеніе нашего Общества, существовавшаго девять лѣтъ вопреки всѣмъ препятствіямъ, встрѣчавшимся при его дѣйствіяхъ; пояснилось также и значеніе 14-го декабря, а вмѣстѣ съ тѣмъ становились извѣстными всѣ дѣйствія комитета при допросѣ подсудимыхъ и уловка его при составленіи доклада, въ которомъ очень немного лжи, но который зато весь не что иное какъ обманъ. Избрать изъ находившихся подъ слѣдствіемъ опредѣленное число виновныхъ и обречь ихъ на жертву было нетрудно,—всякій, кто былъ уличенъ въ непристойныхъ словахъ противъ правительства, подвергался уже всей строгости законовъ; но труднѣйшая задача комитета состояла въ томъ, чтобы, давши какъ будто несомнѣнныя доказа-

тельства добросовѣстности, осквернить передъ общимъ мнѣніемъ цѣль Тайнаго Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ осквернить побужденія каждаго изъ членовъ этого Общества. Для достиженія своей цѣли члены комитета нашли удобнымъ при составленіи доклада, опираясь безпрестанно на собственныя признанія и показанія подсудимыхъ, помѣстить въ своемъ донесеніи только то изъ этихъ признаній и показаній, что бросало тѣнь на Тайное Общество и представляло членовъ его въ смѣшномъ или отвратительномъ видѣ, умалчивая о томъ, что могло бы возбудить къ нимъ сочувствіе. Верховный уголовный судъ, соображаясь съ дѣйствіями комитета, съ своей стороны нарушилъ порядокъ, опредѣленный законами въ судопроизводствѣ. Подсудимыхъ не требовали въ судъ для прочтенія имъ обвиненій комитета; у нихъ не спрашивали, не имѣютъ ли они чего прибавить къ прежнимъ своимъ показаніямъ или сказать что нибудь въ свое оправданіе. Они были призваны только за нѣсколько дней до произнесенія приговора для того, чтобы подписать, какъ сказали имъ, собственныя ихъ показанія, но которыхъ они не читали, и которыя по большей части были написаны не ихъ рукой. Конечно, во всемъ этомъ ни члены комитета, ни члены верховнаго уголовнаго суда не заслуживаютъ особеннаго нареканія. Въ подобныхъ случаяхъ въ Россіи и внѣ Россіи всегда поступаютъ точно такъ же, ничѣмъ не стѣсняясь при обвиненіи людей, почитаемыхъ опасными для существующаго правительства. Трудно обвинить членовъ комитета въ умышленной несправедливости изъ личныхъ видовъ противъ кого нибудь изъ подсудимыхъ. Можно привести только одинъ примѣръ такой явной несправедливости. Графъ Чернышевъ, отданный подъ судъ, содержавшійся въ крѣпости, и ни разу не бывъ призванъ въ комитетъ, даже не получивъ ни одного письменнаго запроса, былъ приговоренъ въ каторжную работу. Онъ современемъ долженъ былъ получить въ наслѣдство довольно значительный маіоратъ,

установленный въ ихъ родѣ. Графъ Чернышевъ былъ единственный сынъ, и послѣ лишенія его всѣхъ правъ и состоянія мужская линія прекратилась въ ихъ семействѣ, и генералъ Чернышевъ, такъ усердно дѣйствовавшій въ комитетѣ, воспользовался такимъ обстоятельствомъ, предъявилъ свои требованія на полученіе маіората. Сенатъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, нашелъ, что требованія генерала Чернышева не были основаны ни на малѣйшемъ правѣ, и присудилъ, что маіоратъ долженъ принадлежать старшей сестрѣ гр. Чернышева, сосланнаго въ Сибирь. Она была замужемъ за Кругликовымъ, который по полученіи маіората сталъ называться графомъ Чернышевымъ-Кругликовымъ.

Всѣ мы, вмѣстѣ находившіеся въ Читѣ, имѣли между собой много общаго въ главныхъ нашихъ убѣжденіяхъ; но между нами были 40-лѣтніе, а другимъ едва минуло 20 лѣтъ. При нашемъ тогда образѣ существованія никто внутри каземата не былъ стѣсненъ въ своихъ сношеніяхъ съ товарищами никакими свѣтскими приличіями. Личность каждаго рѣзко выказывалась во многихъ отношеніяхъ, мнѣнія однихъ разнились отъ мнѣній другихъ и мало-по-малу составились кружки изъ людей болѣе близкихъ между собой по своимъ понятіямъ и влеченіямъ. Одинъ изъ этихъ кружковъ, названный въ насмѣшку Конгрегаціей, состоялъ изъ людей, которые по обстоятельствамъ, дѣйствовавшимъ на нихъ во время заключенія, обратились къ набожности; при разныхъ другихъ своихъ занятіяхъ они часто собирались всѣ вмѣстѣ для чтенія назидательныхъ книгъ и для разговоровъ о предметѣ наиболѣе имъ близкомъ. Во главѣ этого кружка стоялъ Пушкинъ, бывшій свитскій офицеръ и имѣвшій отличныя умственныя способности. Во время своего заключенія онъ оцѣнилъ красоты евангелія и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратился къ повѣрьямъ своего дѣтства, стараясь всячески отстаивать ихъ. Члены Конгрегаціи были люди кроткіе, очень смирные, никого не задѣвающіе, и потому въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ остальными това-

рищами. Другой кружокъ, наиболѣе замѣчательный, состоялъ изъ Славянъ; они не собирались никогда всѣ вмѣстѣ, но, бывъ знакомы одни съ другими еще прежде ареста, они и потомъ остались въ близкихъ сношеніяхъ между собой. Всѣ они служили въ арміи, не имѣя блистательнаго положенія въ обществѣ; многіе изъ нихъ воспитывались въ кадетскихъ корпусахъ, не отличавшихся въ то время хорошимъ устройствомъ. Вообще грамотность Славянъ была не очень обширна; но зато, имѣя своего рода повѣрья, они не изъявляли почти никогда шаткости въ своихъ мнѣніяхъ, и, приглядѣвшись къ нимъ поближе, можно было убѣдиться, что для каждаго изъ нихъ сказать и сдѣлать было одно и то же, и что въ рѣшительную минуту ни одинъ изъ нихъ не попятился бы назадъ. Главное лицо въ этомъ кружкѣ былъ Петръ Борисовъ, къ которому Славяне оказывали почти безграничную довѣренность. Иные почитали его основателемъ Общества Соединенныхъ Славянъ; но онъ въ этомъ не сознавался, и, зная его, трудно бы повѣрить, чтобы онъ могъ быть основателемъ какого-нибудь тайнаго общества. Воспитанный дома у отца, довольно любознательный, онъ вступилъ въ алтиллерію юнкеромъ, съ ротой своей стоялъ нѣкоторое время въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была библіотека. Борисовъ, зная нѣсколько по-французски и пользуясь книгами, которыя попались ему въ руки, прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольдбаха и другихъ писателей той же масти осьмнадцатаго столѣтія и сдѣлался догматически безбожникомъ. Проповѣдуя невѣріе своимъ товарищамъ Славянамъ, изъ которыхъ многіе вѣрили ему на слово, онъ былъ самаго скромнаго и кроткаго права; никто не слыхалъ, чтобы онъ когда-нибудь возвысилъ голосъ, и конечно никто не подмѣтилъ въ немъ и тѣни тщеславія. Благорасположеніе ко всѣмъ проявлялось въ немъ на каждомъ шагу, и съ дѣтскимъ послушаніемъ онъ исполнялъ требованія кого бы то ни было; онъ любилъ страстно чтеніе и рисовалъ очень недурно; но

требовалъ ли кто-нибудь, чтобы онъ выкопалъ гряды, и онъ тотчасъ оставлялъ свои занятія и брался за заступъ; нужна ли была кому вода для поливки, онъ безъ малѣйшей отговорки приносилъ ведро съ водой. Слѣдя внимательно за всѣми его поступками, невольно приходило на мысль, что этотъ человѣкъ, несознательно для самаго себя, былъ проникнутъ истиннымъ духомъ христіанства.

Были и другіе кружки, составившіеся по разнымъ личнымъ отношеніямъ. Но при всемъ томъ мы всѣ вмѣстѣ составляли что-то цѣлое. Бывали часто жаркія пренія, но безъ ожесточенія противниковъ другъ противъ друга. Небольшія ссоры между молодежью вскорѣ прекращались посредничествомъ другихъ товарищей, и вообще никогда соръ невыносился изъ избы. Всѣ почти Славяне и многіе другіе не привезли съ собой денегъ и не получили ничего изъ дома; нужды ихъ удовлетворялись другими товарищами, болѣе имущими, съ такимъ простымъ и истиннымъ доброжелательствомъ, что никто не чувствовалъ при томъ ничего для себя неловкаго. Деньги наши и даже деньги дамъ хранились у коменданта, изъ которыхъ онъ выдавалъ ихъ не въ большомъ количествѣ и всякій разъ требовалъ отъ насъ письменнаго отчета для уплаты по расходамъ. Въ казематѣ были придуманы разные пріемы, на которые комендантъ смотрѣть сквозь пальцы, требуя только, чтобы ему былъ представленъ подробный отчетъ въ выданныхъ имъ деньгахъ, и не заботясь, истрачены ли они именно на тотъ предметъ, который показывали въ отчетѣ. Всякій, кто имѣлъ деньги, подписывалъ всѣ или часть ихъ въ артель, и они становились общей собственностью. Хозяинъ, избранный нами, расходовалъ эти деньги по своему усмотрѣнію на продовольствіе и на другія необходимыя вещи для всѣхъ.

Въ мартѣ 1828 г. пришло разрѣшеніе всѣхъ государственныхъ преступниковъ седьмаго разряда, кончившихъ свой срокъ работы, отправить на поселеніе.

Предъ отправленіемъ съ нихъ сняли оковы и позволили имъ видѣться съ нашими дамами, которыя неимущихъ снабдили всѣмъ нужнымъ и дали имъ денегъ. Принадлежащіе къ этому разряду были распредѣлены по мѣстамъ очень сѣвернымъ и не менѣе неудобнымъ къ жизни, какъ и мѣста, гдѣ были первоначально поселены государственные преступники осьмаго разряда. Чернышевъ одинъ былъ помѣщенъ нѣсколько лучше другихъ: его отправили въ Якутскъ. Кривцовъ и Загорѣцкій были поселены на Ленѣ, Иванъ Абрамовъ и Лесовскій въ Туруханскѣ. Выгодовскій былъ отправленъ въ Нарымъ, а Тизенгаузенъ въ Сургутъ. Ентальцевъ, Лихаревъ и баронъ Черкасовъ были отосланы въ Березовъ, гдѣ они нашли Враницкаго и Фохта. Бригенъ былъ посланъ въ Пелымъ. Изъ этого разряда Поливановъ умеръ еще въ крѣпости, а Толстой, пробылъ короткое время въ Читѣ, былъ отправленъ на Кавказъ. Передъ отправленіемъ седьмаго разряда прибыли въ Читу Игельштромъ, Вигелинъ и Рукевичъ; первые двое, служивши саперами въ Литовскомъ корпусѣ и отказавшись присягать новому императору, были арестованы, Рукевичъ, полякъ, принадлежалъ къ тайному обществу, существовавшему въ Вильнѣ, прочіе члены котораго были давно подвержены правительствомъ разнаго рода наказаніямъ, но только Вигелинъ и Рукевичъ были судимы на мѣстѣ военною коммиссіею и осуждены въ каторжную работу. До Тобольска ихъ везли съ жандармами, но отъ Тобольска они были отправлены пѣшкомъ въ цѣпяхъ съ партіею до Иркутска. Въ то время, что мы судились въ Петербургѣ, офицеры Черниговскаго полка: баронъ Соловьевъ, Сухиновъ, Мазолевскій и Быстрицкій, участвовавшіе въ возстаніи Сергѣя Муравьева-Апостола, были отданы подъ военный судъ. Приговоренные въ каторжную работу на 20 лѣтъ, они были отправлены пѣшкомъ въ Нерчинскіе рудники. Быстрицкій оставленъ нѣкоторое время за болѣзнью въ Москвѣ и прибылъ въ Читу прежде Соловьева, Сухи-

нова и Мазолевскаго, которые уже давно находились въ Нерчинскѣ. Вступивъ въ близкія сношенія съ нѣкоторыми изъ ссыльно-каторжныхъ, Сухиновъ замыслилъ съ ними возстаніе, дальнѣйшая цѣль котораго осталась не совсѣмъ извѣстна; нѣкоторое изъ тѣхъ же ссыльныхъ донесли о заговорѣ, въ которомъ они участвовали. Сухиновъ, Соловьевъ, Мазолевскій и всѣ подозрѣваемые въ заговорѣ были заключены подъ строгій караулъ. Комендантъ Лепарскій, по донесеніи въ Петербургъ объ этомъ дѣлѣ, получилъ повелѣніе подвергнуть виновныхъ наказанію, къ какому судъ приговоритъ ихъ, не дожидаясь на то разрѣшенія высочайшей власти. Скрѣпя сердце, Лепарскій отправился въ Нерчинскъ. Сухиновъ, унтеръ-офицеръ Московскаго полка, сосланный послѣ 14-го декабря, и еще нѣсколько человѣкъ приговорены къ смертной казни,—были разстрѣляны, кромѣ Сухинова, который предупредилъ казнь самоубійствомъ. Послѣ этого происшествія Соловьевъ и Мазолевскій, нисколько въ немъ не участвовавшіе, были перевезены въ Читу. Лепарскій не имѣлъ возможности не быть исполнителемъ повелѣнія, полученнаго изъ Петербурга; но по возвращеніи ему видимо было неловко, особенно когда онъ видѣлся съ нашими дамами, которыя долго смотрѣли на него, какъ на палача.—До моего пріѣзда были и между нашими разнаго рода предположенія о возможности освободиться, но такъ какъ всѣ эти предположенія были несбыточны, они пали сами собой, безъ малѣйшихъ послѣдствій, и мы, пріѣхавшіе послѣ, знали о нихъ только по разсказамъ. Впослѣдствіи, когда всѣ и каждый оцѣнили то назначеніе, какое мы имѣли въ нашемъ положеніи, никому на мысль не приходило намѣреніе освободиться. Никто даже изъ находившихся на поселеніи, въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, не попытался избавиться отъ своихъ страданій бѣгствомъ.

Отъ своихъ мы получали письма черезъ коменданта, который долженъ былъ предварительно прочитать ихъ. Самимъ же намъ не было дозволено писать, но наши

дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ было угодно, взяли на себя трудъ извѣщать о насъ, родныхъ, и такимъ образомъ устроилась между нами и нашими родными довольно правильная переписка. Каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, и переданное ей отъ кого нибудь черновое письмо она переписывала какъ будто отъ себя, прибавивъ только: «Такой-то проситъ меня сообщить вамъ то-то». Трудъ нашихъ дамъ по нашей перепискѣ былъ немаловаженъ. Я знаю, что одна княгиня Трубецкая переписывала и отправляла къ коменданту еженедѣльно болѣе десяти писемъ. Дамы, пріѣхавшія къ своимъ мужьямъ, давали росписки въ томъ, что онѣ подчинятся всѣмъ распоряженіямъ коменданта и помимо его ни съ кѣмъ не будутъ въ перепискѣ. Коменданту на каждой недѣлѣ приходилось, по прибытіи и передъ отправленіемъ почты, прочесть писемъ сто. Всѣ письма изъ Читы шли черезъ третье отдѣленіе, и комендантъ читалъ ихъ на случай, что можетъ быть запросъ по какому нибудь изъ этихъ писемъ. Письма же къ намъ читались въ Иркутскѣ, и если губернаторъ находилъ въ нихъ что нибудь заслуживающее вниманія, то онъ сообщалъ объ этомъ въ третье отдѣленіе. Комендантъ читалъ и эти письма, опасаясь опять, чтобы ему по которому нибудь изъ нихъ не сдѣлали запроса. Однажды, скоро по прибытіи Фонфизиной, меня позвали къ частоколу, у котораго стояла княгиня Трубецкая съ письмомъ въ рукѣ; она мнѣ просунула его сквозь промежутокъ въ частоколѣ и съ радостью передала мнѣ добрую вѣсть, что женѣ моей позволено пріѣхать ко мнѣ и взять съ собой дѣтей. Это извѣстіе было такъ неожиданно для меня, что я, не смѣя сомнѣваться въ словахъ княгини Трубецкой, не вдругъ могъ повѣрить своему счастью. Всѣ въ казематѣ меня поздравляли. У Никиты Муравьева, у Фонвизина и у Давыдова остались дѣти, которымъ, можно было теперь надѣяться, позволятъ пріѣхать къ

своимъ родителямъ; у Розена осталась жена при малолѣтнемъ сынѣ, и Розенъ также могъ теперь надѣяться скоро свидѣться съ своимъ семействомъ. На другой день комендантъ, пріѣхавъ въ казематъ, взялъ меня въ сторону и, зная, что жена моя съ дѣтьми собирается пріѣхать ко мнѣ, объявилъ мнѣ, что онъ не дозволитъ имъ со мной свиданія, если на это не получитъ особеннаго предписанія. Я старался увѣритъ его превосходительство, что, конечно, жена моя не отправится въ Сибирь съ дѣтьми, не получивъ на то дозволенія отъ кого слѣдуетъ, и что, конечно, объ этомъ онъ будетъ извѣщенъ до ея прибытія. Вскорѣ потомъ я получилъ письмо, въ которомъ жена моя переписала записку, полученную ею отъ г-ла Дибича, за собственноручной его подписью, и въ которой было сказано: государь императоръ соизволилъ разрѣшить Якушкиной ѣхать къ мужу, взявши съ собой и дѣтей своихъ, но при семъ приказалъ обратить ея вниманіе на недостатокъ средствъ въ Сибири для воспитанія ея сыновей. Получивъ такое благопріятное извѣстіе, я въ правѣ былъ надѣяться, что въ скоромъ времени соединюсь съ моимъ семействомъ. Жена моя, по нездоровью маленькаго, не могла тотчасъ воспользоваться позволеніемъ ѣхать въ Сибирь и должна была отложить свое путешествіе до лѣтняго пути; а между тѣмъ Анна Васильевна Розенъ, узнавши, что женѣ моей позволено ѣхать въ Сибирь и взять съ собой дѣтей, отправилась въ Петербургъ хлопотать, чтобы и ей было дозволено ѣхать къ мужу вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. При свиданіи съ ней шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ рѣшительно отказалъ ей на ея просьбу, сказавъ, что г-лъ Дибичъ поступилъ очень необдуманно, ходатайствуя за Якушкину, которая вѣроятно не получитъ уже изъ третьяго отдѣленія всего нужнаго для своего отправленія и потому также не поѣдетъ въ Сибирь. На вопросъ А. В. Розенъ, что бы было съ Якушкиной, если бы она, получивъ высочайшее позволеніе, тотчасъ

вмѣстѣ съ дѣтьми отправилась къ мужу: въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ шефъ жандармовъ очень откровенно, ее, конечно, не вернули бы назадъ. Въ это время началась война съ Турціей, и потому ни императора, ни г-ла Дибича не было въ Петербургѣ. Теща моя ѣздила не разъ въ Петербургъ хлопотать объ отправленіи дочери и внуковъ своихъ въ Сибирь, но всѣ старанія остались тщетными. Шефъ жандармовъ, на всѣ ея убѣдительныя просьбы, остался непреклоненъ и она съ горестью извѣстила меня обо всемъ этомъ. Получивъ ея письмо, мнѣ живо представилось положеніе жены моей; мнѣ приходилось вторично принести ее въ жертву общимъ нашимъ обязанностямъ къ малолѣтнимъ дѣтямъ; я при этомъ совершенно растерялся. Попросивъ къ себѣ коменданта, я убѣждалъ его вступиться въ мое положеніе и сдѣлать все, что онъ можетъ, для соединенія меня съ моимъ семействомъ, обращая его вниманіе на то, что жена моя уже имѣла высочайшее позволеніе вмѣстѣ съ дѣтьми пріѣхать ко мнѣ. Комендантъ просилъ меня успокоиться, сказавъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ не имѣетъ никакой возможности принять дѣйствительное участіе; потомъ, чтобы утѣшить меня въ моемъ горѣ, онъ разсказалъ мнѣ о многихъ затрудненіяхъ, испытанныхъ имъ въ жизни, и которыя онъ преодолѣвалъ только терпѣніемъ, чѣмъ, конечно, онъ нисколько меня не утѣшилъ. Но и на этотъ разъ опять пришлось уступить всемощной неизбѣжности и помириться, сколько это было можно, съ моимъ положеніемъ.

Швейковскій слишкомъ годъ былъ нашимъ хозяиномъ; кормилъ онъ насъ довольно плохо и очень неопрятно; вообще его распоряженіями по хозяйству многіе были недовольны, и молодежь въ особенности изъявляла на него свое неудовольствіе, вслѣдствіе чего Швейковскій просилъ освободить его отъ должности хозяина; на что всѣ согласились и приступили къ выбору новаго хозяина. При этомъ собирались голоса всѣхъ участвующихъ въ артели. Не чувствуя себя спо-

собнымъ исполнить обязанность хозяина, я отказался отъ избранія и избирательства. На мѣсто Швейковскаго былъ выбранъ Розенъ: при немъ, съ тѣми же малыми средствами, все по хозяйству пошло лучше.— Съ наступленіемъ весны загородили для насъ большое мѣсто подъ огородъ, и мы всякій день, по нѣскольку человѣкъ, ходили туда работать. Въ первый этотъ годъ урожай былъ очень плохой; но все-таки, въ продолженіе осени и зимы, клалось въ нашу артельную похлебку по нѣскольку картофелинъ, рѣпъ и морковей. Когда стало совсѣмъ тепло, насъ водили два раза въ день купаться, человѣкъ по пятнадцати за одинъ разъ и, разумѣется, за сильнымъ конвоемъ. Для нашего купанья назначилъ комендантъ очень мелкій притокъ рѣчки Читы, впадающей въ Ингоду; мѣсто, гдѣ мы купались, было загорожено тыномъ. Съ тѣхъ, которые шли купаться, снимали желѣза, а по возвращеніи опять ихъ надѣвали имъ.

Въ іюнѣ привезли въ Читу Лунина, Митькова и Кирѣева, и скоро потомъ прибыли изъ Оренбурга (Иппол. Завалишинъ, по просьбѣ своего брата, также переведенъ былъ къ намъ изъ Нерчинскихъ заводовъ) Таптыковъ, Дружининъ и Колесниковъ. Завалишину было не болѣе какъ лѣтъ семнадцать. Во время нашего дѣла онъ находился въ инженерномъ училищѣ. Когда братъ его былъ осужденъ въ каторжную работу, онъ сдѣлалъ на него доносъ до такой степени отвратительный, припутавъ тутъ и сестру свою, что онъ былъ исключенъ изъ училища и отправленъ по пересылкѣ солдатомъ въ Оренбургъ. Владимірскій губернаторъ г-фъ Апраксинъ сжалился надъ его молодостью и оказалъ ему нѣкоторое снисхожденіе. Завалишинъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ, и графъ Апраксинъ лишился своего мѣста. По прибытіи въ Оренбургъ Завалишинъ сблизился съ нѣкоторыми юнкерами и молодыми офицерами своего батальона; бывши неглупъ отъ природы и получивши нѣкоторое образованіе, онъ имѣлъ значеніе

между этой молодежью и скоро пріобрѣлъ ея довѣренность. Въ дружескихъ бесѣдахъ, за стаканомъ чаю съ кизляркой, онъ склонилъ молодыхъ людей участвовать въ тайномъ обществѣ, котораго онъ былъ основателемъ; получивъ несомнѣнныя доказательства ихъ согласія принадлежать къ тайному обществу, онъ донесъ ген.-губернатору Эссену о существованіи тайнаго общества въ Оренбургѣ; тотчасъ было произведено слѣдствіе, и оказалось, что всѣ члены этого общества были приняты Завалишинымъ. Онъ, Таптыковъ, Дружининъ и Колесниковъ были осуждены въ каторжную работу на разные сроки и отправлены по пересылкѣ въ Читу.

30-го августа комендантъ собралъ насъ всѣхъ вмѣстѣ и прочелъ намъ бумагу, въ которой было сказано, что государь императоръ, по представленію коменданта Нерчинскихъ рудниковъ Лепарскаго, дозволилъ ему снять желѣза съ тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которыхъ онъ найдетъ того достойными. Лепарскій сказалъ намъ, что, находя насъ всѣхъ достойными монаршей милости, онъ велитъ со всѣхъ насъ снять оковы. Затѣмъ послѣдовало глубокое молчаніе; послышалось только нѣсколько голосовъ Славянъ, просившихъ, чтобы съ нихъ не снимали оковъ. Комендантъ не обратилъ на это вниманія и приказалъ присутствовавшему тутъ караульному офицеру снять со всѣхъ желѣза, пересчитать ихъ и принести къ нему. Потомъ всѣ эти оковы хранились у Смольянинова, горнаго заводскаго чиновника, женатаго на побочной дочери Якоби, бывшаго генералъ-губернаторомъ въ Иркутскѣ, а она приходилась съ родни Анненкову, который былъ родной внукъ этого Якоби, и потому всегда была возможность добывать отъ Смольянинова эти желѣза по частямъ на разныя подѣлки; изъ нихъ большею частью надѣланы кольца.—Изъ Нерчинска всякій годъ съ нарочнымъ отправлялась серебрянка въ Петербургъ. Анненковъ черезъ Смольянинову отправилъ съ ней письмо къ сво-

ей матери. Офицеръ, бывшій при серебрянкѣ, по пріѣздѣ въ Петербургъ доставилъ письмо Анненкова прямо въ третье отдѣленіе, откуда, по прочтеніи, оно было доставленно Анненковой; а комендантъ Лепарскій получилъ приказаніе Смольянинову, за ея преступный проступокъ, выдержать недѣлю подъ арестомъ.

Послѣ того, что сняли съ насъ желѣза, и самое заточеніе наше было уже не такъ строго. Мужья ходили всякій день на свиданіе къ своимъ супругамъ, а по нездоровью которой-нибудь изъ нихъ мужъ ея оставался ночевать дома. Потомъ мужья и совсѣмъ не жили въ казематѣ, продолжая ходить на работу, когда была ихъ на то очередь.—Врачъ, присланный для насъ изъ Иркутска, оказался очень неискуснымъ, и потому старикъ Лепарскій, часто страдавши разными недугами, поставленъ былъ въ необходимость прибѣгать къ совѣтамъ товарища нашего Вольфа, бывшаго штабъ-лекаря при главной квартирѣ второй арміи. Первоначально Вольфъ неохотно выходилъ изъ каземата и съ своими предписаніями отправлялъ къ Лепарскому Артамона Муравьева, страстно любившаго врачевать; но были и такіе случаи, въ которыхъ присутствіе Вольфа было необходимо. Вызывая къ себѣ Вольфа, коменданту трудно было не позволить ему навѣщать дамъ, когда онѣ были нездоровы. Окончательно Вольфъ получилъ дозволеніе выходить въ сопровожденіи часового всякій разъ, что его помощь нужна была внѣ каземата. Потомъ и намъ дозволялось ходить къ женатымъ, но ежедневно не болѣе какъ по одному человѣку въ каждый домъ, и то не иначе, какъ по особенной запискѣ которой нибудь изъ дамъ, просившей коменданта, подъ какимъ нибудь предлогомъ, позволить такому-то посѣтить ее.

Въ 1829 году на мѣсто Розена былъ избранъ хозяиномъ Пушкинъ, а Кюхельбекеръ огородникомъ. Оба они пристально занялись огородомъ, обрабатывая его наемными работниками, и урожай всего былъ до того

обильный, что Пушкинъ, заготовивъ весь нужный запасъ для каземата, имѣлъ еще возможность снабдить многихъ неимущихъ жителей картофелемъ, свеклой и прочимъ. До нашего прибытія въ Читѣ очень немного было огородовъ, и тѣ, которые были, находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Вообще пребываніе наше въ Читѣ оказалось до нѣкоторой степени благодѣтельно для жителей, принадлежавшихъ къ горному вѣдомству и управляемыхъ горнымъ чиновникомъ. Большая часть изъ нихъ были очень бѣдны, но при насъ они имѣли всѣ средства поправить свое состояніе. Расходы нашихъ дамъ и издержки на казематъ ежегодно простирались тысячъ до ста на ассигнаціи, значительная часть которыхъ истрачивалась въ самой Читѣ, и въ какіе нибудь два года положеніе читинскихъ жителей очевидно улучшилось: они обзавелись всѣмъ нужнымъ для себя; много было настроено новыхъ домиковъ, а старыя строенія приведены въ исправность. Въ этомъ году, когда была хорошая погода, насъ выводили всѣхъ, кромѣ занимавшихъ какую нибудь должность по каземату, на земляную работу: одни заступами копали землю, другіе на тачкахъ возили ее въ Чертову яму,— такъ называли оврагъ возлѣ моста, при выѣздѣ по московской дорогѣ. Работа эта была не изнурительна, всякій работалъ по силамъ своимъ, а иные и совсѣмъ не работали; все это вмѣстѣ было какимъ-то представленіемъ, имѣющимъ цѣлью показать, что государственные преступники употребляются нещадно въ каторжную работу. Въ то же самое время мы ежедневно ходили по три раза въ день купаться, и уже не въ загороженный притокъ Читы, но въ самую Читу; а когда эта рѣчка мельчала, насъ водили купаться въ Ингоду, отстоящую версты на двѣ отъ каземата. Такая прогулка была для насъ очень пріятна, но, конечно, нисколько не забавляла нашихъ конвойныхъ, которымъ, съ ружьемъ на плечѣ, приходилось въ иной день разъ по шести совершить походъ отъ каземата до Ингоды

и обратно. Читинская команда была сбродъ дружины, и большая часть солдатъ, ее составлявшихъ, безпрестанно въ чемъ нибудь нуждались, и такъ какъ мы по возможности удовлетворяли ихъ нуждамъ, то въ ихъ отношеніяхъ къ намъ не было ничего враждебнаго. Мало-по-малу намъ все болѣе предоставлялись льготы. Къ каждому изъ женатыхъ отпускались по нѣскольку человѣкъ въ день, а въ случаѣ нездоровья которой нибудь изъ дамъ, когда нуженъ былъ уходъ за больной, позволялось нѣкоторымъ изъ насъ и ночевать внѣ каземата.

Въ началѣ 1830 года Таптыковъ, Колесниковъ и Дружининъ, окончивши свой срокъ работы, были отправлены на поселеніе; такъ какъ они не получали ничего изъ дому, ихъ снабдили всѣмъ нужнымъ и деньгами. Дружинину дали ящикъ съ табакомъ для доставленія княжнѣ Шаховской въ Иркутскѣ; въ этомъ ящикѣ было двойное дно, и при такомъ устройствѣ онъ заключалъ въ себѣ, тайно, много писемъ, которыя княжна Шаховская должна была доставить по назначенію съ удобнымъ случаемъ. Она извѣстила, что получила табакъ, но ни слова не говорила о письмахъ; это уже казалось довольно странно; но когда съ ней списались и узнали, что она получила табакъ въ бумагѣ, а не въ ящикѣ, какъ онъ былъ отправленъ съ Дружининымъ, то во многихъ это возбудило тревожное чувство. Оказалось впослѣдствіи, что Дружининъ, пересыпавъ табакъ въ бумагу, оставилъ ящикъ у себя; потомъ, прибывъ на мѣсто и познакомившись съ священникомъ села, въ которомъ былъ поселенъ, онъ пожертвовалъ ящикъ, окованный желѣзомъ, въ церковь для сбора денегъ. Окончательно узнавъ свою ошибку, онъ добылъ его обратно и доставилъ княжнѣ Шаховской.

По донесенію Лепарскаго о неудобствахъ заточить насъ въ Акутай, ему было предоставлено избрать мѣсто для постройки казармы, въ которой мы могли бы со-

держаться согласно строгимъ предписаніямъ, даннымъ ему относительно насъ. Онъ ѣздилъ въ Петровскій заводъ и нашелъ удобнымъ построить тамъ для насъ полуказарму. Постройка эта была окончена въ 1830 году, и началась уже переписка, какимъ образомъ отправить насъ изъ Читы, пѣшкомъ или въ повозкахъ. Пришло наконецъ предписаніе отправить насъ пѣшкомъ, но такъ какъ на нашемъ пути были мѣста ненаселенныя, гдѣ кочевали только буряты, то мѣстное начальство должно было принять мѣры для устройства ночлеговъ и для насъ и для команды, насъ сопровождавшей. Въ концѣ августа выступили въ походъ двумя партіями; первая шла на одинъ переходъ впередъ отъ второй партіи; черезъ каждые два перехода была назначена дневка. Съ первой партіей шелъ самъ генералъ Лепарскій и часть его штаба. Хозяйственной частью этой партіи заправлялъ Пушкинъ. При второй партіи шелъ плацъ-маіоръ Лепарскій, племянникъ коменданта, и одинъ плацъ-адютантъ; хозяйствомъ завѣдывалъ Розенъ.

Долго старикъ Лепарскій обдумывалъ порядокъ нашего шествія и, вспомнивъ былое, распорядился нами по примѣру того, какъ во время конфедератской войны онъ конвоировалъ партіи плѣнныхъ поляковъ. Впереди шелъ авангардъ, состоявшій изъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, потомъ шли государственные преступники, за ними тянулись подводы съ поклажей, за которыми слѣдовалъ арьергардъ. По бокамъ и вдоль дороги шли буряты, вооруженные луками и стрѣлами. Офицеры верхомъ наблюдали за порядкомъ всего шествія. Самъ комендантъ иногда отставалъ отъ первой партіи, затѣмъ чтобы собственнымъ глазомъ взглянуть на вторую партію.

Нарышкина, Фонвизина и княгиня Волконская, не имѣвшія дѣтей, слѣдовали за нами въ собственныхъ экипажахъ и видались съ своими мужьями, когда мы останавливались ночевать, а во время дневокъ были съ нами цѣлые дни вмѣстѣ. Другія же дамы: княгиня Тру-

бецкая, Муравьева, Давыдова и Анненкова, у которыхъ были дѣти, чтобы не подвергать ихъ случайностямъ долговременнаго пути, отправились изъ Читы на почтовыхъ прямо въ Петровскій заводъ. Вообще путешествіе это, при довольно благопріятной погодѣ, было для насъ пріятной прогулкой. Во время всего нашего странствованія, продолжавшагося около полутора мѣсяца, было перехода три въ 35 верстъ, остальные переходы были гораздо меньше и никакъ не утомительны; впрочемъ, кто не могъ или не хотѣлъ идти пѣшкомъ, могъ ѣхать на повозкѣ: подводъ для насъ и подъ нашу поклажу, на каждомъ ночлегѣ, заготовлялось многое множество. Поутру, услышавъ барабанъ, мы выходили на сборное мѣсто и часовъ въ семь, опредѣленнымъ порядкомъ, пускались въ походъ. Буряты были къ нашимъ услугамъ и везли наши шинели, трубки и пр. Пройдя верстъ десять или нѣсколько болѣе, мы останавливались на привалѣ, часа на два; тутъ у женатыхъ всегда былъ припасенъ завтракъ, которымъ продовольствовались и неженатые. Обыкновенно мы приходили еще довольно рано на мѣсто ночлега, гдѣ насъ встрѣчали квартирьеры, и мы размѣщались въ приготовленныхъ для насъ избахъ. Исправляющій при партіи должность хозяина отправлялся съ квартирьерами и изготовлялъ для насъ всегда довольно сытный обѣдъ, и вообще продовольствіе наше во время похода было гораздо лучше, нежели въ Читѣ. Проводить большую часть дня на чистомъ воздухѣ и почевать не въ запертомъ душномъ казематѣ, по сравненію, было уже для насъ наслажденіемъ. На переходѣ мы ничѣмъ не стѣснялись, и всякій шелъ, какъ ему было угодно; хорошіе пѣшеходы уходили иногда версты двѣ впередъ авангарда, и только тогда подъѣзжалъ къ нимъ офицеръ и просилъ обождать отставшую партію. На переправахъ генералъ Лепарскій всегда самъ присутствовалъ и съ каждымъ изъ насъ, подходившимъ къ нему, былъ какъ нельзя болѣе любезенъ; въ этихъ случаяхъ можно было подумать, что

онъ воображалъ себя еще командиромъ Сѣверскаго полка. На Братской степи, гдѣ не было довольно большихъ селеній, чтобы мы могли всѣ въ нихъ помѣститься, на каждомъ ночлегѣ для насъ были поставлены бурятскія юрты, всѣ въ одинъ рядъ и на ровномъ разстояніи одна отъ другой; крайнія изъ нихъ занимались командою, а въ прочихъ помѣщались мы. Юрты эти круглыя, имѣютъ основу деревянную, переплетенную узкими драночками, и всѣ обтянуты войлокомъ; наверху оставлено отверстіе для исхода дыма; когда надо было согрѣть чайникъ, огонь раскладывали посреди юрты. Когда было тихо, дымъ свободно подымался въ отверстіе; но при вѣтрѣ онъ клубится и окончательно стелется по землѣ. При каждой юртѣ былъ бурятъ для служенія намъ. Буряты эти при первой встрѣчѣ съ нами прикидывались обыкновенно, какъ-будто ничего не понимаютъ по-русски; но потомъ, когда ихъ кормили, поили чаемъ, давали имъ табаку, они становились говорливы. Исправникъ, давая имъ наставленіе, увѣрялъ ихъ, что мы народъ опасный, и что каждый изъ насъ кудесникъ, способный творить всякаго рода чудеса. Юрты для насъ доставлялись изъ кочевьевъ, отстоявшихъ иногда верстъ за сто отъ большой дороги, и за мѣсяцъ до нашего прихода онѣ были уже на мѣстѣ. Такія распоряженія были, безъ сомнѣнія, разорительны для края, и многіе изъ бурятъ, чтобы не подвергнуться такому наряду, откочевывали въ даль.

На пути отъ Читы въ Верхнеудинскъ пріѣхали къ своимъ мужьямъ М. К. Юшневская и А. В. Розенъ; онѣ привезли много писемъ и посылокъ.

Въ концѣ сентября наступила дождливая погода, вода очень прибыла въ Селенгѣ, и за Верхнеудинскомъ дорога, по которой мы должны были слѣдовать, сдѣлалась непроходима; для насъ проложили другую, прорубивъ мѣстами лѣсъ, и эта дорога была такъ удобна, что Нарышкина въ своей каретѣ могла проѣхать по ней. Берега Селенги очень красивы, но потомъ нашъ путь ле-

жалъ по горамъ, покрытымъ лѣсомъ и не представляющимъ собой ничего особеннаго; зато, когда мы приблизились къ Тарбагатаю, передъ нами развернулся чудесный видъ: всѣ покатости горъ, лежащія на югъ, были обработаны съ такимъ тщаніемъ, что нельзя было довольно налюбоваться на нихъ. Изъ страны совершенно дикой мы вступили на почву, обитаемую человѣкомъ, дѣятельность и постоянный трудъ котораго преодолѣли всѣ препятствія неблагопріятной природы и на каждомъ шагу явно свидѣтельствовали о своемъ могуществѣ. Жители старовѣрческаго этого селенія вышли къ намъ навстрѣчу въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Мужчины были въ синихъ кафтанахъ, а женщины въ шелковыхъ сарафанахъ и кокошникахъ, шитыхъ золотомъ. По наружности и нравамъ своимъ это были уже не сибиряки, а похожіе на подмосковныхъ или ярославскихъ поселянъ. За Байкаломъ считаютъ около двадцати тысячъ старовѣровъ, и туземцы называютъ ихъ поляками. Во время перваго раздѣла Польши графъ Чернышевъ захватилъ въ Могилевской губерніи раскольниковъ, бѣжавшись за-границу, и возвратилъ ихъ въ Россію; имъ было предложено присоединиться къ православной церкви или отправиться въ Сибирь; многіе изъ нихъ перешли въ православіе, другіе же, болѣе упорные въ своемъ вѣрованіи, были отправлены въ Восточную Сибирь и поселены за Байкаломъ. Когда проходили мы Тарбагатай, тамъ жилъ еще старикъ, имѣвшій посѣдѣвшихъ внуковъ и помнившій все это происшествіе. По его разсказамъ, онъ пришелъ шестнадцати лѣтъ въ Иркутскъ, съ своей матерью и малолѣтнимъ братомъ; мать и братъ его, съ другими поселенцами, въ числѣ 27 мужскихъ душъ, были отправлены въ Тарбагатай. Мѣсто это было тогда непроходимая дебрь; самъ же онъ, со всѣми неженатыми парнями, годными на службу, былъ зачисленъ въ солдаты и попалъ въ деньщики къ доктору-нѣмцу, который, сжалясь надъ его бѣдственнымъ положеніемъ, черезъ два года

выхлопоталъ ему отставку. Въ 1830 году, когда мы проходили Тарбагатай, тамъ считалось болѣе 270 ревизскихъ душъ. Вообще забайкальскіе старовѣрцы, большею частью, народъ грамотный, трезвый, работящій и живутъ въ большомъ довольствѣ. Въ 20-ти верстахъ отъ Тарбагатая мы проходили селеніе малороссовъ, водворенныхъ тамъ уже болѣе двадцати лѣтъ; эти живутъ далеко не такъ привольно, какъ ихъ сосѣди-старовѣрцы. За нѣсколько переходовъ до Петровскаго выпалъ небольшой снѣгъ, и мы въ послѣдній разъ ночевали въ юртахъ.

По приближеніи къ Петровскому бывшія тамъ наши дамы выѣхали навстрѣчу къ своимъ мужьямъ; разсказы ихъ о приготовленныхъ для насъ казематахъ были очень неутѣшительны: для каждаго изъ насъ была особая комната безъ оконъ съ крѣпкимъ наружнымъ запоромъ.

Въ началѣ октября мы вступили торжественно въ Петровскій заводъ, селеніе, въ которомъ считалось 3 тысячи жителей, большею частью-ссыльныхъ, очень небогатыхъ, занимавшихся заводскими работами. Казематы, составлявшіе полуказарму, были расположены покоемъ; открытыя стороны полуказармы были загорожены высокимъ частоколомъ, и огромный дворъ полуказармы былъ раздѣленъ такимъ же высокимъ частоколомъ на три отдѣленія; въ среднемъ изъ нихъ, на противоположной сторонѣ воротамъ полуказармы, было поставлено строеніе, заключавшее въ себѣ поварню, разныя службы и очень большую комнату, назначенную для совершенія богослуженій и для общихъ какихъ нибудь нашихъ занятій. При входѣ въ полуказарму была гауптвахта; рядомъ съ ней крытыя ворота, противъ которыхъ находились крыльцо и дверь въ теплую караульню, состоявшую изъ двухъ комнатъ; въ одной изъ нихъ помѣщались рядовые, а другую занималъ караульный офицеръ. Рядомъ съ караульней были ворота, черезъ которыя входили на средній дворъ; примыкающее къ ней мѣсто, такой же величины, какое она

сама занимала, было обнесено частоколомъ и назначалось подъ садъ, но который никогда не былъ посаженъ. Вдоль всѣхъ казематовъ тянулся коридоръ, перерѣзанный только караульней и воротами; коридоръ этотъ, шириной въ три аршина и съ окнами во дворъ, былъ раздѣленъ поперечными стѣнами въ которыхъ были двери, замкнутыя на замокъ и отворявшіяся только въ необыкновенныхъ случаяхъ. Въ каждомъ изъ отдѣленій коридора было пять или шесть нумеровъ, а посрединѣ наружная дверь, передъ которой, вмѣсто крыльца, была, насыпь съ откосами, покрытая булыжникомъ. Казематы были безъ наружныхъ оконъ, и каждый изъ нихъ слабо освѣщался небольшимъ съ желѣзной рѣшеткой окномъ надъ дверью въ коридоръ. Въ длину каждый казематъ имѣлъ 7 арш., а ширина 6 арш., въ одномъ углу была печь, топившаяся изъ коридора, а въ другомъ стояла койка. По прибытіи нашемъ въ Петровскъ меня помѣстили въ 11 нумеръ. Новое жилье мое было очень темно, но я вступилъ въ него съ радостнымъ чувствомъ: тутъ я имѣлъ возможность быть наединѣ съ самимъ собой, чего не случалось въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. На другой день нашего прихода комендантъ обошелъ всѣ казематы; вошедши въ мой нумеръ, онъ заперъ дверь, вынулъ бумагу и, посмотрѣвъ на нее, сказалъ: здѣсь очень темно. Я было сталъ увѣрять его, что мнѣ прекрасно; но онъ опять сказалъ, что у меня очень темно, и вышелъ. То же повторялось и во всѣхъ прочихъ нумерахъ. Комендантъ очень зналъ и прежде, что для насъ строили казематы безъ оконъ, но тогда онъ не имѣлъ возможности противиться такому распоряженію высшаго начальства, и только теперь рѣшился дѣйствовать въ нашу пользу, когда посвоему разумѣнію имѣлъ на это законную причину. Онъ представилъ въ Петербургъ, что, замѣтивъ, какъ мы вообще наклонны къ помѣшательству, онъ опасается, что многіе изъ насъ, оставаясь въ темнотѣ, могутъ сойти съ ума, и потому проситъ разрѣшенія прорубить окна въ казематахъ.

Дамы наши также, частью по внушенію коменданта, нисколько не стѣснялись въ письмахъ своихъ описывать ужасное свое положеніе въ темныхъ казематахъ, въ которыхъ онѣ помѣщались съ своими мужьями. По прибытіи въ Петровскій, комендантъ объявилъ дамамъ, что мужья ихъ не будутъ отпускаться къ нимъ на свиданіе, а что онѣ сами могутъ жить съ ними въ казематахъ, вслѣдствіе чего не имѣвшія тогда дѣтей: кн. Волконская, Юшневская, Фонвизина, Нарышкина и Розенъ перешли на житье въ нумера къ своимъ супругамъ; прочія же, у которыхъ были дѣти: кн. Трубецкая, Муравьева, Анненкова и Давыдова, ночевали дома, а днемъ приходили навѣщать мужей своихъ. Такъ какъ строго запрещалось пропускать къ нимъ кого-нибудь изъ посторонниxъ, то дамы, жившія въ казематахъ, не имѣли при себѣ женской прислуги и всякое утро, какая бы ни была погода, отправлялись въ свои дома, чтобы освѣжиться и привести все нужное въ порядокъ. Больно было видѣть ихъ когда онѣ, въ непогодь или трескучіе морозы, отправлялись домой или возвращалась въ казематы: безъ посторонней помощи онѣ не могли всходить по обледенѣлому булыжнику на скаты насыпи; по впослѣдствіи имъ было дозволено на этихъ скатахъ устроить деревянныя ступеньки на свой счетъ. При такомъ сложномъ существованіи строгія предписанія изъ Петербурга не всегда съ точностью могли быть исполнены. Нарышкина, жившая въ казематѣ съ своимъ мужемъ, занемогла простудной горячкой, и Вольфъ отправился къ коменданту и объяснилъ ему, что для Нарышкиной необходимо имѣть женскую прислугу. Комендантъ долго колебался, но наконецъ рѣшился дозволить, чтобъ во время болѣзни Нарышкиной ея горничная дѣвушка находилась при ней. Скоро потомъ Никита Муравьевъ занемогъ гнилой горячкой; бѣдная его жена и день и ночь была неотлучно при немъ, предоставивъ на произволъ судьбы маленькую свою дочь Нонушку, которую она страстно любила и за жизнь которой безпрестанно

опасалась. Въ этомъ случаѣ Вольфъ опять отправился къ коменданту и объяснилъ ему, что Муравьевъ, оставаясь въ казематѣ, не можетъ выздоровѣть и можетъ распространить болѣзнь свою на другихъ. Комендантъ и тутъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, рѣшился позволить Муравьеву, на время его болѣзни, перейти изъ каземата въ домъ жены его.

Казематы наши были выстроены на скорую руку и такъ неудачно, что въ нихъ безпрестанно были поправки; не разъ загорались стѣны, ничѣмъ неотдѣленныя отъ печей; стѣны коридора выпучило наружу, и пришлось утвердить ихъ стойками и болтами. Въ нумерахъ было не очень тепло, а въ коридорѣ иногда и очень холодно, такъ что не всегда было возможно отворять дверь въ коридоръ, чтобы имѣть сколько-нибудь свѣта, и приходилось сидѣть днемъ со свѣчей. По случаю передѣлокъ въ 11 нумерѣ, меня перевели въ 16-й, и въ этомъ 3-мъ отдѣленіи мы помѣщались теперь: Оболенскій, Штейнгель, Пущинъ, Лореръ и я. Обѣдали и ужинали мы всѣ вмѣстѣ въ коридорѣ, и въ каждомъ отдѣленіи былъ сторожъ изъ рядовыхъ для услуги намъ. Днемъ мы могли свободно ходить изъ своего отдѣленія во всякое другое; но вечеромъ въ десять часовъ запирались на замокъ всѣ нумера и коридоръ по отдѣленіямъ; потомъ замыкались и ворота на каждый отдѣльный дворъ и окончательно наружныя ворота полуказармы, такъ что каждый изъ насъ всегда ночевалъ подъ четырьмя замками. Работать мы ходили на мельницу такимъ же порядкомъ, какъ въ Читѣ, и мука нашего издѣлія была только пригодна на кормъ заводскихъ быковъ. Въ продолженіе всего дня въ субботу и до обѣда въ воскресенье насъ водили поочередно въ баню. Для общей нашей прогулки былъ предоставленъ намъ большой дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ и примыкавшій къ полуказармѣ, отъ которой онъ отдѣлялся также частоколомъ, сообщаясь воротами съ среднимъ дворомъ полуказармы, которыя

запирались только на ночь. На этомъ дворѣ было нѣсколько небольшихъ деревьевъ, и мы расчистили на немъ дорожки, по которымъ во всякое время можно было гулять. Охотники до животныхъ завели тутъ козуль, зайцевъ, журавлей и турмановъ; а зимой устраивались горы, и поливалось нѣкоторое пространство для тѣхъ, которые катались на конькахъ. Живущія съ нами дамы приходили взглянуть на наши общія увеселенія и иногда сами принимали въ нихъ участіе, позволяя скатить себя съ горъ. На отдѣльныхъ дворахъ многіе изъ насъ имѣли гряды съ цвѣтами, дынями и огурцами и пристально занимались лѣтомъ произведеніемъ плодовъ земныхъ, что было сопряжено съ большими затрудненіями по причинѣ неблагопріятнаго климата въ Петровскомъ.

Нѣкоторые изъ не имѣвшихъ собственныхъ средствъ для существованія и получавшіе все нужное отъ другихъ тяготились такой зависимостью отъ своихъ товарищей, и поэтому случаю возникли разнаго рода неудовольствія. Наконецъ образовался кружокъ недовольныхъ. По прибытіи въ Петровскій они отнеслись къ коменданту, прося его, чтобы онъ исходатайствовалъ имъ денежное пособіе отъ правительства. Такой поступокъ очень огорчилъ старика Лепарскаго: онъ смотрѣлъ на насъ какъ на людей порядочныхъ и всегда отзывался съ похвалой о нашемъ согласіи и устройствѣ. Какъ комендантъ, онъ не могъ не обратить вниманія на дошедшую до него просьбу нѣкоторыхъ изъ государственныхъ преступниковъ и потому отправилъ плацъ-маіора навести справки о тѣхъ, которые желали получить вспомоществованіе отъ правительства.

Между тѣмъ это происшествіе въ казематахъ произвело тревогу. Всѣ были въ негодованіи противъ просившихъ пособія отъ правительства; съ ними вступили въ переговоры и успѣли отклонить ихъ отъ намѣренія отдѣлиться отъ артели, и когда пришелъ плацъ-маіоръ въ казематы съ допросомъ, все уже было улажено, и

ему поручили просить коменданта не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу. Тотчасъ потомъ Поджіо, Вадковскій и Пущинъ занялись составленіемъ письменнаго учрежденія для артели. Въ силу этого учрежденія выбирались три главные чиновника для управленія всѣми дѣлами артели: хозяинъ, закупщикъ и казначей; послѣ нихъ выбирались огородники и члены артельной коммиссіи. Всѣ участвовавшіе въ артели имѣли голосъ при выборахъ; первоначально выбирались кандидаты въ должности, и изъ нихъ уже баллотировались въ самыя должности. Хозяинъ завѣдывалъ всѣми дѣлами по хозяйству, отъ него зависѣла закупка съѣстныхъ припасовъ, кухня и проч.; закупщикъ нѣсколько разъ въ недѣлю выходилъ изъ каземата для покупки всего нужнаго для частныхъ лицъ. Казначей велъ всѣ счеты и занимался выпиской по частнымъ издержкамъ; всѣ трое они часто имѣли совѣщанія между собой для распредѣленія суммъ, принадлежащихъ артели. Огородникъ завѣдывалъ нашимъ огородомъ, въ которомъ не было никогда обильнаго урожая, по той причинѣ, что климатъ Петровскаго былъ очень неблагопріятенъ для растительности: рѣдкій годъ даже картофель не побивало утреннимъ морозомъ. Впрочемъ всѣ овощи доставлялись къ намъ въ обиліи окрестными поселянами. Верстъ 25 отъ Петровскаго и хлѣбъ и вся огородина производились съ успѣхомъ. Члены временной коммиссіи, въ числѣ трехъ, по-временамъ занимались повѣркой счетовъ хозяина, закупщика и казначея. Кромѣ постоянныхъ чиновниковъ артели, наряжались по очереди изъ насъ дневальные на кухню для наблюденія за порядкомъ приготовленія кушанья. Въ Петровскомъ общественный сборъ очень увеличился; все, что тратилось прежде на вспоможенія частныя, подписывалось теперь въ артель, и изъ общей суммы приходилось ежегодно на часть каждаго изъ участвовавшихъ въ артели болѣе нежели по 500 р. на асс. Хозяинъ, закупщикъ и казначей совѣщались между собой, опредѣляли, что при-

ходится въ какой мѣсяцъ на каждаго человѣка за общимъ расходомъ на чай, сахаръ и обѣдъ. Это опредѣленная сумма предоставлялась въ распоряженіе каждаго изъ участвовавшихъ въ артели. Такимъ распоряженіемъ прекратилась зависимость однихъ лицъ отъ другихъ, и не было уже болѣе причины къ непріятнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжнымъ столкновеніямъ, какъ было прежде. Чтобы каждый изъ участвовавшихъ въ артели имѣлъ наиболѣе денегъ въ своемъ распоряженіи, расходы на чай, сахаръ и обѣдъ очень ограничились: на мѣсяцъ выдавалось на каждаго человѣка по $1/_3$ фунта чаю, по два фунта сахару и по двѣ небольшихъ пшеничныхъ булки въ день; обѣдъ состоялъ изъ тарелки щей и очень небольшаго куска жареной говядины; сколько-нибудь и того и другаго надо было удѣлить для сторожа, который питался отъ нашихъ крохъ. Ужинъ былъ еще скуднѣй обѣда, и случалось очень часто вставать отъ трапезы полуголоднымъ, что могло быть не безполезно для многихъ изъ насъ при образѣ нашей жизни. Нѣкоторые за чай сахаръ и обѣдъ получали деньгами изъ артели и сами пеклись о своемъ продовольствіи. Впрочемъ собственно денегъ никто изъ насъ въ казематѣ не могъ имѣть у себя въ рукахъ, и всѣ частные расходы производились черезъ казначея при общей выпискѣ, для чего нѣсколько разъ въ недѣлю приходилъ писарь горнаго вѣдомства съ особенной книгой, въ которую, со словъ казначея, записывалось, кому и что слѣдовало заплатить внѣ каземата, и означалось, изъ чьихъ денегъ, подписанныхъ въ артель, слѣдовало произвести уплату. Весь этотъ порядокъ существованія артели не измѣнялся во время нашего пребыванія въ Петровскомъ. Кромѣ общихъ учрежденій для артели составилась еще маленькая артель. Въ маленькую артель вносилъ всякій, кто сколько могъ или хотѣлъ, а изъ этихъ взносовъ составлялась сумма, предназначенная для надѣленія не имущихъ при отправленіи ихъ на поселеніе. Для увеличенія суммы въ

маленькой артели управляющіе ею выписывали сами нѣкоторые журналы и, имѣя въ своемъ распоряженіи журналы, выписываемые женатыми, предоставляли каждому пользоваться ими за небольшую плату. Число періодическихъ изданій, получавшихся въ Петровскомъ, доходило до 22-хъ; библіотеки также увеличились, и во всѣхъ въ нихъ вмѣстѣ считалось до 6 тысячъ книгъ, и при библіотекахъ много было географическихъ атласовъ и картъ. Вообще въ Петровскомъ всякій имѣлъ много средствъ при своихъ занятіяхъ какимъ бы то ни было предметомъ.

Въ апрѣлѣ 1831 г. вышло разрѣшеніе изъ Петербурга прорубить окно въ казематахъ. Въ бумагѣ военнаго министра Чернышева, отъ котораго мы непосредственно зависѣли, были исчислены всѣ милости, оказанныя намъ государемъ императоромъ, и между прочимъ было сказано, что государь, еще въ Читѣ, приказалъ снять съ насъ оковы, и по собственному побужденію своего милосердія соизволилъ приказать прорубить окно въ казематахъ государственныхъ преступниковъ. Въ каждомъ казематѣ было прорублено небольшое окно, на два аршина съ половиной отъ пола, и человѣкъ средняго роста могъ видѣть только небо сквозь это окно. Послѣ того что прорубили окна въ казематахъ происходили, почти въ продолженіе цѣлаго года, безпрестанныя поправки и передѣлки; многія печи пришлось сломать и на мѣсто ихъ сложить другія, потомъ изнутри штукатурились казематы и коридоръ. Во время всѣхъ этихъ улучшеній приходилось жить намъ въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи; но когда все пришло въ порядокъ, намъ было несравненно лучше прежняго. Въ казематѣ было довольно свѣта, и не было уже необходимости при дневныхъ своихъ занятіяхъ отворять дверь въ коридоръ.

Лѣтомъ 1831 года Кюхельбекеръ и Рѣпинъ, кончившіе свой срокъ работы, были отправлены на поселеніе; первый былъ водворенъ въ Баргузинѣ, а Рѣпина посе-

лили въ небольшой деревушкѣ на Ленѣ. Кюхельбекеръ служилъ въ гвардейскомъ экипажѣ и усердно участвовалъ въ происшествіи 14-го дакабря. Получивши въ корпусѣ хорошее образованіе, онъ сопутствовалъ Лазареву при путешествіи его къ Новой Землѣ и потомъ вокругъ свѣта. Дѣятельный по привычкѣ и по природѣ, отлично добрый малый, въ Читѣ и въ Петровскомъ онъ былъ на услугу всѣмъ и каждому и мало тяготился тюремной жизнью. Въ Баргузинѣ онъ не нашелъ для себя никакого общества и, не имѣя никакихъ внѣшнихъ побужденій къ умственной дѣятельности, принялся трудиться для собственнаго пропитанія. Въ первыя года онъ собственными руками расчистилъ и распахалъ нѣсколько десятинъ и засѣялъ ихъ хлѣбомъ, но такая дѣятельность не спасла его отъ искушеній. Сблизившись съ одной баргузинской мѣщанкой, онъ сперва крестилъ у нея ребенка, а потомъ на ней женился. Крестникъ его умеръ, но не былъ вписанъ въ метрику, изъ чего по доносу дьячка, возникло дѣло, доходившее до синода. Синодъ призналъ бракъ незаконнымъ, и Кюхельбекера, разлучивъ съ его симействомъ, перевели въ Елатскую волость, верстъ за 500 отъ Баргузина. Тутъ Кюхельбекеръ написалъ отчаянное письмо сестрѣ своей, жалуясь на жестокость, съ какой поступили съ нимъ, разлучивъ его съ женой и малолѣтней дочерью. Всѣдствіе этого письма его возвратили въ Баргузинъ, но обязали не сожительствовать съ незаконной своей супругой. Все это вмѣстѣ поставило Кюхельбекера въ столь затруднительное положеніе, при которомъ нетрудно было потеряться.

Рѣпинъ, воспитанный подъ руководствомъ своего дяди адмирала Карцева, отъявленнаго вольтерьянца, въ молодыхъ еще лѣтахъ ознакомился съ французскими писателями осьмнадцатаго вѣка и принялъ ихъ общія воззрѣнія на предметы. Онъ имѣлъ отличную память и замѣчательныя качества ума, а потому и разговоръ его былъ всегда оживленъ и очень занимателенъ. Въ

Читѣ онъ взялъ у меня прочесть Исторію Философіи Буле, причемъ было много толковъ о разнаго рода умозрѣніяхъ, къ которымъ онъ имѣлъ весьма большое уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ отзывался о христіанствѣ очень неуважительно. Онъ никогда не читалъ библіи, я и уговорилъ его прочесть Новый Завѣтъ; къ крайнему моему удивленію, болѣе всего поразила его мистическая часть христіанства, причемъ онъ нашелъ возможность отыскать сближеніе между христіанами и неоплатониками. Весьма воспріимчивый по природѣ своей, онъ не очень терпѣливо переносилъ заточеніе и рвался на свободу. Изгнанническая его жизнь недолго продолжалась на поселеніи. Нѣкоторые изъ государственныхъ преступниковъ, находившихся на поселеніи, въ томъ числѣ А. Бестужевъ, Чернышевъ, Кривцовъ и Голицынъ, были переведены на Кавказъ рядовыми. Андреевъ, котораго везли на Кавказъ черезъ селеніе, гдѣ былъ поселенъ Рѣпинъ, остановился у него переночевать, и они оба въ эту ночь сгорѣли. Нарядили по этому дѣлу слѣдствіе, но не могли доискаться, по какому случаю сгорѣлъ домъ, въ которомъ жилъ Рѣпинъ. Нѣкоторыя его вещи, находившіеся внѣ дома, уцѣлѣли и были отправлены къ его сестрѣ.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Сулима былъ первый изъ постороннихъ лицъ, посѣтившихъ насъ. Его предшественникъ Лавинскій, во время своего пребыванія въ Читѣ, не удостоился этой чести, по той причинѣ, что онъ былъ не военный; и генералъ Лепарскій не находился подъ его начальствомъ. Генералъ Сулима, бывши по службѣ старше г-ла Лепарскаго, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственный его начальникъ. Лепарскій въ мундирѣ и шарфѣ сопровождалъ его и потомъ удалился, когда Сулима, собравши насъ въ кружокъ, спрашивалъ, не имѣемъ ли мы принести какихъ жалобъ. Получивши въ отвѣтъ, что мы всѣмъ довольны, онъ насъ благодарилъ и сказалъ, что почитаетъ за долгъ донести до свѣдѣнія его императорскаго

величества о томъ, что мы съ покорностью и примѣрнымъ терпѣніемъ несемъ участь свою. Вообще онъ былъ съ нами весьма любезенъ.

Въ 1832 году меня извѣстили, что жена моя отправилась въ Петербургъ хлопотать о дозволеніи пріѣхать ко мнѣ въ Сибирь и потомъ я узналъ, что ей отказали въ ея просьбѣ. Въ бумагѣ шефа жандармовъ было сказано, что такъ какъ Якушкина не воспользовалась своевременно дозволеніемъ, даннымъ женамъ преступниковъ слѣдовать за своими мужьями, и такъ какъ пребываніе ея при дѣтяхъ болѣе необходимо, чѣмъ пребываніе ея съ мужемъ, то государь императоръ не соизволилъ разрѣшить ей ѣхать въ Сибирь. Скоро потомъ мнѣ писали, что мои сыновья могутъ быть приняты въ корпусъ малолѣтнихъ, а оттуда поступятъ въ Царскосельскій лицей. Я отклонилъ отъ нихъ такую милость на которую они не имѣли другого права, какъ развѣ только то, что отецъ ихъ былъ въ Сибири. Воспользоваться такимъ обстоятельствомъ, для выгоды моихъ сыновей, было бы непростительно, и я убѣдительно просилъ жену мою ни подъ какимъ предлогомъ не разлучаться съ дѣтьми своими.

Совсѣмъ неожиданно привезли къ намъ въ Петровскій Сосиновича, поляка, судившагося въ Гродно по дѣлу Воловича и другихъ эмиссаровъ. Изъ всѣхъ судимыхъ съ нимъ вмѣстѣ онъ одинъ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ, но по преклонности лѣтъ и потому, что былъ совершенно слѣпъ, его избавили отъ работы и сослали на заключеніе въ одну изъ крѣпостей Восточной Сибири. Въ Восточной Сибири нѣтъ ни одной крѣпости. Г-лъ-губернаторъ Сулима былъ очень затрудненъ, не зная, что ему дѣлать съ Сосиновичемъ; наконецъ онъ рѣшился послать его въ Петровскій для помѣщенія съ нами въ казематъ. Сосиновичъ былъ истый полякъ, человѣкъ не глупый, и изъ словъ его можно было заключить, что онъ ловкими отвѣтами долго затруднялъ грозныхъ судей своихъ, что конечно не рас-

положило въ его пользу. Вмѣстѣ съ нимъ судился 15-ти-лѣтній сынъ его, котораго подвергли розгамъ, чтобы принудить къ показаніямъ на своего отца. На очной ставкѣ съ сыномъ старикъ Сосиновичъ признался, что къ нему заѣзжалъ одинъ изъ эмисаровъ, и что онъ далъ ему проводника на возвратномъ его пути заграницу. Сынъ Сосиновича былъ отправленъ на Кавказъ служить рядовымъ, жена и дочь его остались безъ куска хлѣба; не смотря на все это, Сосиновичъ не унывалъ. Прибывши къ намъ онъ безъ малѣйшаго износа поступилъ въ артель и пользовался общими выгодами.

Въ это время содержаніе наше далеко было не такъ строго, какъ оно было по прибытіи въ Петровскій, и изъ опасенія пожара дверь въ казематахъ не запиралась ночью, какъ прежде, на замокъ. Въ случаѣ нездоровья женъ своихъ женатые отпускались домой, но обыкновенно они и даже нѣкоторыя изъ дамъ жили въ казематѣ.

Въ сентябрѣ Александра Григорьевна Муравьева приходила въ казематъ къ своему мужу; день былъ теплый; она была легко одѣта и, возвращаясь вечеромъ домой, сильно простудилась; послѣ трехмѣсячныхъ страданій она скончалась. Кончина ея произвела сильное впечатлѣніе не только на всѣхъ насъ, но и во всемъ Петровскомъ, и даже въ казармѣ, въ которой жили каторжные. Изъ Петербурга, когда узнали тамъ о кончинѣ Муравьевой, пришло повеленіе, чтобы жены государственныхъ преступниковъ не жили въ казематахъ, и чтобы ихъ мужья отпускались ежедневно къ нимъ на свиданіе. Затѣмъ и мы всѣ выходили ежедневно по нѣскольку человѣкъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ это было въ Читѣ. А между тѣмъ, при всѣхъ этихъ льготахъ, безпрестанно проявлялясь неловкость нашего положенія и особенно положеніе женатыхъ. Никита Муравьевъ, черезъ нѣсколько времени послѣ кончины жены, получилъ приказаніе отъ коменданта перейти въ казематъ и ему

приходилось оставить дочь свою, маленькую Нонушку, не имѣя при ней даже няни, на попеченіе которой онъ могъ бы вполнѣ положиться; къ тому же дочь его была очень некрѣпкаго здоровья, и онъ безпрестанно за нее опасался. Услыхавъ о такомъ его горестномъ положеніи и зная, что онъ самъ не рѣшится вступить въ переговоры съ комендантомъ, я просилъ дежурнаго офицера доложить генералу, что я имѣю надобность съ нимъ видѣться. Черезъ часъ меня позвали на гауптвахту къ коменданту; когда мы остались съ нимъ вдвоемъ, я просилъ его отмѣнить сдѣланное имъ распоряженіе относительно Никиты Муравьева и не разлучать отца съ малолѣтней его дочерью, на что Лепарскій мнѣ отвѣчалъ, довольно сурово, своимъ обычнымъ словомъ „не могу", опираясь на данныя ему предписанія относительно нашего содержанія, нарушеніе которыхъ подвергло бы его строгому взысканію. Тутъ я ему замѣтилъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ поступаетъ очень непослѣдовательно, если захочетъ непремѣнно исполнить данныя ему предписанія, тогда какъ онъ не разъ прежде нарушалъ ихъ, когда находилъ слишкомъ жестокими. Наконецъ онъ согласился оставить Никиту Муравьева дома, сказалъ мнѣ: „Смотрите, если изъ этого выйдетъ мнѣ какая-нибудь непріятность, то я буду жаловаться на васъ вашему другу Граббе". Лепарскій имѣлъ причины безпрестанно опасаться, что донесутъ въ Петербургъ о его какой-нибудь неисправности: онъ зналъ, что въ Иркутскѣ слѣдили за всѣми его дѣйствіями, и кромѣ того по-временамъ бывали въ Петровскомъ разнаго рода посѣтители, изъ которыхъ многіе пріѣзжали какъ соглядатели. Одинъ разъ коменданту былъ запросъ, какъ онъ осмѣлился отпустить княг. Трубецкую и княг. Волконскую на воды; но ни та, ни другая не отлучались изъ Петровскаго, и на этотъ разъ ему легко было оправдаться. Но бывали и такіе случаи, въ которыхъ ему было необходимо прибѣгать къ разнымъ уловкамъ. Изъ числа посѣтителей былъ въ Петровскомъ

и генералъ Чевкинъ, тотъ самый, который такъ неудачно дѣйствовалъ наканунѣ 14-го декабря въ 1-мъ батальонѣ Преображенскаго полка. Онъ пріѣзжалъ осматривать заводъ и ни съ кѣмъ не видался изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ. Онъ заѣзжалъ только къ княгинѣ Трубецкой, чтобы, повидавшись съ ней, передать объ ней извѣстіе ея роднымъ въ Петербургѣ. Потомъ пріѣзжалъ полковникъ Вохинъ, адъютантъ военнаго министра Чернышева; черезъ своихъ лазутчиковъ онъ старался развѣдать обо всемъ, что дѣлалось въ Петровскомъ, и особенно о нашемъ содержаніи въ казематахъ; комендантъ, узнавши объ этомъ, очень ловко предложилъ ему сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія объ насъ и объ женахъ государственныхъ преступниковъ и тѣмъ прекратилъ тайные розыски Вохина. Между прочимъ онъ ему разсказалъ наше внутреннее устройство и учрежденіе артели: вообще онъ любилъ нами хвастать передъ пріѣзжими и обыкновенно возилъ ихъ на гору, съ которой можно было видѣть расположеніе казематовъ.— Еще прежде посѣщенія Вохина пріѣхала въ Петровскій M-lle Ledantu съ позволеніемъ выйти замужъ за Ивашева, который зналъ ее прежде, когда она была еще почти ребенкомъ; родные его устроили все это дѣло, и онъ, женившись на пріѣхавшей къ нему невѣстѣ, былъ съ ней впослѣдствіи очень счастливъ. Во время пребыванія нашего въ Петровскомъ намъ было объявлено нѣсколько высочайшихъ манифестовъ, по которымъ сроки нашихъ работъ уменьшались, и одинъ изъ этихъ манифестовъ былъ подписанъ 14-го декабря. Въ силу такихъ уменьшеній весь пятый разрядъ долженъ былъ въ 1833 году отправиться на поселеніе, въ томъ числѣ и Александръ Муравьевъ; онъ просилъ какъ милости, чтобы ему позволено было остаться въ Петровскомъ вмѣстѣ съ братомъ, и изъ Петербурга получено было высочайшее позволеніе оставить Александра Муравьева въ каторжной работѣ на весь срокъ, который долженъ былъ пробыть въ работѣ Никита Му-

равьевъ. Скоро потомъ получена была изъ Петербурга еще бумага, въ которой было сказано, что государь императоръ, въ уваженіе представленной просьбы штатсъ-дамы княгини Волконской о сынѣ своемъ, приказать соизволилъ Волконскаго, освободивъ отъ работы, поселить на поселеніе. Волконскій просилъ, тоже какъ милости, чтобы ему позволено было остаться въ Петровскомъ, гдѣ его жена, очень слабаго здоровья, и дѣти, въ случаѣ нужды могли имѣть врачебныя пособія, тогда какъ въ Баргузинѣ, куда онъ былъ назначенъ, не было ни доктора, ни аптеки и никакихъ удобствъ для жизни. Высочайшимъ повелѣніемъ ему дозволено остаться въ Петровскомъ.

Во все время нашего заключенія въ Читѣ и въ Петровскомъ у насъ умеръ одинъ только Пестовъ, принадлежавшій къ Славянскому Обществу; болѣзнь его продолжалась не болѣе двухъ сутокъ, и все стараніе Вольфа было недостаточно, чтобы спасти жизнь товарища. Образъ нашего существованія очевидно былъ причиной такой малой смертности между нами. Вообще, мы подвергались несравненно менѣе всѣмъ тѣмъ случайностямъ, которымъ подвергаются люди нашихъ лѣтъ, живущіе на свободѣ; а въ случаѣ болѣзни мы тотчасъ имѣли всѣ врачебныя пособія и сверхъ того насъ окружало самое внимательное попеченіе товарищей. Но если образъ нашего существованія благопріятно дѣйствовалъ на сохраненіе жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствовалъ очень неблагопріятно на сохраненіе умственныхъ способностей. Въ Петровскомъ изъ 50-ти человѣкъ двое сошли съ ума: Андреевичъ и Андрей Борисовъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи и поселеніе оказалось еще болѣе вреднымъ, чѣмъ самое заключеніе. Изъ 30-ти человѣкъ, бывшихъ на поселеніи, пятеро сошли съ ума: въ Енисейскѣ Шаховской и Николай Бобрищевъ-Пушкинъ, въ Сургутѣ Фурманъ и въ Ялуторовскѣ Враницкій и Ентальцевъ. Образъ жизни нашихъ дамъ очень явно отозвался и на нихъ; находясь почти ежедневно въ

волненіи, во время беременности подвергаясь часто неблагопріятнымъ случайностямъ, многіе роды были несчастливы, и изъ 25-ти родившихъ въ Читѣ и Петровскомъ было 7 выкидышей; зато изъ 18-ти живорожденныхъ умерли только четверо, остальные всѣ выросли. Нигдѣ дѣти не могли быть окружены болѣе неустаннымъ попеченіемъ, какъ въ Читѣ и Петровскомъ; тутъ родители ихъ не стѣснялись никакими свѣтскими обязанностями и, не развлекаясь никакими свѣтскими увеселеніями, обращали безпрестанно вниманіе на дѣтей своихъ.

Вслѣдствіе уменьшенія сроковъ работы, въ 1833 и 1834 гг. отправилось на поселеніе 15 человѣкъ, изъ которыхъ только трое: Розенъ, Нарышкинъ и Лореръ были отправлены въ Западную Сибирь и поселены въ Курганѣ. Фонвизинъ былъ поселенъ въ Енисейскѣ, откуда его перевели потомъ въ Красноярскъ. Остальные 12 человѣкъ размѣщены были по деревнямъ Восточной Сибири. Впослѣдствіи перевели въ Красноярскъ и Павла Бобрищева-Пушкина для соединенія съ его сумасшедшимъ братомъ.

Въ 1835 году посѣтилъ Петровскій назначенный на мѣсто Сулимы генералъ-губернаторъ Броневскій, и такъ какъ по службѣ онъ былъ моложе генерала Лепарскаго, то его сопровождалъ къ намъ плацъ-маіоръ. Г-лъ Броневскій, оставшись съ нами наединѣ, спрашивалъ у насъ, по принятому порядку, не имѣемъ ли мы принести какихъ жалобъ, и, получивши въ отвѣтъ, также по принятому порядку, что мы всѣмъ довольны, онъ былъ съ нами очень любезенъ. Потомъ для него отомкнули всѣ двери коридоровъ, отперли настежь двери всѣхъ казематовъ, и въ то же время каждый изъ насъ долженъ былъ находиться въ своемъ нумерѣ. Проходя коридорами въ сопровожденіи плацъ-маіора, г-лъ Броневскій заходилъ въ иные номера, а въ другіе только заглядывалъ съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно заглядываютъ въ желѣзныя клѣтки

какой нибудь посѣтитель, осматривающій никогда не виданный имъ звѣринецъ.

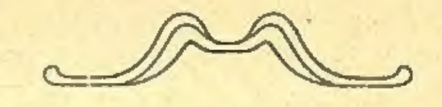
Въ 1836 году многимъ изъ насъ кончился срокъ работы, и въ іюнѣ было получено повелѣніе отправить 18 человѣкъ на поселеніе; но въ какія мѣста, было намъ неизвѣстно. Братья Муравьевы, Вольфъ и я согласились, если можно, быть вмѣстѣ на поселеніи, и по письмамъ, полученнымъ отъ своихъ, мы могли надѣяться, что это дѣло уладится по нашему желанію. Никита Муравьевъ, Волконскій, Ивашевъ и Анненковъ, какъ люди семейные, должны были заняться сборами прежде, нежели пуститься въ дальній путь, и потому не могли быть тотчасъ отправлены. Александръ Муравьевъ остался съ братомъ, и Вольфъ, какъ врачъ, съ высочайшаго разрѣшенія, долженъ былъ сопровождать Муравьевыхъ. Митьковъ и Басаргинъ, подъ предлогомъ болѣзни, оставались также нѣкоторое время въ Петровскомъ. Затѣмъ 10 человѣкъ: Тютчевъ, Громницкій, Кирѣевъ, два брата Крюковыхъ, Лунинъ, Свистуновъ, Фроловъ, Торсонъ и я, мы были отправлены въ Иркутскъ на перемѣнныхъ подводахъ, при офицерѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ.

Мы, не безъ горя, простились съ оставшимися товарищами, съ которыми дѣлили заточеніе почти 9 лѣтъ. Двадцать два человѣка изъ 1-го разряда, двое Бестужевыхъ изъ 2-го, трое Черниговцевъ, Ипполитъ Завалишинъ, полякъ Сосиновичъ и Кучевскій, попавшій, Богъ знаетъ почему, въ Читу, должны были пробыть въ Петровскомъ еще три года. Братья Бестужевы, по приговору верховнаго уголовнаго суда, стояли во 2-мъ разрядѣ, и трудно опредѣлить, почему, высочайшимъ указомъ, они оба были сравнены въ наказаніи съ государственными преступниками 1 го разряда. Меньшой, Михайло, служившій въ Московскомъ полку, 14-го декабря вывелъ свою роту на площадь; но по суду былъ найденъ менѣе виновнымъ, чѣмъ Щепинъ-Ростовскій, вышедши также на площадь со своею ротою и сверхъ

того изрубившій двухъ генераловъ и одного полковника. Николай, старшій изъ Бестужевыхъ, находился 14-го декабря при гвардейскомъ экипажѣ, равно какъ и Торсонъ. Ихъ обоихъ верховный уголовный судъ нашелъ менѣе виновными, чѣмъ Завалишина, Арбузова и Дивова. Въ глазахъ высочайшей власти главная виновность Николая Бестужева, какъ кажется, состояла въ томъ, что онъ очень смѣло говорилъ передъ членами коммиссіи и столь же смѣло дѣйствовалъ, когда его привели во дворецъ. Черезъ три дня послѣ 14-го декабря его взяли за Кронштадтомъ; въ эти три дня онъ безпрестанно странствовалъ пѣшкомъ и подвергался разнаго рода приключеніямъ. Когда его привели во дворецъ для допроса, онъ объявилъ генералу Левашеву, что не будетъ отвѣчать на вопросы, пока ему не развяжутъ руки. Въ первые дни послѣ 14-го почти всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи вязали веревкой руки за спиной, на главной гауптвахтѣ, а потомъ вели ихъ къ императору. Г-лъ Левашевъ не смѣлъ удовлетворить требованію Бестужева и развязать ему руки, не испросивши разрѣшенія самого государя, находившагося обыкновенно въ ближайшихъ покояхъ отъ той залы Эрмитажа, въ которой происходили допросы. Когда генералъ Левашевъ развязалъ руки Бестужеву, Бестужевъ сказалъ ему, что такъ какъ онъ въ продолженіе трехъ сутокъ ничего не ѣлъ, то и не можетъ отвѣчать ни на какіе вопросы, пока его не накормятъ. Г-лъ Левашевъ позвонилъ и велѣлъ подать ужинъ. За ужиномъ судья и подсудимый чокнулись бокалами, наполненными шампанскимъ. Послѣ трапезы начался допросъ, и такъ какъ Бестужевъ во многомъ не сознавался, то г-лъ Левашевъ пошелъ доложить объ этомъ императору, который вслѣдъ затѣмъ вышелъ самъ къ Бестужеву съ его портфелемъ въ рукахъ и, вынувъ изъ портфеля двѣ колоды картъ, подалъ ихъ Бестужеву, какъ улику его преступныхъ сношеній по Тайному Обществу. Бестужевъ объяснилъ его величеству,

что эта колода картъ не имѣла никакого другого назначенія, какъ служить забавой старушкѣ, его матери, любившей раскладывать пасьянсъ. Затѣмъ государь показалъ Бестужеву записку, въ которой было сказано о посылкѣ двухъ колодъ картъ, и требовалъ, чтобы онъ назвалъ того, кто писалъ эту записку. Бестужевъ отвѣчалъ, что записку эту писала дама, имя которой онъ не почитаетъ себя обязаннымъ объявить при допросѣ. Потомъ, когда его привели въ комитетъ, онъ очень смѣло разглагольствовалъ о всѣхъ недостаткахъ государственнаго устройства въ Россіи. Все это вмѣстѣ, вѣроятно, было причиной перемѣщенія Николая Бестужева изъ 2-го разряда въ 1-й.

Въ день нашего отправленія шелъ проливной дождь. Княгиня Трубецкая съ своимъ мужемъ и съ маленькой своей Сашей проводили меня и простились съ нами у часовни, въ которой погребена была Ал. Григ. Муравьева.

8) **Александръ I.**—Записки его друга кн. Чарторижскаго (не напечатаны въ Россіи ни разу.)

9) **Александръ I и старецъ Өедоръ Кузьмичъ.**— Изслѣдованіе.

10) **Военныя поселенія и Аракчеевъ.**

11) **Междуцарствіе и возстаніе 1825 года.**—Въ двухъ частяхъ Г. Василича. Первая часть конфискована по распоряженію комитета по дѣламъ печати.

12. **Апологія сумасшедшаго и философскія письма Петра Чаадаева.**

Изданіе составитъ двѣнадцать выпусковъ, въ 160 страницъ каждый, большого формата, въ общей сложности до 2000 страницъ текста.

Къ нему будутъ приложены **портреты** выдающихся дѣятелей и рисунки, изображающія событія.

Первый выпускъ вышелъ и разосланъ всѣмъ подписчикамъ; остальные будутъ выходить приблизительно каждый мѣсяцъ.

Для удобства изданія выпуски будутъ выходить не въ хронологическомъ порядкѣ событій.

Принимается подписка на слѣдующихъ условіяхъ: 1) для иногороднихъ: при подпискѣ уплачивается одинъ руб. и при полученіи каждаго выпуска по 85 коп. съ пересылкой во всѣ города Россіи. Сверхъ того за наложенный платежъ каждый разъ по 10 коп. (почтовые расходы). 2) Въ Москвѣ—1 руб. при подпискѣ и по 75 коп. каждый выпускъ съ доставкой. Въ случаѣ уплаты сразу впередъ за каждые три выпуска, наложенный платежъ принимается издательствомъ на себя.

По выходѣ третьяго выпуска (1-го декабря) цѣна будетъ повышена.

Для подписчиковъ „Биліотеки Декабристовъ" выключаются выпуски: Междуцарствіе и революція 1825 года.

Издатель-Редакторъ
Г. Балицкій.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская, 85, 29.
Телеф. 67-27.

Русское Товарищество, Москва.

Содержанiе 1-го вып.: 1) Заговоръ 1825 года — **А. И. Герцена.** 2) Воспоминанiе о **К. Ѳ. Рылѣевѣ — Н. Бестужева** (декабриста). 3) Поэзiя гражданской борьбы — **Г. Балицкаго** и 4) **Полное собранiе сочиненiй К. Ѳ. Рылѣева.** Томъ 1-й съ портретомъ.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ — **75** коп. **Арестъ,** наложенный на первый выпускъ, **снятъ.** См. отзывы **„Рус. Вѣд."** 1906 г., № 307 и **„Вѣкъ"**, № 77.

Содержанiе II-го вып.: 1) Образецъ человѣка (Н. Тургеневъ)—**Г. Балицкаго.** 2) Письмо къ Императору Александру II—**А. И. Герцена** и 3) **Россiя и Русскiе—Н. Тургенева.** Часть первая съ портретомъ.

Цѣна выпуска **80** к. См. отзывы **„Парусъ"**, № 28, **„Вѣстникъ Европы"**, Мартъ 1907 г. и **„Рус. Вѣд."**, № 70.

Содержанiе III-го вып.: 1) Что сталося съ вами? — **Мицкевича.** 2) Памяти Рылѣева—**Н. Огарева.** 3) Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда. 4) Всеподданнѣйшее донесенiе о казни декабристовъ. 5) Увѣдомленiе Коменданта. 6) **Казнь декабристовъ** (воспоминанiя очевидцевъ). 7) **Воспоминанiя Князя Е. П. Оболенскаго.** 8) **Прозаическiя статьи Рылѣева; Возмущенiе стараго л.-г. Семеновскаго полка** и друг. 9) **Переписка Рылѣева** (письма изъ крѣпости). 10) **Изъ показанiй К. Ѳ. Рылѣева.** 11) **Библiографическiя свѣдѣнiя. Портретъ и автографъ Рылѣева.**

Цѣна вып. **80** к. См. отзывы: **„Рус. Вѣд."**, № 70.

Содержанiе IV-го вып.: 1) **Обозрѣнiе проявленiй политической жизни въ Россiи—М. А. Фонвизина:** 2) **О подражанiи Русскихъ Европейцамъ**—его же. 3) **О крѣпостномъ состоянiи земледѣльцевъ въ Россiи** — его же. 4) **Проектъ Конституцiи Никиты Муравьева.** 5) **Добавленiя:** 1) а) Судная власть; б) Объ измѣненiи Устава; в) Критика на проектъ Муравьева; 2) **М. А. Фонвизинъ** (очеркъ) съ портретами Фонвизина и Муравьева. Цѣна **90** к. **Выпускъ разошелся весь.**

Содержанiе V-го вып.: 1) **Разборъ донесенiя — Н. Муравьева.** 2) **Россiя и Русскiе—Н. Тургенева.** Часть II-я. Цѣна **80** к.

Содержанiе VI-го вып.: Междуцарствiе и возстанiе 1825 года—**Г. Василича.** Историческiй очеркъ. Ц. съ 3 рис. 1 руб.

Содержанiе VII-го вып.: Записки И. Д. Якушкина.

Редакторъ-Издатель **Г. Балицкiй.**
Адресъ редакцiи: Москва, Долгоруковская, 85, 29.

